XVII СЪЕЗДУ ВЛКСМ — ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

СССР

ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИМЯ ЛЕНИНА

В СЕРДЦЕ

Мавлян ИКРАМ

Как стрела, что вонзается
в синь небосвода,
Мчится в космос корабль—
в нем портрет Ильича.
Угнетенный народ
в бой идет за свободу—
И ведет его в битву
совет Ильича.
Его имя поэту
дарит вдохновенье,
Смелость сердцу дарит,
а рукам—мастерство.
Наш порыв, наш размах,
наши крылья—он, Ленин!
И побед наших слава—
его торжество.
На горах и в морях,
в каждом поле и доме
Он, как солнце,
что светит для всех
и всегда.
В мире имени нет
людям ближе, знакомей.
Юность с Лениным в сердце
идет сквозь года.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Издательство «Правда»

Москва 1974 г.

23 АПРЕЛЯ НАЧНЕТ СВОЮ РАБОТУ XVII СЪЕЗД КОМСОМОЛА. Делегаты съезда, а вместе с ними вся многомиллионная армия юношей и девушек — членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи подведут итоги тому, что сделано ими за четыре года, со времени прошлого комсомольского съезда, наметят планы на будущее, чтобы с именем Ленина в сердце и впредь быть достойными борцами за коммунизм.

Как всегда, на этом самом большом комсомольском собрании пойдет разговор и о тебе, о твоем пионерском отряде, о том, как дальше шагать пионерии, младшему брату комсомола.

Ты знаешь, четыре года назад прошлый комсомольский съезд обратился к пионерам с наказом. Выполняя его, все пионерские отряды страны шли маршрутами марша **«Всегда готов!»**.

ПРИНИМАЙ НАШ РАПОРТ, СТАРШИЙ БРАТ, ДРУГ, ВОЖАТЫЙ — ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ!

10 250 лучших пионерских дружин, 135 743 лучших пионерских отряда получили звание правофланговых.

Это значит, что в этих отрядах и дружинах нет неуспевающих, все пионеры занимаются в кружках и клубах, на станциях юных натуралистов и юных техников, участвуют в походах и экспедициях, в спортивных состязаниях и конкурсах самодеятельности, создали клубы интернациональной дружбы, музеи революционной, боевой и трудовой славы народа, комсомольской и пионерской истории, помогают взрослым выполнять пятилетку, заботятся об инвалидах труда и войны, о малышах.

683 тысячи экспедиционных отрядов, объединивших 10 миллионов пионеров и школьников, участвовали во Всесо-

КАЖДОМ

Г. А. Струпулис. **ЛЕНИН.**

юзной экспедиции «Моя Родина — СССР», знакомились с героическим прошлым своей страны, с трудовыми подвигами тех, кто работает сегодня на передовых рубежах девятой пятилетки.

Документы и материалы, собранные ребятами, позволили создать и расширить 75 тысяч музеев, комнат и уголков боевой и трудовой славы народа. Стали известны имена 92 тысяч воинов, погибших на полях Великой Отечественной войны, память их увековечена 16 607 мемориальными досками и памятниками.

Огромной стала армия тимуровцев — более двух миллионов ребят шефствуют над ветеранами войны и труда, заботятся о малышах, помогают старшим всюду, где нужна их помощь. Прошел I Всесоюзный слет тимуровцев.

16 миллионов ребят принимают участие в игре «Зарница».

Все вместе пионеры разных республик построили Дворец пионеров на Чукотке.

Рапортуя XVII съезду комсомола, пионерские отряды и дружины всех городов и сел нашей огромной страны еще и еще раз внимательно приглядываются к себе, проверяют надежность и боевитость своих коллективов, думают о том, как дальше им жить, работать и учиться, чтобы занять достойное место в общем строю коммунистов, комсомольцев, пионеров.

Салютуя всем своим вожатым, всем комсомольцам Страны Советов, пионеры сверяют свои поступки и помыслы с поступками и помыслами комсомола. Обещают своему старшему брату, другу, вожатому — Ленинскому комсомолу — и впредь, как всегда, учиться у него идейной убежденности, преданности делу Коммунистической партии, умению не бояться трудностей и неизменно быть на самых передовых рубежах пятилеток, все свои силы, энергию, знания, работу отдавая на благо общего дела.

«Красный галстук стал революционным символом единения коммунистов, комсомольцев и пионеров» — сказано в постановлении ЦК КПСС «О 50-летии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина». Накануне пятидесятилетия присвоения комсомольской и пионерской организациям имени В. И. Ленина, приветствуя Семнадцатый комсомольский съезд, мы повторяем эти слова.

★

XVII КОМСОМОЛЬСКИЙ

XVII съезд ВЛКСМ. В жизни Ленинского комсомола важное событие, большой рубеж. Соберутся в Кремлевском Дворце съездов юноши и девушки, и у каждого на груди значок с силуэтом Ильича. Это те, кому комсомольцы страны доверили и поручили пристально и строго оглядеть путь, пройденный ими от XVI съезда, принять общие важные решения, наметить рубежи новых сражений и побед, мирных, но не менее серьезных, не менее боевых.

От имени комсомола, от имени всех молодых нашей великой страны Октября будут говорить, думать и решать делегаты Семнадцатого комсомольского.

Комсомол — авангард молодежи. За комсомолом, вместе с ним шагает юность Советской земли.

От съезда к съезду — четыре года жизни. Четыре года общенародной борьбы за осуществление планов девятой пятилетки.

Есть ток крупнейшей в мире Красноярской ГЭС, набирает свою великанью силу волжский автомобильный гигант в Тольятти, по жилам новых нефте- и газопроводов течет к заводам и фабрикам подземная энергия Сибири и Севера, ни зимой и ни летом не стихает битва за урожай — и всюду труд, мастерство и поиск молодых.

«От каждого — высшая производительность труда и отличное качество продукции»,— сказали красноярские комсомольцы.

«Пятидневное задание — за четыре дня!»— сказали комсомольцы Ленинграда.

«Вчера — рубеж новаторов, сегодня — комсомольская норма»,— сказали комсомольцы Днепропетровщины.

А все вместе сказали: «Дадим Родине продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». Сказали — и слово свое сдержали.

Ты читал в прошлом номере «Пионера» рассказ делегата XVII съезда ВЛКСМ, работницы Московского завода электровакуумных приборов Галины Арефьевой о том, как комсомольцы ее цеха сберегли для страны сто тысяч рублей? Ты почувствовал эту радость жаркой работы?

Прочти рассказ делегата съезда Рыспека Юсупова — дояра из Киргизии. Подумай, что же главное в характере Рыспека, в комсомольском характере.

Без знаний нет коммунизма. В комсомоле все учатся. Для миллионов твоих старших товарищей учение в школе, техникуме, институте — главный труд. Но знания обретают силу оружия, когда они соединяются с трудом.

Ты слышал о студенческом миллиарде? Прочти в этом номере рассказ делегата съезда Василия Нагаева. Прочти и проникнись кипучим трудовым азартом бойцов студенческих строительных отрядов.

Проникнись трудовым подвигом Ленинского комсомола!

Впереди у советской молодежи много дел, сложных и ответственных. Родина, партия глубоко верят в молодое поколение, в его трудолюбие, настойчивость и самоотверженность.

Комсомол и дальше пойдет под знаменем Ленина, по пути, указанному партией, ее XXIV съездом, доказывая верность великим заветам Ленина, одерживая все новые победы во имя процветания и могущества нашей Родины.

Ребята передали товарищу Л. И. Брежневу пионерское знамя, повязали ему, Фиделю Кастро, советским товарищам галстуки кубинской пионерии. «От имени нашей социалистической родины,— сказала одна из пионерок, обращаясь к Леониду Ильичу,— мы вручаем Вам славное знамя Союза пионеров Кубы, которое символизирует крепкую дружбу между кубинскими и советскими пионерами».

ЗАКОН НАШЕЙ ЖИЗНИ

Ты уже знаешь, что в один из дней своего недавнего визита на остров Свободы Леонид Ильич Брежнев побывал на торжественном открытии школы-интерната имени Ленина.

Выступая перед всеми, кто собрался на открытии школы, Леонид Ильич Брежнев обращался ко всем юным гражданам Кубы. Слова Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза обращены и к вам, пионеры и школьники Страны Советов:

«Верное служение своей социалистической родине, добросовестное отношение к труду, высокая сознательность, готовность помочь друг другу — вот в чем проявляются новые, коммунистические черты характера и поведения людей. Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества — вот закон нашей жизни. Человек в социалистическом обществе ценится по труду, по знаниям, по духовным качествам. Нам глубоко чужда прогнившая мораль старого мира с его эксплуатацией и национальной рознью, с его стремлением к личному обогащению, с его эгоизмом. Эту мораль мы отвергли начисто и навсегда!»

ИЗ КУБИНСКОГО ДНЕВНИКА

В этом номере вы читаете повесть **Владислава Петровича КРАПИВИНА** «Мальчик со шпагой». Писатель В. П. Крапивин, командир пионерской парусной флотилии и юнкоровского пресс-центра «Каравелла», недавно побывал на Кубе. Несколько страничек из его кубинского дневника посвящены пионерам Гаваны.

УТРО В ГАВАНЕ

На рассвете в Гаване поют петухи. Словно где-нибудь в Подмосковье или на Урале.

Я открыл глаза, увидел летнее рассветное небо в громадном окне... и все вспомнил. Я в Гаване!

Выскочил на балкон. Над Мексиканским заливом, над небоскребами, куполами и башнями из тумана выскочило солнце. Из красного оно превратилось в ослепительно-золотое, и море стало синим, а город белым.

Улицы заполнялись машинами и пешеходами. Я вывинтил из кинокамеры телеобъектив и стал смотреть, как в подзорную трубу.

Среди пешеходов больше всего было ребят. Оказывается, через дорогу от нашей гостиницы «Гавана либре» находится школа. Вот туда-то, в бывшую виллу какого-то миллионера, и сбегались ребята.

...После завтрака я вышел на улицу. Один. Через дорогу на школьном дворе шумела перемена. Футбольный мяч перелетел через каменную изгородь и запрыгал по мостовой. Несколько мальчишек вскочили на парапет. Двор был гораздо выше улицы, прыгать вниз им не хотелось, и они ждали, когда кто-нибудь из прохожих бросит им мяч.

Вместе со мной на мостовую выскочил рослый солдат с могучим пистолетом в открытой кобуре, с якорями на погонах — видимо, морской пехотинец. Угадав во мне гостя, он вежливо уступил мяч. Я собрался кинуть, но солдат, улыбаясь, показал, что полагается пнуть. Мальчишки на стене (вот черти!) выжидательно замерли. За ними блестели школьные окна. Я догадывался, что на Кубе учителя относятся к разбитым стеклам примерно так же, как у нас, и не хотел начинать пребывание в незнакомой стране с неприятностей. Но с другой стороны... не мог я посрамить честь друзей детства, с которыми когда-то гонял в футбол на пустыре за водонапорной башней в далеком от Гаваны сибирском городе Тюмени. Пришлось ударить «свечку». Мяч ушел вверх и опустился почти в руки мальчишек. Они схватили его и довольно дружно прокричали: «Вива, това-ри-сч!» Я на миг почувствовал себя центральным нападающим нашей сборной.

Ребята попрыгали во двор, а один из них — тот самый, похожий на барабанщика—остановился, балансируя на стене. Оглянулся на меня, словно ждал чего-то.

— Комо эстá ту номбрэ?! — крикнул я.— Как тебя зовут?

Я знал, что с точки зрения испанской грамматики вопрос звучит абсолютно безграмотно. Однако он понял.

— Энрике,— сказал он.— И прежде чем догнать товарищей, помахал рукой:

— Аста ла виста!

И все они побежали в школу, потому что начинался урок. На дворе стало тихо, а через минуту из открытых окон донеслась песня. По нескольким знакомым словам я догадался, что это песня кубинских пионеров «Будем, как Че!». Песня о том, что каждый из ребят хочет быть похожим на Эрнесто Че Гевару, героя Кубы, героя Латинской Америки, погибшего в боях за свободу.

ХОЗЯИН «КОМЕТЫ»

Его тоже звали Энрике. Он сидел на корточках у двери своего дома на улице Нептуно, серьезный и недовольный. Перед ним лежала шестигранная «комета» — воздушный змей.

Когда с залива дует свежий ветер, над набережной Гаваны — Малеконом, над бронзовыми конными статуями генералов, которые стоят вдоль берега, над крышами и балконами взмывают сотни бумажных змеев. Их называют «комета» или «папелоте» — бабочка. С утра до вечера змеи стоят в воздухе на уровне небоскребов.

Энрике не повезло. Его «комета» зацепилась за балкон и сломала рейку.

Мы сели на порог и занялись ремонтом. Я помогал Энрике и попутно пытался объяснить преимущества четырехугольного «конверта», который мастерят наши мальчишки, перед ромбами и шестигранниками. Помощь он охотно принял,

а к объяснениям отнесся недоверчиво. Может быть, не разобрал. Но главное Энрике понял: он узнал, что у нас в СССР мальчишки тоже любят запускать воздушных змеев, любят ездить на самокатах и велосипедах, гонять в футбол и прекрасно знают про Гавану и кубинскую революцию.

А я узнал, в свою очередь, что кубинские ребята неплохо осведомлены о нашей жизни, что многие хотят стать учителями или космонавтами и что большой драгоценностью считают значок с изображением Ленина. Такой, например, как у меня на рубашке. Они говорят ласково и чуть нараспев: «Л-лэ-энин».

Он счастливо блеснул черными глазами, сжал в кулаке рубиновую капельку с барельефом Ильича, довольно чисто сказал «спа-сибо» и умчался с починенной «кометой» на Малекон.

ПРОФЕССОР

Парнишка лет двенадцати выловил полуметрового кальмара и, гордясь удачей, выбрался на плиты набережной. Сбежались приятели. Один тоже с добычей, с рыбой, похожей на оранжевого петуха. Я попросил разрешения снять их вместе с трофеями на кинопленку.

Снять? А это что за аппарат? Камера де синема? И это кино увидят советские пионеры? Вива! Хорхе, тащи сюда двух своих рыбин! А что, снимают только тех, кто с добычей, или всех, кто хочет? А можно подержать камеру?

Подошел светловолосый паренек лет пятнадцати. Улыбнулся. Не очень складно, однако довольно понятно объяснил по-русски, что он тоже хочет сняться. Потому что у него самый лучший трофей. Какой? Вот этот. Он из-за брючного ремня выдернул книжку. Это была «Психология детей», перевод с русского.

Я спросил, где он учится. Оказалось, что в девятом классе.

— И вы изучаете в школе такие науки?

Нет, в школе не проходят. Он сам изучает. Он с таким трудом достал эту книжку в библиотеке. Зачем изучает? Скоро поступит в педагогический институт и станет учителем. Вы знаете, как нужны Кубе учителя!

ДВЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Профессор — по-испански значит учитель, профессора — учительница. Это очень почетное звание.

Я помню двух учительниц. Одну звали Рене Поттс. Она уже полвека учит ребят. Всю жизнь она проработала в окраинных школах, где до революции учились дети бедняков, рабочих, эмигрантов. О своей нелегкой работе, о любви к неугомонному ребячьему народу написала она поэму, целую книгу в стихах, и сама сделала к ней рисунки. Эта книга была напечатана в типографии Гаванского университета. На русский язык название можно перевести примерно так: «Сердце учительницы».

Марта еще не настоящая учительница. Ей одиннадцать лет, и ходит она в пятый класс. Но она во всех делах лучшая помощница Рене Поттс. Устроить собрание, или ребячий концерт, или празднование чьих-то именин, или выставку рисунков — в этом на Марту всегда можно положиться. А в вестибюле своего дома она организовала почти настоящую школу для окрестных малышей. С уроками рисования, пения, с чтением сказок, с классной доской, на которой можно писать мелом.

И кроме того, она ничуть не боится мальчишек. Звонко хлопнула по голому пузу юного «д'Артаньяна», чтобы не махал «шпагой» вблизи малышей, отодвинула с пути курчавого мальчишку на самокате, строго предупредила пухлого, толстогубого Америго, чтобы не забыл про рисунки для выставки.

... Если вы приедете в Гавану и окажетесь рядом с прибрежным старым замком, который в 1830 году осаждали англичане, сверните с Малекона в боковую улочку. Там стоит белый восьмиэтажный дом. На лужайке перед ним, среди ребят, вы сможете встретить худенькую сероглазую девочку с русой прической «лошадиный хвостик». Это и есть Марта Собрино. А еще лучше, спросите любого малыша, где «профессóра» Марта.

Чехословацким ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья из Праги, Хрудима, Ржичаны, Старой Болиславы, Братиславы!

Мы вам уже писали, *что каждый год в нашей школе проводим неделю чехословацко-советской дружбы. Во всех классах прошла викторина «Знаешь ли ты ЧССР?». Потом мы заочно путешествовали по Чехословакии: покатались на лыжах в горных Татрах, гуляли по узким улочкам Златой Праги.*

Дорогие друзья!

Мы знаем, что в этом месяце вы отмечаете 25-летие со дня образования пионерской организации ЧССР. От всего сердца поздравляем вас с этой замечательной датой. Пионеры всего Советского Союза шлют свои самые искренние поздравления всем пионерам Чехословакии!

Пусть крепнет дружба пионеров СССР с пионерами ЧССР!

КИД школы № 16,
г. Москва

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА и В. ДУДКИНА.

Тетя Галя заглянула в Сережину комнату и сказала:

— Тут один жилец приходил, на тебя жаловался. Что такое ты утром натворил?

Сережа сидел на кровати и не спеша расстегивал рубашку. Он хотел пораньше забраться в постель, включить настенную лампочку, взять книгу «Двадцать лет спустя» и еще раз перечитать историю о том, как герцог Бофор бежал из Венсенского замка. Разговаривать об утреннем случае вовсе не хотелось. Даже вспоминать этого наглого Петю Дзыкина и то не хотелось...

— Ничего я не натворил. Это он натворил,— хмуро сказал Сережа.— Задумал у ребят мяч проткнуть. А я не дал.

— Ну, про мяч я не знаю. А грубить-то зачем? Зачем ты ему таких слов наговорил?

— Я? — изумился Сережа.— Я ему только сказал, что здесь общий двор, а не его огород. А что, не правда?

— Такие слова взрослому человеку говоришь. Хоть бы подумал: он в три раза старше тебя.

— Если старше, пусть не хулиганит. Его, что ли, мяч? Если нравится протыкать, пускай купит себе и протыкает...

Продолжение. Начало в № 3.

— Вы же сами его из терпения вывели. Все цветы потоптали.

— Мы? Потоптали? — вскинулся Сережа.— Во-первых, не «мы», потому что я там даже не играл. Во-вторых, ни один цветок не был сломан. Ведь ты же не была там, а говоришь!

— Ну, ладно, ладно... Ты уже закипел, как чайник. Я в этом деле разбираться не стану. Отец придет, пусть разбирается.

— Ну да, будет он разбираться! Он бы сам вмешался, если бы видел, как они к ребятам пристали.

— Он — это другое дело. Он взрослый человек. И тот взрослый...

— Ты все одно: «Взрослый, взрослый!» — действительно закипел Сережа.— Этот Дзыкин не взрослый человек, а взрослый шкурник. Ну откуда они такие берутся? Сытые, нахальные, думают, что вся земля для них, весь мир! Для их грядок и гаражей. Все будто только для их пользы. Поэтому и наглые. Как тот шофер!

— Господи, какой еще шофер?

— Забыла? Ты меня все за рубашку дергала: сядь да сядь. В автобусе. Чего он к бабке привязался? Я же видел: она деньги опустила, а он орет: «Деньги не бросала — билет отрываешь?! На кладбище пора, а совести нет!» Она плачет, а он орет. Его бы самого на кладбище! А ты только одно: сядь, не груби.

— Ну и что? Я ему сама сказала, что так нехорошо.

— Ты сказала! Да он и не посмотрел на тебя. Хорошо, что летчики вмешались... Другие тоже — сидят и молчат, будто не их дело. Тоже взрослые...

Тетя Галя устало отмахнулась.

— Тебя послушать, так будто и хороших людей на свете не осталось.

— Что? — удивился Сережа. И как-то сразу успокоился. Ему сделалось даже смешно. И не стал он больше ничего говорить. Он вспомнил хороших людей, которых знал или видел. Костю, журналиста Иванова, маленького Димку... Летчиков в автобусе. Кузнечика... Татьяну Михайловну... Наташку, дядю Игоря. Ребят в своем классе и в Наташкином... Врача Марину Аркадьевну, капитана Володю и моториста Витю с катера «Азимут».

Это были только те, кого он вспомнил за несколько секунд.

Потом Сережа подумал о хороших людях, которых встретил сегодня: Олег, Андрюшка, Гарц, Данилка и его барабанщики. Валерик, Вовка и Вадик Воронины, Андрюшка Ткачук, его мама в кинотеатре «Космос». Шофер какого-то служебного автобуса — он увидал ребят на троллейбусной остановке, открыл дверцу и сказал: «В кино, небось, собрались? Садитесь, а то опоздаете, там на линии провод оборвался...»

И этот новичок, Митя Кольцов, кажется, тоже хороший парнишка.

А из плохих людей сегодня встретились только двое: горластая Дзыкина и ее ненаглядный Петя.

Кто же виноват, что среди людей попадаются такие дзыкины?

Они вредят, гадят, хапают. И не всегда по злости, а потому просто, что им наплевать на всех, кроме себя. И кроме таких же, как они.

И один такой может испортить жизнь многим хорошим людям.

А всадники успевают не всегда...

Сережа разделся и залез под одеяло. Открыл книгу. Стало тихо. Посапывал в своем углу Нок, и звонко тикал будильник.

...Герцог Бофор приподнял верхнюю корку пирога и, к ужасу своего тюремщика, достал из-под нее веревочную лестницу...

— Сережа! — позвала из кухни тетя Галя. — Вынеси, пожалуйста, ведро. А то очистки уже на пол валятся.

Ну вот! Думаете, приятно вылезать из-под одеяла и тащиться к мусорному ящику?

— Тетя Галя, можно, я утром?

— Господи, ну неужели трудно спуститься по лестнице? Ящик в двух шагах.

Как можно убедительнее Сережа сказал:

— Ну что с ним сделается, с этим ведром, до утра? Завтра встану и, честное слово, сразу унесу.

— Плесень-то разводить... — проворчала тетя Галя. Но больше ничего не сказала.

Сережа снова уткнулся в книгу. Но все же его слегка точило беспокойство. Он невольно прислушивался. В кухне звякнула дужка мусорного ведра. Сережа вздохнул, откинул одеяло, сунул ноги в полуботинки и вышел в прихожую.

Тетя Галя стояла у двери с ведром в руке.

— Давай вытащу, — сказал Сережа. — Раз так срочно это надо...

— Ладно уж... — Тетя Галя мельком взглянула на Сережу. — Куда ты раздетый по холоду. Скажешь еще потом, что и я тоже никуда не годный человек.

В Сереже будто струна сорвалась. Он прикусил губу, постоял секунду и ушел к себе, стуча незашнурованными башмаками. Обида нарастала, как боль, когда прижигаешь йодом ссаженный локоть: первую секунду еще ничего, а потом жжет все сильней, сильней — прямо слезы из глаз.

И не из-за последних тети-Галиных слов обида, а вообще. «Ну почему, почему так? Объясняешь, доказываешь, а тебя даже слушать не хотят?»

Мама смотрела с большой фотографии. Она сидела на корме вытащенной на берег лодки и немного удивленно улыбалась: «Кто тебя, Серенький?»

Сережа лег лицом в подушку, стиснул зубы, но слезы все равно прорвались. Неожиданно горькие, неудержимые. Он сам даже не понимал, откуда это. Ну ничего такого-то уж не случилось. А остановиться не мог. И только одного хотел: чтобы тетя Галя и Маринка не услышали.

Прежде всех услышал Нок. Подошел, встревоженно ткнулся мокрым носом. Сережа обхватил его за шею и заплакал сильнее. И стало уже все равно.

Поспешно вошла тетя Галя, села рядом.

— Да ты что, Сереженька? Ну зачем ты, в самом деле... Нельзя же так. Я же не знала, что ты уже лег. Будь оно неладно, это ведро! Как будто в ведре дело!

Тетя Галя осторожно положила ему на затылок ладонь.

— Ну хватит, хватит... Ты уж не заболел ли?

Он сердито мотнул головой, сбросил руку. И мстительно подумал: «Боится, папа придет и увидит, что я реву от нее». Но тут же ему стало стыдно от этой мысли. Будто он за спиной у тети Гали сделал какую-то гадость. Сразу ушла обида, остановились слезы.

— Да ничего. Все уже, — пробормотал он и потерся мокрыми щеками о подушку.

— Может быть, у тебя голова болит?

— Да нет. Это так. Ну все уже, правда...

Он сердито придвинул к себе книгу и глазами, в которых не высохли слезы, уставился в лист. И ничего не видел.

— Что же ты лег, даже не поужинал? — нерешительно сказала тетя Галя. — Может быть, встанешь, покушаешь?

— Нет, я не хочу.

— Тогда хоть чаю попей.

— Я правда не хочу.

— Ой, характер! — вздохнула тетя Галя. Погладила его по затылку и вышла.

Это она права: характер никудышный. Девчоночий. Глаза на мокром месте. Тогда, летом, в автобусе, тоже чуть не разревелся. В тот момент, когда летчик загородил его и сказал во-

дителю: «Ты, копеечный рыцарь, не кидайся словами! Сопляк — это тот, кто позволяет себе такие гнусные выходки, как ты сейчас. Мальчик в тысячу раз больше мужчина, чем ты».

Мужчина! У него тогда в горле заскребло, как у дошкольника, потерявшегося в универмаге. И он всю дорогу не отрывался от окна, потому что щипало в глазах...

Читать уже не хотелось. Он дернул шнурок лампочки и в темноте повернулся к окну. Там было видно только темно-синее небо. В нем горел яркий, как фонарик, Юпитер. Иногда он почти угасал и тут же снова радостно вспыхивал: это пролетали тонкие, невидимые облака.

Сережа уснул. Ему приснился чужой, горячий от солнца город. Старинные серые дома с разноцветными стеклами в полукруглых окнах, темные арки и галереи, вдоль которых стояли могучие колонны из ноздреватого камня. Из пожухлой травы подымался средневековый испанский бастион с чугунными орудиями. На горячих стволах были оспинки от ржавчины. За старыми домами, как белые острые скалы, вставали небоскребы. Это был, наверно, Сантьяго.

В конце улицы синей стеной стоял тропический лес. Оттуда по середине мостовой шел навстречу Сереже мальчик в зеленой рубашке. В пустой улице, словно громкие часы в тишине, щелкали по плитам песчаника его подошвы. Мальчик был вроде бы Генка Кузнечик и в то же время Митя Кольцов и еще какой-то незнакомый мальчишка.

Город был враждебный, полный измены и злобы. За колоннами, за желтыми зубцами бастиона притаились пулеметы.

А мальчик шел.

— Что ты делаешь? Они же убьют! Ложись, прячься! — закричал Сережа. Но голос его погас в плотной знойной тишине, и прозвучал только шепот.

Сережа хотел закричать снова, но тут включился пулемет. Он заработал беззвучно, и Сережа лишь почувствовал круглые короткие толчки воздуха. На рубашке мальчика расползлись темные пятна, он постоял, опустился на колено, упал и раскинулся на плитах. Пуля ударила рядом и отбила от песчаника острый осколок.

Сереже захотелось лечь и вдавиться в камень. Но он, чувствуя всем телом, как следят за ним пулеметы, подошел и наклонился над мальчиком. Он почему-то сразу понял, что это тот мальчик, от которого Кузнечик ждал письма.

На рубашке у мальчика в середине темных пятен были маленькие черные отверстия.

Сережа перестал бояться. Он повернулся лицом к желтому бастиону и подобрал с мостовой каменный осколок. Сжал, как гранату.

Над каменными стенами появились головы врагов. И каждый из них был Дзыкин. Сережа чувствовал, как они беззвучно кричат друг другу: «Скорей, скорей!» Из черного глазка пулемета выскочил оранжевый огонек, и пули очень сильно стали толкать Сережу в грудь, плечи. Но он не падал. Он решил не падать.

Каменный обломок удобно и прочно лежал в ладони. И Сережа увидел, что это уже не камень, а рукоять с глухой, как у эспадрона, гардой. Из рукояти очень быстро выползал узкий зеркальный клинок.

Сережа выпрямился над убитым мальчиком. Сжал рукоять и пошел к бастиону.

Не трогай!
Не трогай!
Не трогай!
Товарища моего...

Ну и работка досталась Валерику и Вовке Ворониным! Нарисовать сорок два рыцарских герба! Красками. На ватмане. Каждый размером с развернутую тетрадку.

Потом гербы наклеили на разноцветные бумажные флаги, а флаги развесили под потолком спортзала на протянутых от стены к стене шпагатах.

Сережин герб висел во втором ряду, третий слева. Это был ярко-оранжевый геральдический щит с белой окантовкой. По огненному рассветному полю мчались два всадника. Сами всадники были темно-красные, а кони — светло-серый и черный. Всадник на сером коне был с шашкой в опущенной руке, всадник на чер-

Гербы наклеили на разноцветные бумажные флаги, а флаги развесили под потолком.

ном — с поднятым копьем. Снизу, из левого угла щита, навстречу конникам било тонкими лучами яркое белое солнце.

Был теперь герб и у Мити Кольцова: темно-синий круг, перечеркнутый внизу цепочкой кудрявых голубых волн, по которым плыл белый кораблик.

Право на свою эмблему Митя заслужил через две недели после прихода в клуб. Голосовала сначала за это Митина группа с капитаном Алешей Смирняковым, а потом совет. Что говорили на совете капитаны групп, Сережа не знал. Но раз перевели человека из кандидатов в полноправные члены «Эспады», значит, человек того заслужил.

Встречался с Митей Сережа редко: учились они в разные смены. Виделись иногда по воскресеньям да еще раз в неделю на общих вечерних линейках клуба. Но все же один бой у них был.

Это случилось в первое воскресенье октября. Сережа и Митя пришли раньше всех, и Олег предложил:

— Ну-ка, поручик, возьмите рапиру и посмотрите, каких успехов достиг ваш ученик.

— Как посмотреть? Защиты проверить?

— Нет, зачем же. Просто бой.

Митя порозовел от волнения. Он взглянул на Сережу почти виновато, словно хотел сказать: «Я понимаю, что мне смешно тягаться с тобой. Но что поделаешь, раз вызывают?»

На дорожке он старательно, по всем правилам, отдал салют на три стороны, хотя боковых судей не было, за боем наблюдал только Олег. Сережа снисходительно улыбнулся под маской.

И они сошлись.

Конечно, он был слабоват перед Сережей. Ну что ж, ведь и месяца не прошло. Многому ли научишься за такой срок? Но кое-чему Митя научился. Защиты брал умело, не махал клинком, как новички, зря не отступал.

Сережа нанес ему первые два укола и слегка расслабился: противник был неопасный. А зря. Зевнул и тут же сам заработал укол.

А второй укол Митя нанес ему хитро: после ложного выпада и двойного перевода с захватом. «Елки-палки»,— шепотом сказал Сережа. Олег, не скрывая удовольствия, произнес:

— Вот так, уважаемые сеньоры!

Сережа решил, что надо кончать, и одну за другой провел две успешных атаки. Но во время третьей атаки промахнулся и заработал еще одну «дырку» — отвечал Митя мгновенно.

Кончился бой со счетом 5 : 3 в Сережину пользу. Но когда пожимали руки, Митя улыбался счастливо, как победитель. Еще бы! Все-таки он нанес три укола одному из лучших фехтовальщиков клуба.

— Ну как? — спросил у Сережи Олег.

— С ним зевать опасно,— шепотом сказал Сережа.— Когда он успел? Наверно, каждый день занимается?

Олег кивнул:

— Почти...

Однажды при Сереже пришла Митина мама. Сказала, что хочет посоветоваться.

— Понимаете, Олег Петрович, вызвали меня в школу... Была у них недавно в классе репетиция, коллективное чтение стихов готовили к концерту. А Митя отказался, потому что тренировка в клубе. Вот учительница и рассердилась. Даже сумку у него отобрала. Сказала, что не отдаст, пока я не приду.

— Ну уж сумку-то отбирать — это совсем не дело,— решительно сказал Олег.— Разве так чему-нибудь хорошему научишь?

— Да бог с ней, с сумкой,— устало произнесла Митина мама.— Не это меня тревожит. Учительница, когда мы беседовали, сказала такие слова... правда, может быть, сгоряча... Говорит, зря он там только время тратит. Что, говорит, вы думаете, он у вас спортсменом станет? Занимался бы, мол, своими книжками да корабликами. Как говорится, каждому свое...

Олег потемнел лицом.

— Ну и что же? — сдержанно спросил он.

— Ну вот... Я уж боюсь. Может быть, она права? Как у Мити здесь успехи?

Олег усмехнулся:

— Успехи? По-моему, самый большой успех, что ему здесь нравится. В уголок не жмется больше, решительней стал. Друзья у него появились. Особенно один. Есть тут у нас такая личность — Данилка Вострецов. Их теперь лошадьми друг от друга не оттащишь.

Митина мама расцвела:

— Ой, знаю Данилку, он у нас был! Рыженький такой, симпатичный. Чудо-ребенок!

— Хм...— тихонько произнес Сережа, вспомнив «чудо-ребенка», упавшего со шкафа.

Олег бросил на Сережу быстрый взгляд и продолжал:

— Митя мне как-то признался, что раньше у него такого друга не было. Ну, такого крепкого, что ли... А спортивные успехи, что ж... Не хуже, чем у остальных. Пусть учительница придет, сама посмотрит.

— Едва ли она захочет. Она как-то звонила сюда по поводу одного мальчика из шестого класса. Насчет его двойки. И почему-то очень на клуб обижена.

Сережа решил, что можно вмешаться.

— Ну и зря, если не придет,— сказал он.— Вот наша Татьяна Михайловна везде с нами ходит. У ребят в бассейне были соревнования, так она даже туда ходила, хоть ей и нельзя, где влага, потому что ревматизм. Она уже немолодая, скоро шестьдесят лет, а все равно...

Олег предложил:

— Если учительница не захочет, вы-то все равно приходите. Скоро у нас финальные соревнования на приз клуба. Праздник. Видите вот, флаги вешаем. В эти дни отборочные бои идут. У Мити есть шансы попасть в финал.

Он перехватил удивленный взгляд Сережи и подтвердил:

— Да, представьте себе, поручик. Имеете возможность встретиться в честном поединке с вашим учеником... Кстати, познакомьтесь, Оль-

га Васильевна,— обратился он к Митиной маме.— Сергей Каховский, первый учитель вашего сына.

— Ну уж, учитель,— сказал Сережа.— Полчаса позанимался в самом начале.

— Удачное было начало,— сказал Олег.

Финальные соревнования состоялись в конце октября. Накануне, в субботу вечером, Сережа зашел к Кузнечику.

— Придешь? — спросил он.

Генка виновато покачал головой.

— Завтра внеочередная тренировка, первый выход на лед.

— Жалко,— сказал Сережа.

— Я, может быть, позже приду. Если рано кончим,— пообещал Кузнечик.— Как раз к тому времени, когда тебе будут первый приз вручать.

— Иди ты,— отмахнулся Сережа. И признался: — Знаешь, Кузнечик, я боюсь что-то... Первые соревнования. Да не думай, что мне приз очень нужен! Я боюсь, что размякну и начну по-глупому проигрывать... Хорошо, когда за тебя болеют. Сразу сил прибавляется.

— За тебя и так весь клуб болеет.

— Ну уж, весь клуб! Каждая группа болеет за своих финалистов. И потом одно дело, когда своя группа, а другое — когда кто-то еще, не из клуба.

— Ага! — хитро сказал Кузнечик.— А уговаривал меня записаться в «Эспаду».

— А ты решил? — быстро спросил Сережа.

— Нет, не могу. Вот если выгонят из секции, тогда приду.

— За что тебя выгонят?

— Да пока не получается из меня хоккеист. Тренер ворчит.

— Вот и давай к нам. У нас никого не выгоняют, если не получается. И Олег из-за этого никогда не ворчит. Можно вообще не заниматься фехтованием.

— А как тогда?

— Ну, мало ли в клубе дел? Олег кинокамеру достал, будем, наверно, фильм «Три мушкетера» снимать.

— Здорово,— искренне сказал Кузнечик.— Но я пока не могу. Вот добьюсь своего в хоккее, тогда посмотрим.

«Если добьешься, тогда совсем уж уходить не захочешь»,— чуть не сказал Сережа. Но промолчал.

Дружба их была в самом начале, а в эту пору люди боятся обидеть друг друга неделикатной настойчивостью или даже одним неосторожным словом.

Зато с Наташей Сережа договорился быстро. Правда, сперва она отругала его: почему редко приходит? Но потом быстро сказала:

— Ладно, приду.

Подумала и спросила:

— Можно Стасика взять?

Сережа слегка удивился.

— Ну, возьми... Думаешь, ему интересно будет?

— Да это неважно. Просто хочу его увести куда-нибудь. В воскресенье у них отец дома весь день, а он такой... Стаське от него плохо.

— Приводи, — сказал Сережа. — Только пусть он сидит поспокойнее. А то он всякое может.

Стасик Грачев, которого Сережа спас от Мадам Жирафы, действительно мог «всякое».

На первый взгляд это был тихий мальчик, славный такой, с русой челкой над глазами и смешным пучком волос на затылке. С честными серыми глазами, которые от одного ласкового слова наливались вдруг слезами, словно в них вставляли стеклышки. Но порой в Стасике что-то взрывалось. Он отчаянно хохотал, метался по классу и коридору, скакал по партам, лупил ребят книгами по макушкам. Когда его пытались унять, визжал и кусался. Дело кончалось опять слезами, но уже громкими и злыми.

А случалось, что Стасик подходил к кому-нибудь из старших, брал за локоть, прижимался щекой к рукаву и стоял так по нескольку минут. Подошел он так однажды и к Сереже. Потом Сережа спросил у Наташи:

— Чего это он?

Наташа серьезно сказала:

— Маленький, а нервы никуда не годятся.

Наташа пришла без Стасика. Сказала, что его не отпустили. Она дала Сереже мятный леденец и забралась в угол, на стул. В другом углу, стесняясь шумной толпы мальчишек, уже сидела Митина мама. Она была единственным взрослым среди зрителей. Остальные были свои же ребята из «Эспады», которые не попали в финал и пришли болеть за друзей, или приятели и одноклассники финалистов.

Места для зрителей устроили у длинной стены против окон. Притащили из кают-компании все стулья и даже диван. Его, конечно, сразу оккупировала «барабанная команда», которую Данилка привел болеть за Митю.

Вошел Олег и попросил зрителей «не вопить, как на стадионе в Рио-де-Жанейро». Потом скомандовал бойцам построение.

Финалистов было семь. Предстоял двадцать один бой. На черной доске темнели пустые квадраты расчерченной мелом таблицы. Скоро там появятся единицы и ноли: кому-то радость победы, кому-то наоборот.

На судейском столике лежали дипломы и стоял пузырек с тушью, чтобы вписать имена победителей. А в прозрачной коробочке поблескивал жетон с красной ленточкой. На жетоне были скрещенные шпаги и надпись: «Чемпион «Эспады» 1973». Дипломы Олег взял в райкоме комсомола, а жетон по

— Это правда, Сереж?

его просьбе сделал из латуни знакомый гравер...

Кончилась жеребьевка. Сереже выпало выступать в первой же паре.

Он застегнул нагрудник, натянул перчатку... и понял, что уже не боится и не волнуется.

Первый бой был нелегкий. Большой, грузный Женька Голованов лишь на первый взгляд казался неповоротливым. Клинок его мелькал и свистел перед Сережей, выписывая кольца и восьмерки. Голованов не тратил времени на долгую разведку, он шел напролом в атаку за атакой, «давил корпусом», вертя двойные и тройные переводы.

Сережа уходил в сторону и огрызался короткими контратаками.

У них было уже по три очка, когда Голованов налетел на Сережу всем корпусом, проскочил вперед, извернулся и нанес удар со спины.

Четыре — три.

Если мечтаешь о первом месте, проигрывать первый бой нельзя. Сережа не выдержал, забыл про осторожность и полез в отчаянное наступление. Голованов ринулся навстречу. Олег остановил бой.

— Обоюдная атака. Делаю предупреждение.

Женька тяжело дышал. Он был на шаг от победы. Он рвался к ней.

«Ладно, — сказал себе Сережа. — Не будем больше прыгать. Пофантазируем, как говорил Олег».

Он быстро отступил и встал в третью позицию, когда кисть руки на уровне пояса отведена влево, а клинок смотрит вниз. Он открылся перед противником. С точки зрения фехтовальной науки это был бред. Голованов от неожиданности на миг остановил свой клинок. Тут же Сережа снизу вверх нанес по нему скользящий удар. Женькина рапира взмыла под потолок, а Сережа вошел в глубокий выпад. Есть!

Зрители взревели.

— Неправильно! — кричали болельщики Голованова. — Клинок выбит, нельзя колоть.

— Нет, правильно, — сказал Олег. — Клинок еще не упал, когда был сделан укол. Четыре — четыре.

После этого Голованов разозлился, полез в атаку слишком открыто и проиграл еще очко.

Сережа снял маску, пожал противнику руку и, вытирая рукавом лоб, стал пробираться в угол к Наташе. Трикотажная рубашка липла к спине.

— Ух, как я переживала, — шепотом сказала Наташа. — Просто даже страшно. Ты такой молодец, Сережка. Держись дальше.

И он держался. Он выиграл еще два боя: у почти незнакомого семиклассника Павлика Сосновского из второй группы и у Лени Мосина. Ленька дрался лихо, но не очень умело. Когда проиграл, то обиделся, надулся, но через пять минут уже спокойно болтал с приятелями.

А Володе Огонькову Сережа проиграл. Проиграл глупо, досадно, так что завыть хотелось от обиды. Конечно, Огоньков дрался не хуже Сережи. Но если бы Сережа в последний момент, при счете четыре — четыре, не промахнулся в атаке так по-дурацки, то обязательно победил бы.

А Митя у Огонькова выиграл. Этого никто не ждал. Может быть, Огоньков устал после встречи с Сережей, а может быть, недооценил противника: худенького белобрысого пятиклассника, неизвестно как попавшего в финал. Если недооценил, то зря. Мог бы видеть, что с Кольцовым шутить не стоит: до этой встречи Митя вышел победителем из двух боев.

Болельщики, следившие за хитростями финальной таблицы, начали гудеть сначала удивленно, потом одобрительно. Дело в том, что вслед за Огоньковым и Каховским Кольцов пробивался в лидеры.

Сережа следил за Митей с радостным удивлением. И даже с легкой завистью. Кольцов дрался так, будто не думал о победе и поражении. Бой для него был как песня, как музыка, в которую человек вкладывает всю душу. Так по крайней мере казалось. В каждую схватку он шел, словно она самое главное и самое радостное дело в его жизни, а потом будь что будет.

Сережа теперь уже не думал: «Когда он успел?» Если у человека талант, он может вспыхнуть моментально.

После каждого боя Митя сбрасывал маску и улыбался счастливо, открыто и в то же время так, словно говорил противнику: «Ты уж не обижайся, пожалуйста». Потом он пробирался к маме под шум и аплодисменты, под крики Данилкиных барабанщиков, которые вскакивали на диван и от восторга лупили друг друга по спине.

Мама, такая же, как Митя, маленькая, светловолосая, остроносенькая, тихо смеялась, прижимала его к своей вязаной кофточке, скомканным платком вытирала с его лба мелкие горошины пота. Что-то быстро-быстро шептала ему на ухо. Он улыбался и кивал.

Он совсем не стеснялся маминой ласки на глазах у ребят. Может быть, кто-то считал это глупым и усмехался про себя. Но только не Сережа. Он сам, наверно, тоже не стеснялся бы. Он подумал: «А пришла бы сюда моя мама?» И решил, что пришла бы обязательно.

И отец мог бы прийти, но он опять был в командировке.

Хорошо, что хоть Наташка рядом. Она тоже следила за Митей.

— Вы очень похоже сражаетесь, — сказала она.

— Ну что ты! — искренне возразил Сережа. — Он ведет бой совсем раскованно. Будто танцует.

— А это хорошо или плохо?

— Это здорово, — ответил Сережа. Но тут его кольнула тревога за Митю. Вернее, она появилась раньше, но он не понимал, почему. А сейчас понял. И встревоженно сказал:

— Но так нельзя, наверно. Он выматывается весь в каждом бою. Он устанет и не дотянет до конца.

— Ну так что же, — рассудительно заметила Наташа. — Это даже неплохо. У тебя с ним последний бой. Легче его победишь.

«И верно!» — спохватился Сережа. До сих пор он просто радовался за Митю и не думал о нем как о будущем противнике.

Митя между тем выиграл бой у Мосина.

Вызвали Сережу и Алешу Смирнякова — капитана группы номер четыре. Это был веселый парнишка с горячими зелеными глазами.

Сережа, насмотревшись на Митю, заразился его ритмом. Он мог бы, наверно, покончить с противником быстро, но теперь он думал не только о победе, его увлекла сама схватка.

Вот это был бой!

Смирняков хоть и был послабее, но совсем не собирался проигрывать. Он два раза принуждал Сережу отступить до конца дорожки. Тот мог бы ответить прямой короткой контратакой, потому что Алеша в азарте открывал грудь, но... пусть. Пусть звенят и посвистывают клинки, дзан-дзанн, дзиу-у! Пусть мышцы поют, как струны. И вспыхивают в мыслях молниеносные головоломки приемов.

Удар, защита, выпад! Шаг назад (ну иди, иди поближе), атака, захват! Ах, черт, ушел... Ну, на это ты меня не поймаешь: приоткрыл левый бок и думаешь, я клюну на приманку, а ты — в сторону и в атаку справа? А я — удар по клинку и укол вверх, под маску. Ага!

И Сережа и Алеша с досадой опускали клинки и поднимали маски, когда Олег останавливал бой.

Олег переговаривался с боковыми судьями:

— Был укол? Был? Не был? Недействительный? Не считать!

Не считать, так не считать!

К бою!

И опять, уже без долгих разведок, без выжидания: дзан-дзах, дзиу!

Вот она, мушкетерская песня огневой честной схватки!

Кто ты, Алешка Смирняков? Я тебя почти не знаю. Ты в другой группе, в другой школе. Но я вижу: ты благороден и смел. Мы сейчас сошлись друг против друга, но мы, если надо, станем плечом к плечу с клинками в руках...

Он сделал выпад...

И где-то совсем недалеко вскидывают нетерпеливо головы и рвутся у коновязи наши золотистые кони...

Что же случилось? То ли Сережа увлекся, то ли Алешка набрал силу в бою, но вдруг оказалось, что счет четыре — четыре.

И теперь Сережа не был уверен в победе. Проиграешь очко — проиграешь бой. Черные квадратики таблицы, как ступеньки, по которым покатишься вниз.

Но азарт боя продолжал звенеть в нем. И Сережа сделал то, что никогда не позволил бы себе в первых встречах. Как в давней схватке с Олегом, он пошел на отчаянный риск: после ложной атаки в отчаянно длинном выпаде упал на левую руку!

Этот почти театральный прием опять удался ему...

Сережа пожал Смирнякову руку, повернулся... и увидел у двери, на уголке стула, Генку Кузнечика.

Генка улыбался и показывал большой палец: во, молодец!

Сережа подбежал и потащил его в угол к Наташе.

— Вот! Это Наташка... Это Генка. Хорошо, что пришел. Кончилась тренировка?

— Не-а... Мне здорово клюшкой врезали. Я захромал, и меня отпустили. А ты еще не чемпион?

— Что ты! Тут еще такая заваруха будет!

Наташа объяснила Кузнечику:

— Видишь вон того беленького в черном костюме. У них с Сережкой главный бой, самый последний в таблице.

— Ага, — сказал Генка. Но смотрел не на «беленького в черном», а на Наташу. И рассеянно улыбался.

А Сережа, по правде говоря, чувствовал себя почти чемпионом.

Он не боялся встречи с Митей. Он знал, что все-таки сильнее. Правда, когда он выиграет бой, то у него, и у Мити, и у Огонькова будет по пять побед и по одному поражению. И между тремя претендентами начнутся дополнительные бои. Но ни за что на свете Сережа больше не проиграет Володе Огонькову! А Мите Кольцову — тем более. Митька — молодец, но он устал...

Митя, и правда, устал. Он сам еще, наверно, не замечал своей усталости. Но Сережа заметил ее, как только начался бой. Он в первые же секунды нанес Кольцову прямой четкий укол, и тот не успел взять защиту. Вернее, даже не попытался.

Все притихли. И непонятно, кто за кого болел. Многие за Митю: он до сих пор так стремительно и весело шел к победе. Многие за Сережу: уж он-то имел полное право на первое место.

Если Кольцов выиграет сейчас, он получит жетон чемпиона. А Сережа займет лишь третье место, потому что на второе выйдет Огоньков. По очкам.

Но Кольцов не выиграет.

Сережа снова пошел в атаку. Митя четко взял защиту и сделал ответный выпад. И еще!

Нет, зевать, оказывается, нельзя!

Но все равно Митька уже не опасен. Он бережет силы. Выжидает, атакует не часто. Можно передохнуть на миг, бросить взгляд на зрителей. Вон Генка и Наташа, устроившись на одном стуле, неотрывно следят за Сережей. Вон Митина мама все комкает в кулаке платочек. Волнуется больше Мити. Еще бы! А его мама разве не волновалась бы? Наверно, тоже сидела бы неподвижно и повторяла бы про себя: «Ну, давай, Серенький. Ну, держись».

Я, видишь, держусь. Теперь уже нетрудно, все опасности позади. Впереди только победа. Ее несложно отвоевать у вымотанного Митьки...

Разве я виноват, что он так обессилел?

Ну да, я понимаю, что невелика честь — победить уставшего противника. Но что здесь нечестного? Ведь он сам устал в боях, а в спорте побеждает сильнейший... (Дзах, дзах, дзиу! Ух ты черт! Уже три — два. Он еще держится, он еще жмет из последних сил. Он даже не понимает, что все равно проиграл.) Нет, я не виноват. У каждого своя сила и свое умение. Ведь это спорт.

Не только спорт?

Да, я помню, что говорил д'Артаньян. Не тот молодой и отчаянный, из «Трех мушкетеров», а старый, поседевший в боях д'Артаньян из длинного и печального романа «Виконт де Бражелон». Он говорил, что не в умении владеть шпагой заключается доблесть и честь человека. Она в самом человеке... Но разве я дерусь против совести? Разве Мите Кольцову, который на два месяца позже меня пришел в «Эспаду», мало третьего места? Это же все равно и слава, и почет, и диплом... Да, диплом, конечно, не понесешь в класс, не будешь хвалиться. Другое дело — маленький золотистый жетон на школьной курточке. Он сам говорит за себя. Говорит всем, кто не верил и раздражался, кто усмехался, глядя на тихого, щуплого пацана. «Чемпион «Эспады!»...

Но разве это будет честно, если Митя не по правде выиграет последний бой?

Но почему не по правде? Ведь он бьется до конца, из последних сил. А перевес в одно очко разве не может быть просто случайностью?

(Ж-жах! Выпад, второй! Что он делает! Идет уже напролом! Ведь стоит Сереже ответить поточнее — и все.)

Но он еще держится, Митька Кольцов. Он все еще верит в себя. И тут даже не надо поддаваться. Просто немного расслабиться. Ведь и он, Сережа Каховский, имеет право устать...

Мама прижала Митю к себе, обхватив за плечи. И он полминуты стоял неподвижно, уткнувшись лицом ей в плечо. Только острые лопатки ходили от дыханья под промокшей футболкой.

Данилкина компания прыгала вокруг и радостно хлопала по спине победителя, иногда попадая по руке матери...

Потом, уже переодевшись в форму, финалисты построились, и Олег вручил дипломы. А Мите приколол жетон.

Затем опять все смешалось.

Зрители и участники расходились: впереди была еще половина выходного дня. Солнечный, синий от безоблачности и осеннего холода, он бил в окна и звал на улицу.

Сережа тряхнул плечами, прогоняя усталость, и улыбнулся.

— Ты не расстроился? — участливо спросила Наташа.

— Третье место — это ведь тоже хорошо, — сказал Генка.

— Все хорошо, — сказал Сережа. — Знаете что? Пойдем сейчас ко мне! Я вам покажу, какую башню отгрохал на своем замке. А потом что-нибудь придумаем.

Олег прошел мимо, на ходу попросил:

— Сергей, останься, если можешь. Надо порядок навести, оружие убрать.

Наташа и Генка сказали, что подождут.

Вокруг Мити и его мамы все еще толпились друзья.

— Олег Петрович! Сережа! — позвала она. — Знаете что? Приходите сегодня к нам! Вот и Данилка и все ребята придут. Сделаем маленький праздник. Будем чай пить, я пирожков нажарю. Придете?

— Вообще-то мне контрольную надо готовить, — сказал Олег. Посмотрел на Митю, который оглядывал всех со счастливым ожиданием, и вздохнул: — Но, с другой стороны, пирожки...

— А с чем пирожки? — поинтересовался Данилка, и Сережа слегка щелкнул его по макушке.

— С вареньем... А ты, Сережа, придешь? — Она улыбнулась. — Ты ведь первый учитель.

— Приходи, — негромко, одними губами, попросил Митя.

«Если откажусь, получится, что обиделся за проигрыш», — подумал Сережа. Но не это было главное. Главное, что ему самому хотелось пойти. Но как же Наташа и Кузнечик?

— Извините, я не могу, — сказал Сережа. — Меня ребята ждут.

— Ты с ребятами приходи, — настаивала Митина мама.

Сережа отошел к Наташе и Генке.

— Пойдем?

Наташка почему-то опустила ресницы и тихо сказала:

— Я бы пошла. Что такого...

— Я — как вы, — быстро сказал Кузнечик.

Митина мама заторопилась:

— Приходите в шесть часов. Митенька, ты иди домой, приготовь пока все для чая, а я зайду в магазин.

— Пусть он с нами в кино идет, — предложил Данилка. — У нас билеты есть на четыре часа. До шести успеем.

Но Митя молча покачал головой. Он не хотел в кино. Наверно, старался не расплескать до вечера свою радость.

Почти все ушли.

Кузнечик и Наташа бродили по залу, разглядывая флаги с гербами. Олег и Сережа укладывали в шкаф маски.

— Зачем? — тихо спросил Олег.

— Что зачем? — не понял Сережа.

— Только не надо отпираться. Зачем проиграл?

Отпираться в самом деле было глупо. Сережа пожал плечами.

— Пожалел его? — спросил Олег.

Сережа удивленно вскинул глаза.

— Вот еще! Просто... ему нужнее.

Олег помолчал.

— Ну... пусть, — наконец проговорил он. — Я вот про что хочу сказать. Знаешь, что Огоньков от вас уходит? Будет командовать знаменной группой.

— Почему?

— Их класс перевели в первую смену... А тебе, наверно, быть капитаном.

— Почему мне? — искренне удивился Сережа.

— Так ребята говорят. Я уже спрашивал.

— Что я, лучше всех?

— Да нет, все одинаковы, — серьезно сказал Олег.

— Валерик Воронин старше меня.

— Я знаю. Но он прежде всего художник, у него и так работы хватает. И он, кстати, тоже назвал тебя.

— Странно...

Сережа никогда не стремился быть командиром. Конечно, капитан — это здорово. Это золотой угольник на рукаве под нашивкой, это право открывать стеклянный шкаф со знаменем, это участие в советах, где решаются важнейшие дела. Но ведь это еще и отвечать за всю группу. А как это — отвечать? И как командовать? Мосиным, Андрюшкой Гарцем, Ворониными? Почему они должны видеть в нем командира?

— Это ведь не награда. Это нужно, — сказал Олег.

— Ну, раз нужно... Только...

— Хочешь сказать: только получится ли?

— Нет... Только не говори никому про это... Ну, про последний бой.

Олег выпрямился.

— Никому? Нет, кое-кому я все-таки скажу... Ребята, идите сюда!

Генка и Наташа подошли.

— Я про вас кое-что знаю, — сказал Олег. — Сергей не очень разговорчив, но про вас он говорил. Вы его друзья. И хотя бы вы должны знать: последний бой он проиграл нарочно.

«Сейчас начнут спрашивать, зачем», — с досадой подумал Сережа. Но Наташа промолчала и только слегка покраснела почему-то. А Кузнечик спокойно сказал:

— Ну, значит, так надо.

— Надо? — переспросил Олег. — Может быть, братцы, не знаю... Сергею видней. Только все-таки обидно, наверно, да, Сережа? Первые соревнования. Сразу была надежда стать чемпионом. Не всегда ведь так повезет...

— Пускай, — задумчиво произнес Сережа. Ему было сейчас хорошо. И он не боялся сказать о том, что снова вспомнилось: — Мне однажды так повезло, что, наверно, хватит на всю жизнь. Я про это никому не говорил. Только отцу да Наташке...

— Это про всадников? — шепотом спросила она.

— Да... Я, когда еще маленький был, придумал сказку о волшебных всадниках. Будто они приходят на помощь, когда позовешь... А потом, этим летом уже, меня на станции поймали четыре гада. Я из лагеря домой уходил, потому что не хотелось там быть, а они тащили обратно. Насильно. Издеваться начали: ну, зови своих всадников! И они вдруг примчались! Понимаете, настоящие!

Он замолчал, потому что слишком уж зазвенел голос, и опять, как наяву, он пережил то изумление и счастье, когда в нарастающем громе копыт загудела земля, вспыхнули рыжие

— Сергей, возьми в умывальнике стеклянную банку налей теплой воды.

гривы и раскатисто прозвучал голос командира...

— Что за всадники? — нетерпеливо спросил Кузнечик.

Но тут резко открылась дверь, и они увидели Митю.

Он был в разорванной куртке, с кровью на щеке и на губах, а в глазах у него стояли злые слезы.

— Кто? — тихо и гневно спросил Олег.

— Не знаю, — сказал Митя. — Я их раньше не встречал... Их было четверо.

Тыльной стороной ладони он вытер припухшие губы. На руке осталась красная полоса. Митя удивленно посмотрел на нее и негромко, но со злостью продолжал:

— Одного зовут Лысый. Я запомнил.

— Лысый?! — вскинулся Кузнечик. — Он такой, с меня ростом, в вязаной шапке, да? И под глазом фингал?

Митя кивнул.

— Я же этого паразита знаю! — воскликнул Генка. — В нашем дворе живет. Синяк — это я ему сделал за голубя. Они его поймали на помойке, банку привязали к лапам и летать заставляли...

— Стойте. Все потом, — сказал Олег. — Наташа, будь добра, в раздевалке у двери аптечка. Вата, бинт, йод, перекись водорода. Сергей, возьми в умывальнике стеклянную банку, налей теплой воды...

Когда Сережа вернулся с водой, Олег и Кузнечик стаскивали с Мити куртку. Митя осторожно вытягивал из нее руку и морщился.

— Что с рукой? — спросил Олег.

Митя улыбнулся, не разжимая зубов.

— Больно пальцы. Я этому Лысому все-таки один раз стукнул. Костяшками. По зубам... Это когда уже все разбежались, и я пошел. А он за мной увязался, все в спину тыкает и шипит: «А ну беги. А ну беги, хуже будет». А потом забежал вперед, ладонь растопырил и меня за лицо... — Митя брезгливо передернул плечами. — Я не выдержал и как дал...

— Иди-ка сюда, — сказал Олег. Сел на стул, поставил Митю между колен, обмакнул ватный тампон в теплую воду. — Поверни щеку. Вот так... Ну и что дальше было?

— А дальше они все меня окружили... Вот тогда и разбили губы... Тут взрослые подошли, закричали на них, они сразу кто куда... Вот и все. Я сюда пошел. Если я в таком виде домой приду, мама...

Он замолчал, потому что Олег стал обмывать ему губы.

— Гена, — позвал Олег. — Значит, Лысого ты знаешь?

— Еще бы! И он меня знает. Он меня еще лучше сегодня узнает, это уж точно.

— И меня, — сказал Сережа, чувствуя холодок в груди. — Эх, жалко, никого из наших там рядом не было!

Митя удивленно глянул на Сережу и дернул головой.

— Что, больно? — спросил Олег.

Митя отрицательно промычал.

— А что же ты?.. Сказать что-то хотел?

— Нет, — прошептал Митя и опустил глаза.

Олег бросил на пол розовую мокрую вату. Нахмурился.

— Постой... Ты сказал... Ты сказал: все разбежались, а я пошел... Ты что же, был не один? Митя!

Митя опустил голову, прикусил больную губу и по отмытой щеке побежала злая слезинка.

— Кто еще был? — жестко спросил Олег.

Митя глянул исподлобья.

— А потом они скажут, что я предатель...

Олег горько усмехнулся:

— Ты предатель?

— Ты или те, кто тебя бросил?! — яростно спросил Сережа.

— Они, наверно, не бросили. Они, наверно, думали, что я тоже побежал, только в другую сторону.

— Давай все по порядку, — сказал Олег.

Митя глотнул, словно острый леденец проглотил.

— Я сперва шел один... Потом догнал Мосина, Голованова. И этого... Сенцова. Мы шли и разговаривали. А там, у магазина, есть такой закоулок, ящики пустые лежат. Они из-за этих ящиков вышли.

— Эти четверо?

— Да... Я сначала думал, что это просто так, знакомые. Самый большой, вроде Голованова, подошел и говорит: «Денежки есть?»

Митя обвел всех влажными глазами и продолжал:

— Он так спросил, что я опять нисколько не догадался. Думал, что он, наверно, взаймы у наших ребят просит... Голованов говорит: «Нет». Тогда другие два говорят Мосину: «А у тебя?» Мосин тоже сказал, что нет. Еще сказал: «Откуда? Я их сам не делаю». И Сенцов тоже сказал, что нет. У меня они почему-то не спросили. Я поэтому все и думал, что они между собой знакомые, а со мной не разговаривают, потому что не знают. Вдруг этот, большой самый, Сенцову говорит: «Ну-ка расстегнись, покажи». И Мосину с Головановым: «Врете, наверно. Покажите карманы...»

Митя поморщился и пожал плечами.

— Я смотрю, наши ребята куртки расстегнули. Лысый меня за куртку взял: «Ты, что ли, глухой? Расстегивай!» Я вырвался и говорю: «Ты какое имеешь право меня обыскивать?» Лысый сразу будто удивился, такое лицо сделал глупое. Ну, притворяется, конечно. И говорит главному: «Саня, он трепыхается». Только он сказал не «Саня». Имя какое-то непонятное «Ксаня» или «Ксыня»...

— Гусыня! — вмешался Генка. — Длинная дубина, нос картошкой и волосы на глаза лезут. Да?

— Да... Только этот Гусыня на меня не посмотрел. Он у ребят ремни увидел. Обрадовался: «Раз денежек нет, возьмем за это ваши ремешочки. Давайте-ка, снимайте».

— Они сняли? — спросил Сережа и покраснел так, словно сам отдал ремень.

— Они не сняли. Те сами сняли с них.

— И они отдали? Не сопротивлялись? — тихо спросил Олег.

Митя покачал головой и опять отвернулся.

— Не сопротивлялись. Только Мосин сказал: «Чё хватаешь, не твой ведь». Его один раз хлопнули по носу ладошкой и... ну и все.

— А ты? — спросил Олег.

— Гусыня потом на меня посмотрел и спросил у Лысого: «Этот самый трепыхается?» И говорит: «Воспитайте». Лысый и еще один в меня вцепились, начали куртку расстегивать. Я стал вырываться... Но я за ремень не боялся. Он у меня в петлях туго сидит, не вытащишь. Я боялся, что значок сорвут. — И Митя посмотрел на свой чемпионский жетон, приколотый к форменной рубашке.

— А диплом где? — спросил Олег.

— Диплом я в руках держал. Они сразу выбили и затоптали. Там грязно у ящиков.

Олег сидел, положив руки на колени. Прямо сидел и спокойно. Только суставы пальцев напряглись и побелели.

— Дальше, — сказал он.

— Гусыня оглянулся и говорит: «Ладно, некогда нам. Пусть чешут отсюда. А ну, бегите! И не оглядывайтесь!» Те побежали, а я вырвался и пошел... Вот тогда Лысый и увязался.

Наташа до сих пор молчала. Вертела в руках Митину куртку. Наконец спросила:

— Олег Петрович, здесь иголка и нитка есть? Зашить надо.

Олег словно очнулся:

— Что?.. Да, есть, конечно. В аптечке посмотри.

Наташа принесла иглу и нитки, отошла с курткой к окну, ближе к свету и оттуда вдруг спросила:

— Их ведь четверо было? И вас тоже. И они даже не больше вас. Как же так? Без драки...

— Я не знаю. Наши какие-то замороженные сделались. Будто кролики перед удавом... — И Митя вдруг заплакал.

Олег быстро встал и взял его за плечи.

— Да что ты, Митька! Ты не был кроликом. Ты сделал все, как надо.

— Обидно,— прошептал Митя.— Даже никто не подумал, что можно драться.

— Но ты-то дрался,— сказал Олег. И улыбнулся:— Признайся: первый раз в жизни, да?

Митя тоже улыбнулся разбитыми губами.

— Нет. Наверно, второй. Я еще в детском саду дрался с одним мальчиком из-за педальной машины. Но мы тогда подрались и помирились. А с этими... Это же враги.

«Враги? — подумал Сережа. — Значит, враги».

Сам он с такими компаниями как-то не сталкивался. В том дворе, где он вырос, ребята были как ребята. Всякие. Сашка Кривицын и Мишка Маслюк иногда курили за сараем. Бывало, что все резались в чику. В соседний сад лазили за яблоками. Но никому в голову не пришло бы напасть на кого-то, избить, отобрать что-нибудь...

Видел, конечно, Сережа и других. Тех, кто мелкими стайками вьется у гастронома и кино с сигаретами, опасливо спрятанными в рукав. Подстриженных не то чтобы «под битлов», а вроде. В резиновых сапогах с отогнутыми до пят голенищами, будто нет у них нормальной обуви. С ухмылками, то увертливыми, то наглыми. С припухшими от курева глазами.

Один такой, Санька Копылов, учился в Сережином классе. Учился так, с двоечки на троечку. Зевал на уроках, уныло грубил учителям и на все вопросы отвечал одинаково: «А чё я сделал?» Разговаривать с ним было неинтересно, он даже «Тома Сойера» не читал, а любимый герой его, судя по всему, был Волк из мультфильма «Ну, погоди!». После уроков этот парень спешил к каким-то дружкам. Ходили слухи, что дружки эти могут кого хочешь подкараулить и отлупить. Сережа не верил.

Отец не терпел хулиганов. Он говорил: «Это же трусы. Они храбрые с теми, кто перед ними трясется. А как только получат по морде, сразу теряют все нахальство». И Сережа верил ему.

Однако сам он ни разу не встречался с ними лицом к лицу. И, по правде говоря, не думал о них как о врагах.

Но вот пришел Митька, и губы у него в крови. Митька, который никого не трогал и дрался только один раз, в детском саду, да и то неизвестно, первый ли начал. За что они его, гады!

Ну ладно, они — это они. Но наши...

Разве так бывает? Только что держали рапиры, был бой, и казалось, что хоть тысяча врагов налетай, никто не страшен! Женька Голованов... Большой такой, сильный, наверно. Где его сила и смелость? Ленька Мосин. Как он подошел тогда: «Не люблю, если кто-нибудь на меня обижается...» Что же он, обидеть боялся этих типов? Трус он, вот и все! И Сенцов... Новенький, еще кандидат, но ведь тоже рапиру держал. И перед знаменем стоял на линейке.

Ну, есть же, черт возьми, такие слова: «Взяв оружие в руки, обещаю, что ни трусостью, ни подлостью, ни изменой не запятнаю свой клинок...» Даром, что ли, это обещание дают те, кто вступает в «Эспаду»?..

И Олег, видимо, думал о том же.

— Финалисты... — сказал он с едкой досадой.— Цвет и надежда клуба... Красивые слова говорим, песни поем о гордости и чести, а перед первой же встречной шпаной готовы... тьфу. Ну, вот что: в шесть — совет.

Он повернулся к Мите.

— Извини уж, придется отложить наш праздник. Ты приди к шести. И вы, ребята, придите. Договорились?

— Мы же не члены клуба,— сказал Генка.

— Ничего. Вы как свидетели приходите. Ты, кстати, знаешь этого Лысого.

— И Гусыню,— сердито сказал Кузнечик.

На улице заспорили. Митя доказывал, что не надо его провожать, ничего больше с ним не случится. А Сережа утверждал: надо — на всякий случай. Генка слушал, слушал и сказал Мите:

— Ну, а если нам хочется? Жалко тебе разве?

И Митя сразу согласился.

Потом Сережа с Генкой проводили Наташу. Тоже на всякий случай.

Когда шли к Сережиному дому, Кузнечик сказал:

— Я сначала думал, что она твоя сестра.

— Наташка? Да что ты? Я — Каховский, она — Лесникова. Ты вообще... как с Луны упал. Пять лет в соседних классах учились, а ты будто сегодня первый раз увидал ее.

— Ну и что? Я, может, до сегодняшнего дня на девчонок вообще не смотрел... У брата и сестры, между прочим, иногда бывают разные фамилии.

— Наташка и в самом деле как сестра,— объяснил Сережа.— Мы всю жизнь вместе росли, в одной квартире. Только в разных детских садах были и как-то получилось, что в разные классы нас записали. Зато дома — все время вместе. Даже игрушки были общие.

Генка вздохнул:

— Тогда понятно, что ты ничего не замечаешь.

— Чего не замечаю?

— Какая она красивая, — отважно сказал Кузнечик.

— Да ну тебя, — отмахнулся Сережа. — Ну, пусть красивая. Тут выть хочется, а ты чепуху говоришь. Такой день был сначала хороший, и вдруг все кувырком!

— Он и сейчас хороший, — возразил Генка. — Не может он плохим сделаться из-за того, что нашлись три труса.

— Целых три! Сразу! Как будто самое обычное дело.

— Зато Митька молодец, — сказал Генка.

Это была правда. И этой правдой Сережа слегка утешился.

Совет собрался ровно в шесть. К точности привыкли и ею гордились.

Мосин, Голованов и Сенцов сидели в уголке кают-компании. Молчаливые, с опаской в глазах. Они не сняли курток.

— Почему не в форме? — спросил капитан первой группы Владик Самойлов. — На совет пришли, а не на рынок.

Из-за совета у Самойлова пропал билет в кино, и он был настроен угрюмо.

— Не трогай их, — попросил Олег. — Формы у них нет. По крайней мере полной... Все собрались?

Это был не просто вопрос. Это было начало совета.

— Командир барабанщиков здесь! — озорно выкрикнул самый младший — Данилка.

— Капитан первой здесь, — буркнул Владик Самойлов.

— Капитан второй группы здесь!

— Капитан третьей здесь!

— И четвертой тоже, — весело известил Алешка Смирняков.

— Капитан знаменной группы здесь, — сообщил Володя Огоньков. — Это, значит, я. А капитаном пятой будет, значит, он. Группа уже решила.

И Володя указал на Сережу.

— Почему посторонние? — ревниво спросил Данилка, глядя на Кузнечика и Наташу.

— Это не посторонние, а мои друзья, — сказал Сережа. — По делу пришли, а не к тебе, Даниле, в гости.

— У всех друзья. Ну и что? — придрался Данилка. — Ты и сам еще не член совета. Мы еще за тебя не голосовали.

— Данилка! — сказал Олег. — Вот я терплю, терплю, а потом возьму и выдеру!

— Когда? — жизнерадостно поинтересовался Данилка.

— Боюсь, что скоро.

— Не-а...

Сели у круглого скрипучего стола.

Олег спросил, не возражает ли кто-нибудь против нового члена совета — Сергея Каховского. Никто не возражал. Сережа украдкой показал Данилке язык.

Беда, случившаяся днем, словно отодвинулась. Все было просто и спокойно. Даже Митя, сидевший рядом с Данилкой, слегка улыбался.

Но вот поднялся Олег. Уперся ладонями в стол, и тот заскрипел, застонал.

— Внеочередной совет, — сказал Олег. — Я понимаю: воскресенье, всем хочется отдохнуть. У Самойлова билет полетел. А что делать? Случилось такое, что ни ждать, ни молчать нельзя... Вот Кольцов мог бы лучше меня рассказать, но ему трудно, губа разбита. Они шли вчетвером: Кольцов, Голованов, Мосин и Сенцов. Их остановили четыре хулигана. Не старше этих. Но нахальнее, это точно. Потребовали деньги, обыскали. Потом велели отдать ремни. Трое отдали. Голованов, Мосин, Сенцов.

Он повернулся к тем троим, сидевшим в углу.

— Это так?

Они медленно поднялись.

— Так? — повторил Олег.

Они молчали.

Сереже неловко было на них смотреть. Он стал смотреть на ребят за столом. Данилка тревожным шепотом допытывался у Мити:

— Почему ничего не сказал? Ну почему? Это хорошо, да?

Олег очень сдержанно спросил еще раз:

— Это так было?

Голованов хрипло сказал:

— Так...

— Вообще-то не совсем так, — вежливо сказал Сенцов. — Мы не отдавали ремни. Они их взяли сами.

Сережа пересилил себя и посмотрел на него. Сенцов был аккуратный, причесанный, спокойный.

— Они взяли, — повторил Олег. — А вы стояли, опустив руки. Так?

— А что было делать? — спросил Сенцов. — Приятно, думаете, по морде получать? Из-за ремня, который стоит рубль пятьдесят в военторге. Если посчитать, то невыгодно.

— Рубль пятьдесят?! — крикнул Алешка Смирняков. — Сколько твоя совесть стоит?

— Я совесть не отдавал. Только ремень, — объяснил Сенцов.

— Гнать, — спокойно сказал капитан второй группы Гена Корнеев. Его друг, маленький курчавый Валерка Давыдов, тоже спокойно подтвердил:

— Гнать. Чего тут разговаривать? Если бы даже простые ремни были, все равно гнать за трусость. А ремни форменные. Значит, они еще и форму опозорили.

Олег обратился к Голованову:

— Ты тоже так думаешь: рубль пятьдесят и все? Ты ведь на пряжках у этих ремней сам шпаги выцарапывал...

— Я и на других сделаю, долго, что ли? — огрызнулся Женька.

— Лишь бы в морду не получить? — насмешливо спросил Смирняков. — Я тоже за то, чтобы выгнать. Только у меня еще вопрос: по-

чему они думают, что обязательно заработали бы по морде? Там же их четверо на четверо было.

Женька Голованов сердито хмыкнул:

— Четверо... От Кольцова какой толк?

И тут вмешалась Наташа:

— Как это какой толк? Ведь он-то как раз и дрался!

Женька опять хмыкнул:

— Дрался... Он драться-то совсем не может.

— А ты можешь? — тихо спросил Митя.

— Когда надо, могу...

И тогда взлетел яростный голос Данилки:

— А ты, скотина, думаешь, что сегодня было не надо?!

— Тише, Вострецов, — сказал Олег. И повернулся к Мосину.

— Ты, Леонид, что скажешь?

Тот хмуро ответил:

— Чё я скажу? Ничего.

— От тебя я трусости никак не ожидал, — горько сказал Олег.

— Я их и не боюсь, этих-то...

За столом засмеялись.

Мосин кинул сердитый взгляд.

— Ну чё... Смеяться легко. На них если будешь наступать, соберут ша́ру, подкараулят, потом десять на одного...

— Что соберут? — не понял Олег.

— Шару... Ну, компанию, значит.

Неожиданно вмешался Генка:

— Я этого Лысого лупил, лупил. Никто не собирает, никто меня не трогает.

Мосин усмехнулся одной стороной рта.

— Тебя, конечно. У тебя брат боксер да самбист, все знают.

— Я за брата не прячусь, — сказал Генка.

— Ну, не за брата, так вон за его волкодава. — Ленька подбородком показал на Сережу. — Про его пса тоже все знают. С ним свяжись...

Наташа шепнула Сереже:

— Какой у тебя Нок знаменитый.

Сережа не ответил.

Он вдруг представил себя на месте Мосина. Или Голованова, или Сенцова. Будто он сам стоит перед советом и должен отвечать за свою трусость. Отвечать хрипло и мучительно, давясь от стыда.

Хотя Сенцову как будто и не стыдно даже. Он думает, наверно, что сделал все, как надо.

Но Сергей-то не смог бы так думать!

А смог бы он, Сережа, оказаться на их месте? Вдруг смог бы? Он ведь никогда в жизни еще не стоял перед такими врагами, как Гусыня и его компания. Правда, на станции Роса его тоже схватили четверо, но там было другое. Они все равно не посмели бы его избить, только дурак Пудра махал крапивой. Гусыня, конечно, страшнее.

Но тогда Сережа представил другое: как он под угрожающими взглядами хулиганов стоит, опустив руки, а они стягивают с него ремень. Лишь бы не били?..

Да нет, не могло быть такого. Даже если бы он оказался один против шайки. А ведь этих было четверо против четверых!

Что там говорить! Ведь самый маленький, Митька, выстоял!

Да, но самый большой, Голованов, струсил. Значит, не в росте и не в силе дело? Но тогда, значит, и он, Сережка, мог струсить, хоть он и больше Кольцова?..

Эти мысли так закружили ему голову, что он прослушал почти все слова Олега. Только самый конец услышал:

— ...Конечно, четыре месяца не четыре года, но и за этот срок можно было чему-то научиться. Научиться понимать, что такое товарищи по оружию, что такое честь, гордость за флаг, смелость... Черт возьми, да разве этому учатся специально? Всякий нормальный человек знает это всегда!.. Ну, скажите, неужели вы до сих пор не понимаете, что поступили по-свински?

Наступила недолгая тишина, потом Голованов сумрачно сказал:

— Понимаем...

— Понимаем, — глядя в сторону, повторил Мосин.

— А ты, Сенцов?

Сенцов шевельнул бровями и неохотно произнес:

— Возможно...

— Возможно? — переспросил Олег. — Хорошо. У меня предложение совету. Не надо их отчислять. До среды, до линейки. Пусть вернут себе ремни. Как угодно! Слышите, вы? Как угодно! Идите к этим гусыням домой или караульте на улице, требуйте или деритесь, дело ваше. Не хотите драться, идите к директору школы, пусть школа берет их за шиворот. Не из вашей школы? Идите в их школу. Или в милицию... Мне, конечно, ничего не стоит пойти сейчас к этим типам, взять их за жабры, вернуть ремни. Ничего не стоит сделать так, чтобы завтра они сами притащили ремни в клуб и просили прощения. Но не мое это дело и не дело совета. Вы отдали ремни, вы должны их вернуть. У вас три дня. Придете в среду на линейку в ремнях, будем считать, что делу конец. Но не советую являться без ремней. Ясно? Совет согласен? Все. Можете идти.

На линейку они пришли с ремнями.

До сигнала оставалось три минуты. Кузнечик пришел с Сережей. Сам попросился. Сережа спросил у Олега:

— Можно, он посмотрит линейку?

— Угу, — рассеянно отозвался Олег. Он был озабочен.

Барабанщики, блестя аксельбантами, уже выстроились вдоль окон. Палочки, как кинжалы, торчали у них за белыми ремнями. Данилка был серьезен и строг.

Сейчас переливчато проиграет горнист, и барабанщики ударят сигнал «марш-атака»: р-рах, р-рах, р-рах-рах-рах! Под этот сигнал вдоль разрисованных стен маленького спортзала встанут шеренги «Эспады». Потом дежурный бара-

банщик прошагает к двери, развернется и поведет за собой на правый фланг знаменную группу: знаменосца и двух ассистентов.

Капитан знаменной группы Володя Огоньков проверял, не помялись ли на ребятах красные с золотой каймой ленты, почищены ли ассистентские клинки. Олег подошел к Огонькову и что-то тихо сказал. Потом подозвал дежурного командира линейки Алешу Смирнякова.

Через полминуты Смирняков скомандовал:

— Построение по группам! Без знамени! Знаменосцы, горнист и барабанщики — в общий строй!

Сразу же стих шум а потом ребята загудели негромко и удивленно: такого еще не бывало.

Группы встали вдоль стен, буквой П. Только Генка Кузнечик устроился в проеме окна.

Олег вышел на середину. Опять стало тихо.

— Первая группа готова, — сказал Владик Самойлов.

— Вторая готова!

— Третья...

Олег махнул рукой.

— Не надо... Голованов, Мосин, Сенцов, выйдите из строя.

Они сделали шаг вперед. И сразу опустили головы. При ярком свете ламп желтым огнем горели новые пряжки их ремней.

— Где взяли ремни? — спросил Олег.

Они молчали.

Сережа увидел, как у Олега потемнело лицо, острыми стали широкие скулы и презрительно сощурились глаза. Казалось, Олег крикнет сейчас что-то беспощадное. Но он сунул кулаки в карманы брюк и пошевелил плечами, словно стала тесной серая форменная рубашка. Потом повторил устало и медленно:

— Скажите все-таки, где вы взяли ремни?

Мосин тихо ответил:

— В военторге.

— По рубль пятьдесят, — сказал Олег. — Понятно. Хотели обмануть?

— Не хотели мы... — пробормотал Голованов.

Сенцов поднял голову и сказал:

— Мы не собирались обманывать. Просто купили. Не все ли равно, какие у нас ремни?

В строю зашумели.

— Историю с ремнями знают все? — спросил Олег.

Зашумели сильнее. Знали все.

— Давайте сядем, — вдруг предложил Олег. — Не до линейки сейчас. Усаживайтесь кто где может.

Строй рассыпался. Сели на длинную скамью у стены, на подоконники. Кое-кто прямо на пол.

Голованов, Мосин и Сенцов не садились. Только отошли к стене. Олег прислонился к простенку между окнами. Оглядел ребят. Опять стало тихо.

— Значит, вам все равно, какие ремни? Так, Сенцов? — спросил Олег. — Ну, допустим. А если Гусынина компания у вас и эти ремни потребует? Опять будете новые покупать?

Голованов сердито сказал:

— Не потребуют они, им больше не надо. Они сами говорили.

— Какое великодушие! — раздался звонкий издевательский голос. Это Генка крикнул с подоконника. — Вы им спасибо сказали?

По залу пробежал смешок.

Олег спросил:

— Вы пытались вернуть свои ремни?

Они молчали.

Тихо, но уже четко и с напряжением Олег повторил:

— Вы хоть что-нибудь сделали, чтобы вернуть свои ремни?

И они опять молчали, глядя в пол.

— Олег, да пусть идут, — в резкой тишине вдруг сказал Андрюшка Гарц. — Все равно только мучаются стоят.

Он, всегда такой готовый помочь кому угодно, решил, наверно, выручить и этих. Последний раз.

— Идите, — негромко сказал Олег. — Решение совета вы знаете... Одно мы можем для вас сделать: не снимать нашивки перед строем. В кают-компании есть ножницы. Срежьте нашивки и оставьте на столе. А потом... можете быть свободны.

Они стояли неподвижно, и стало совсем тихо.

— Идите, — повторил Олег.

Мосин заплакал. Сенцов повернулся и, глядя поверх голов, пошел к двери. Голованов и Мосин пошли за ним. Барабанщики на полу у дверей раздвинулись, давая им дорогу.

— Все... — проговорил Олег. — Знаете что, ребята? Давайте не будем сегодня проводить линейку. Тошно что-то...

Группы разошлись. Только Сережа и Кузнечик остались. Всегда Сереже нравилось оставаться в опустевшем клубе, не спеша заканчивать какие-нибудь дела, разговаривать с Олегом о прошедшем дне.

Но сегодня все было не так. Тишина в комнатах стояла тяжелая, как память о недавнем случае.

Сережа сказал Олегу:

— Все-таки зря не провели линейку.

— Да, наверно, — согласился Олег. — Но понимаешь... я не могу. Это было бы, как пляска на похоронах.

— А эти трое ушли и ничего не сказали, — печально произнес Генка.

Олег пожал плечами.

— Что они могли сказать? Попросить, чтобы не исключали? Тогда пришлось бы отвоевывать ремни. А они не могут, боятся. Понимаете, и сейчас боятся.

— Сенцов, по-моему, не так уж боится, — возразил Кузнечик. — Он просто думает, что невыгодно драться. Личико могут попортить.

— Это же все равно из-за страха, — сказал Олег. — Гиблое дело — такой страх. Тряпку делает из человека. И самое скверное, что не только эти трое боятся. Я сейчас за ребятами наблюдал. Кое-кто на них с сочувствием глядел... Ну нет, не с сочувствием, а с пониманием, что ли. Потому что знают про себя: тоже струсили бы.

— Да нет же, Олег! — почти с отчаяньем заспорил Сережа. — Таких больше нету!

— Есть, Сереженька, — грустно сказал Олег.

Он сел на диван и откинулся к спинке.

— Трудно, братцы... Хочется, чтобы все ребята были — во! — Олег сжал пальцы. — Как один кулак. Один коллектив. Чтобы каждый за всех болел... В Артеке мы за месяц такие отряды делали, что до сих пор, как вспомнишь, петь хочется. А здесь что... Клуб, а не отряд. Разные школы, разные смены. Разные группы. Каждая группа сама по себе живет...

Сережа сел рядом.

— Олег, — осторожно сказал он. — Ну, давайте делать отряд. Разве так уж страшно, что разные школы и смены?

Олег задумчиво посмотрел на Сережу. Потом на Кузнечика, который сидел на подоконнике и рассеянно вертел рапиру. Вертел, а глядел не на нее, а на Олега.

Глаза у Олега повеселели.

— Хорошо, капитан Каховский, — сказал он. — Постараемся. Не все же только Артек вспоминать.

— А почему ты уехал из Артека? — спросил Сережа. И сразу испугался. Вдруг там случилось что-нибудь такое, о чем Олегу плохо вспоминать!

Но Олег ответил охотно:

— Трудно... Я не про работу. Трудно все время расставаться. Месяц или два пройдет — и нет твоего отряда, разъехались пацаны. И главное, знаешь, что это навсегда. Несколько дней ходишь, света не видишь. Кажется, никогда таких ребят уже не будет. В новой смене все какие-то чужие. И будто в тысячу раз хуже тех... А потом все снова. Ну, это едва ли можно понять, если сам не испытал.

— Нет, я могу, — серьезно сказал Сережа. — Мне про это говорил уже один вожатый. Капитан катера «Азимут».

— Вот даже эти трое, — продолжал Олег. — Ушли, а на душе кошки скребут. Вспомнишь, как с Мосиным с плотов ныряли...

— Я помню, — согласился Сережа. — Но я не понимаю... Ну, почему они так?! Даже ни капельки не сопротивлялись. Ну, если бы одного четверо прижали, тогда еще понятно. Да и то...

— *Теперь слушай, Сергей. Нажмешь кнопку и скажешь «марш».*

— Да и то, — сказал Олег. — И резко встал. — В конце концов, они же фехтовальщики. Там у ящиков рейки и палки валяются. Фехтовальщик с палкой в руке может целую шайку разогнать. Одному по зубам, другому по колену, третьему по руке! Может, зря я вам это не показывал...

— Что?

— А вот что... — Олег снял с полки пачку свечей, которые зажигали иногда по вечерам на клубных «огоньках», чтобы рассказывать при мерцающем свете таинственные истории.

— Зажгите семь штук, — попросил Олег. — И поставьте в разных местах, где хотите. Только не вплотную к стенам.

Через минуту свечи горели на подоконнике, на полке, на столе, стульях и диване.

Олег взял у Кузнечика рапиру и дал Сереже секундомер.

— Отойдите к двери. Теперь слушай, Сергей. Нажмешь кнопку и скажешь «марш». Потом я крикну «все», и ты останови секундомер.

— Ясно, — сказал Сережа, хотя было не очень ясно.

— Можно? — спросил он.

— Давай.

— Марш!

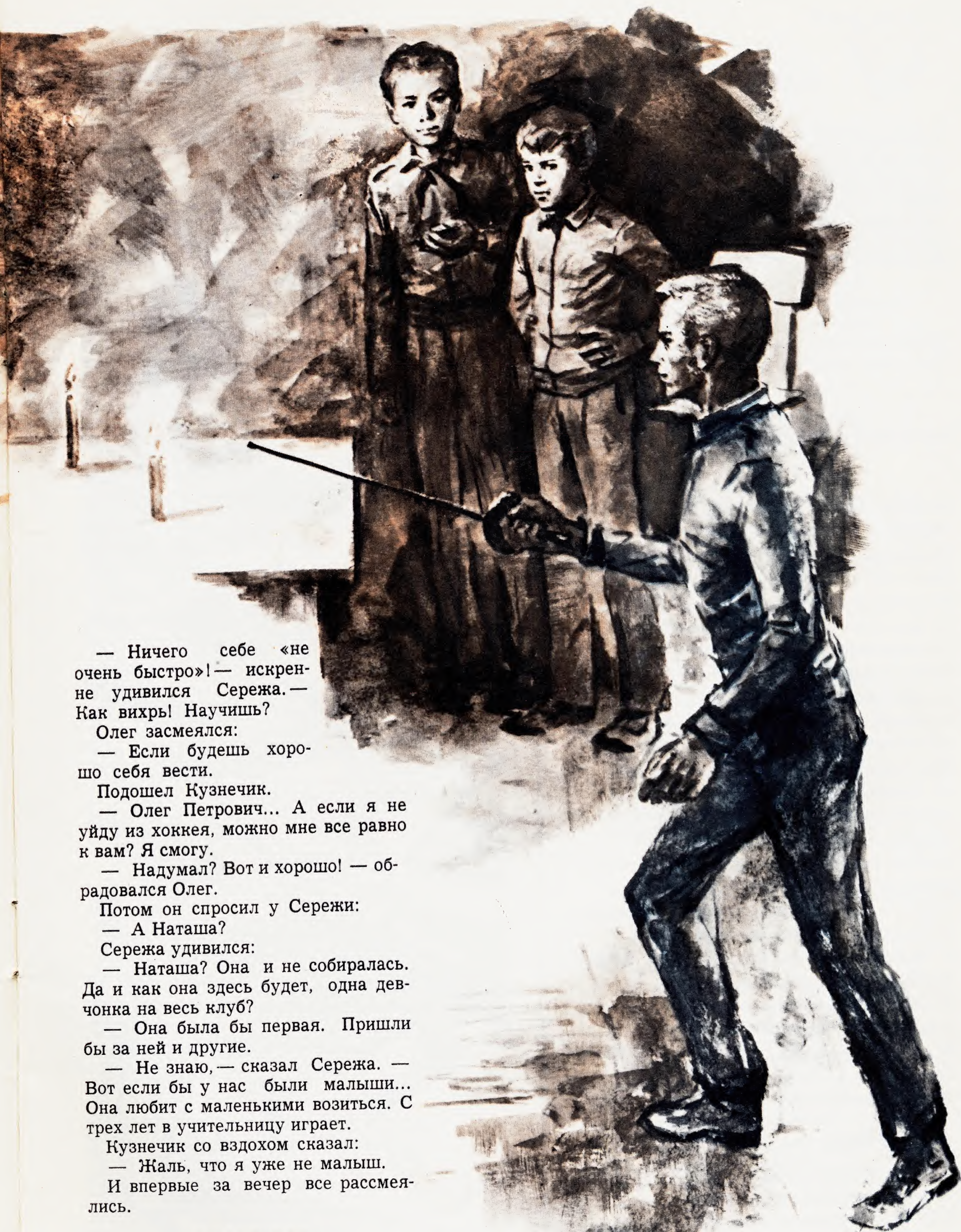
Короткий свистящий смерч прошел по комнате. Сережа услышал команду «все» и машинально нажал на кнопку.

Четыре свечи стояли на местах, но погасли. Срезанные фитильки лежали, догорая, на столе и на полу. Один горел на кончике рапиры. Две свечи лежали, перебитые пополам. Одной не было совсем. Олег, недовольно пыхтя, полез под диван и выкатил ее оттуда.

— Сколько? — спросил он у Сережи.

— Одна и восемь десятых.

— Так себе, — сказал Олег. — Не точно и не очень быстро. Но все-таки...

— Ничего себе «не очень быстро»! — искренне удивился Сережа. — Как вихрь! Научишь?

Олег засмеялся:

— Если будешь хорошо себя вести.

Подошел Кузнечик.

— Олег Петрович... А если я не уйду из хоккея, можно мне все равно к вам? Я смогу.

— Надумал? Вот и хорошо! — обрадовался Олег.

Потом он спросил у Сережи:

— А Наташа?

Сережа удивился:

— Наташа? Она и не собиралась. Да и как она здесь будет, одна девчонка на весь клуб?

— Она была бы первая. Пришли бы за ней и другие.

— Не знаю, — сказал Сережа. — Вот если бы у нас были малыши... Она любит с маленькими возиться. С трех лет в учительницу играет.

Кузнечик со вздохом сказал:

— Жаль, что я уже не малыш.

И впервые за вечер все рассмеялись.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Поэты „ЮНОСТИ" в гостях

Веселый весенний месяц — апрель. А нынешний — особенный: в этом апреле в нашей стране собрался XVII съезд комсомола.
Вся страна слушает и обсуждает сейчас дела комсомольцев, планы комсомольцев, мечты комсомольцев... А на этих страницах ты прочтешь стихи молодых: в гостях у детского журнала «Пионер» — поэты молодежного журнала «Юность».

Вячеслав ШЕРЕШЕВ

Сыновья

Я часто ездил. Спал, где мне постелят.
Порой с комфортом. Чаще — на полу.
Я слушал, как мороз бродил в метелях,
Зеленый мир укутав под полу.
В такую пору не сугробы — кручи.
И как маяк — любой избы труба.
Заснеженную шапку нахлобучив,
Меня укрыла в непогодь изба.
Духмяный хлеб, не обронив ни крошки,
Старушка распластала у груди.
Поставив щей дымящуюся плошку,
Тихонько позвала:
— Сынок, иди...
Скрипели сосны бронзовой корою,
Скребя колючей лапой по стеклу.
В печи метались искры светлым роем,
Тянул я руки к вечному теплу,
Сидел и слушал, как трещат поленья...
А из угла — не бог, не образа!—
С журнального портрета щурил Ленин
Земные и бесстрашные глаза.
И ниже чуть, в пилотках залихватских,
Два парня у разрушенной стены:
Фотограф, неизменный друг солдатский,
Запечатлел в последний год войны...
И был в том смысл, что их портреты —
рядом:
В любой семье Ильич — за своего...
Я ел. Старушка тихим, долгим взглядом
Смотрела на сынов и на него.
Как будто что-то в лицах их читала,
Что ведомо одной лишь только ей,
Как будто вместе их родней считала,
И Ленин — старшим был из сыновей.

Рисунок Б. ПОЛЯНСКОГО.

У „ПИОНЕРА"

Олег КОЧЕТКОВ

Товарищам по работе в тепловозосборочном цехе посвящается

* * *

Скользнув по крутому загривку,
Погладила холку ладонь.
Да это же сказочный Сивка —
И, правда, не конь, а огонь!..
Болты, если мне не стараться,
Упрямо идут вперекос.
Ответственная операция—
Снаружи крепить тепловоз!
Одним только полон желаньем,
Бряцаю оправкой своей:
Протяжное Сивкино ржанье
Услышать как можно скорей.
Он в яблоках серой шпаклевки,
Домашний и добрый на вид.
...Пусть мы не в халатах —
в спецовках,
Но каждый из нас Айболит.

Владимир АНДРЕЕВ

На марше

И сила и воля апреля
Засела в солдатских плечах.
Заря, восставая, горела
В прямых и тяжелых зрачках.
Шинельные скатки дороги.
Тяжелые связки дорог.
И небо слетает под ноги.
Уходит земля из-под ног.
Покрыты солдатские лица
Не звездною пылью — земной.
И песня, как редкая птица,
Взлетев, пролетит стороной.
Но вот опускается вечер.
Привал. И казались вдали
Солдатские тяжкие плечи
Холмами российской земли.

Юрий ШИГАЕВ

Зерно

Лопатою — обычным инструментом —
В разрушенном подвале земляном
Рабочие на стройке под Ташкентом
Нашли кувшин, наполненный зерном.
Оно веков семнадцать пролежало,
Безвестною рукой погребено,
Лишь ржа в земле осталась от металла,
Но сохранилось древнее зерно.
И проросло весною быстротечной,
И каждый колос выжил и окреп.
Что тьма веков? Добро людское вечно.
Как солнце, как земля моя, как хлеб!

Игорь ХАЛУПСКИЙ

Прыжок

Я помню первый свой прыжок
с пятиметровой вышки.
Рассвет на гребнях волн зажег
мерцающие вспышки.

В ушах звучанье ветерка
пронзительнее флейты.
Как под тобой вода тонка,
коль высоко над ней ты!

И все-таки она манит,
взывает оголтело,
и, будто бы иглу магнит,
притягивает тело...

Инна КАШЕЖЕВА

* * *

Какое-то странное чувство,
что скоро с весенних небес,
нагрянет нежданное чудо,
хотя не бывает чудес.
Решится какая-то тайна,
которая мучит давно.
Случится, решится... А странно
и боязно чуть все равно.
Как напрочь забытая рифма,
во мне оживает опять
в биенье смятенного ритма
глагол удивительный «ждать».
А долго ли — это неважно.
На счастье ль свое, на беду,
живу напряженно, отважно
в коротком спряжении — жду!

ПРИЗВАНИЕ,

Сейчас я назову вам свою профессию, и, уверен, большинство остановится на этой первой или второй строчке моего рассказа и невольно переспросит себя: «Кто-кто он?.. Уж не ошибка ли в журнале?»

Нет, все верно. Я — дояр. Ухаживаю за коровами, чищу их стойла, раздаю им корм, занимаюсь дойкой. Вот мои обязанности... Как-то меня спросили в шутку:

— Наверно, ты, Рыспек, молоко сильно любишь, если выбрал такую профессию?

Нет, молоко я как раз люблю не очень. Но знаю, что его любят многие-многие миллионы людей. А ради этого стоит постараться.

❊

Говорят, к будущей своей профессии человек так или иначе готовится с детства. Я не знаю, готовился я или нет. Но к животным меня тянуло всегда.

Мы в домашнем своем хозяйстве держали двух коров. Примерно лет с двенадцати я взял заботу об этих коровах на себя. И почти сразу стало получаться неплохо! Коровы меня слушались. Как бы понимали, чего я от них хочу. И я понимал, что им нужно... А что им нужно? Не так уж много: хорошо покормить-напоить да аккуратно подоить. И помнится, они даже молока стали давать больше.

Но постепенно меня все сильней стало тянуть на колхозную ферму. Как тут выразиться? Настоящего масштаба хотелось, что ли... Дома две коровы. А там — большое стадо!

Не я один приглядывался ко взрослым колхозным делам. Но мои друзья-одноклассники шли все больше в мастерские, к механизаторам. А надо мной подтрунивали: чего это, мол, ты, Рыспек, женской работой интересуешься? Я отшучивался, как умел. А сам для себя выдумал такое «противоядие»: почему это чабаном быть не зазорно, коневодом не зазорно, а дояром зазорно? Чем, допустим, овца лучше коровы?.. И если уж начистоту говорить, работа в коровнике — скорей мужская, чем женская. Честно скажу: это не самая легкая на свете работа!..

И еще одно. Может, это немного смешно звучит, но у каждой коровы свой характер. Значит, к каждой ищи индивидуальный подход. Они же все живые!.. Зато потом так себя здорово чувствуешь, когда добьешься своего: была, кажется, так себе коровенка, а вдруг глядишь — удои-то растут, к чемпионским приближаются!

Словом, после восьмилетки мне предложили: «Оставайся на ферме, дадим самостоятельную группу». Так я и выбрал профессию.

Твоя работа... Или иногда еще говорят более торжественно: главное дело в жизни. Мне приходилось слышать от ребят пионерского возраста такой вопрос:

— Как выбрать работу по душе?

Я скажу так: любая работа интересна, если вникать, если стараться хоть на один шаг пройти дальше, чем было сделано до тебя. И любая работа покажется тебе мукой и каторгой, если ты пришел отбарабанить свои часы.

Но это я сказал про «любую работу». А ведь у каждого человека должно быть (и есть!) что-то свое. Опять употребим торжественное слово — призвание... И здесь мой совет: не бойся выбранного тобою дела, каким бы «неромантичным» оно ни казалось другим.

Но только зачастую бывает не так. У парня руки золотые, ему бы токарем стать, так нет же, он жизнь кладет, чтоб пробиться в «артисты».

В чем тут дело? По-моему, в закоренелых мещанских представлениях некоторых ребят да и взрослых тоже. Говорим: «Любой труд почетен», а сами выбираем профессию «покрасивее». Зачем? Чтобы потом разочароваться? Всякий, наверное, видел таких — озлобленных, скучных, вечно на что-то и на кого-то жалующихся.

❊

Итак, после восьмого класса я стал работать на ферме, шел мне тогда шестнадцатый.

Вот в этой взрослой работе, с вполне взрослой ответственностью я понял и про «коровьи характеры», и про то, что дояром быть — очень даже мужское дело, и про многое другое. А девизом моим стали такие слова: «Сколько будешь стараться, столько и будет молока!». И, решив так, я — скажу без лишней скромности — старался на совесть!

Мне дали неплохую группу, средний годовой удой с коровы — 3 580 килограммов. Вам, конечно, трудно судить, много это или мало.

МЕСТО В ЖИЗНИ...

ВЛКСМ

Рыспек ЮСУПОВ,
кавалер ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени.

Для сравнения скажу, что средний удой по нашей республике килограммов на пятьсот — семьсот меньше. Выходит, коровы мои были в общем-то «не отстающие». Однако и не «передовые» тоже.

Но вот прошел год, и группа моя уже имела в среднем 4 208 килограммов. Это уже был очень неплохой показатель! Стали ко мне приглядываться: как Рыспек добился такого, что за волшебное слово знает? У меня и правда были два волшебных слова — «режим» да «работа».

Пять утра — я уже на ферме. Кормежка минута в минуту, доение минута в минуту, уборка — самая тщательная. Коровы на все реагируют, понимают хорошее отношение.

И еще я старался приглядываться к ним. В каждой хотел найти особую струнку: эту можно машиной доить, а эту руками да еще массаж необходимо сделать. Той нужна мягкость и доброе слово, а той — строгость.

И еще я понял: любое дело чем-то напоминает копилку — сколько вложишь, столько у тебя и будет. А если надеешься на дармовщинку проскочить, то ничего не выйдет.

❄

Шла моя работа день за днем, неделя за неделей, год за годом. Сколько будешь стараться, столько будет молока. Я и старался. А чего не постараться — дело по душе!..

Но вот стал я замечать за собой что-то странное. Вроде нравится работа, а вроде уже и чем-то не удовлетворяет. Как-то тесно мне стало внутри моей профессии. Вижу, и удои с некоторых пор больше уже не растут... Может, я достиг потолка, и лучше уже ничего быть не может? Да нет! И у нас в Киргизии и по Союзу есть удои куда выше.

Стал я думать, стал сердиться на себя... В чем же дело? Почему топчусь на месте?

Наконец понял: профессию свою я освоил, понял, что в ней главное — любовь к животным и упорный труд. Теперь, чтобы двигаться дальше, нужны знания!

Я подал заявление во Фрунзенский сельскохозяйственный техникум на зоотехническое отделение.

Здесь я хочу немного поговорить об учении.

Учиться — очень хорошее дело. Учиться — завет Владимира Ильича Ленина.

И все-таки ученье ученью рознь! Я, конечно, понимаю, бывают всякие исключения, но в подавляющем большинстве случаев неправы те ребята, которые сразу после школы кидаются сломя голову в институт или техникум. А кидаются они туда чаще всего потому, что боятся работы — той самой простой и необходимой работы, без которой не было бы машин, что проносятся за окном твоего дома, ни самого твоего дома, ни хлеба на твоем столе. Бояться такой работы, по-моему, просто стыдно!

Профессию выбирают на всю жизнь. Значит, необходимо, чтобы она была тебе по душе. Как же найти ее? Наверное, надо пробовать, искать. Но институт или техникум, по-моему, совсем не подходящее для поисков место. Сюда человек должен приходить с ясной целью, с выбранной профессией.

Мы говорим: все более стирается грань между физическим и умственным трудом. А что это практически значит? Жизнь, производство, как на ракете, летят вперед. Токарю все более необходимы инженерные знания, животноводу, полеводу все труднее обойтись без специального сельскохозяйственного образования. И так в любой отрасли народного хозяйства, в любом деле.

Когда я окончил техникум, то кое-кто поговаривал, что, мол, уйдет Рыспек на «чистую» работу. А я остался! Потому что теперь, как никогда, мне стало интересно — с профессией в руках, со знаниями в голове.

Точно еще не решил, но, видимо, в этом году буду поступать в высшее учебное заведение. И опять не дл... а «чистую» работу, ... ь свою.

Иной раз слы... ливчик. Такой м... , ордена получает...

Да, Родина, п... е-нили мой труд. ... ь своими наград... е счастья впервы... в ту далекую мин... -рог фермы и по... .

Сейчас, в дни, когда вся наша комсомолия готовится к съезду, мне хочется сказать:

— Партия, комсомол! Можете на меня рассчитывать! К первому января 1974 года надой у коров моей группы был 5 500 килограммов. Сейчас он еще выше...

Прочитал я последние строчки и задумался. Я говорю: «Можете на меня рассчитывать». Но правильнее сказать: **«Можете на нас рассчитывать!» Потому что таких, как я, у нас в стране многие миллионы.**

Партия, комсомол! Можете на нас рассчитывать!

И ты, юный пионер, расти поскорее. Поскорее становись в общий трудовой строй.

Московский энергетический институт, торжественный сбор. Студенты едут на стройку.

Василий НАГАЕВ, командир Московского объединенного строительного студенческого отряда, член бюро Центрального штаба ССО ЦК ВЛКСМ.

1 000 000 000

Конечно, вы слышали о них. А многие, наверно, и видели этих ребят — загорелых, веселых, крепких, в рабочих робах, в резиновых сапогах. Они называют себя бойцами. Бойцами студенческих строительных отрядов.

Начало положил Московский университет. В 1959 году триста тридцать восемь студентов-физиков, химиков, биологов, журналистов, философов летом отправились на целину. Многие приобрели строительные профессии еще в Москве. Другие осваивали их прямо на месте. Лето прошло по-боевому. А главное, все поняли: дело это нужное, пользы от него много.

А сейчас 53 вуза и 50 техникумов создают в Москве свои строительные отряды. В Московском объединенном — 50 тысяч бойцов. Целая армия! А если добавить к ним 200 тысяч ребят-старшеклассников из Москвы и Московской области, которые тоже летом проводят свою трудовую четверть!..

И теперь едва ли найдется в стране хоть один вуз или техникум, где бы не было своего строительного отряда.

Хочу рассказать вам о сводном стройотряде, который работал прошлым летом в городе Гагарине, Смоленской области, на родине первого в мире космонавта.

Ранней весной решали, кто поедет туда: Всесоюзный штаб студенческих стройотрядов сказал: поедут лучшие из лучших. Те, кто по-боевому провел трудовой семестр 1972 года, те, кто и в учении сумел себя показать отлично. Сводный отряд состоял из девяти линейных: Украина, Белоруссия, Узбекистан, Армения, Литва, Москва, Ленинград, Томск, Смоленск — всего пятьсот бойцов.

Почти весь июнь студенты сдают экзамены и зачеты—у них сессия. С 9 июля начался трудовой семестр. Вместе со стройотрядами всей страны взялись за работу и гагаринцы.

Сразу здесь установился дух соревнования. А как же могло быть иначе? Ведь то был третий, решающий год девятой пятилетки!

Каждую неделю штаб подводил итоги. Соревнование шло не только по трудовым показателям, производственным навыкам и технике безопасности, не только по умелому обращению с механизмами. В условия соревнования входило и вот что: количество концертов и лекций, работа с пионерами, внешний вид бойца, санитарное состояние комнат,

Без песни что за студенческая стройка?

Еще, ещё, ещё... Стоп!

территории. И даже: «заболеваемость простудными болезнями». «Раз ты не следишь за своим здоровьем,— рассуждали бойцы,— значит, подводишь свой отряд, своих товарищей».

Лекции, концерты, кружки, шефская работа... Казалось бы, отработал смену и отдыхай: труд строителя не из легких. Но бойцы находили в себе достаточно силы и хорошего настроения, чтобы идти к местным ребятам—в

рублей

Фоторепортаж В. ПОСТНИКОВА.

Сережа Звездкин, седьмой класс: «Я приехал в Гагарин отдыхать, но вижу, что такое дело — попросился в стройотряд!» Всего в летней трудовой четверти участвовало более шести с половиной миллионов школьников... А ты работал, товарищ читатель?

Гагаринские ребята пришли на помощь своим шефам — бойцам из отряда Украины.

школы, в дома пионеров. На их занятия народ буквально валом валил. И не мудрено: кто же откажется заниматься, например, в ракетном кружке, когда его ведет без пяти минут настоящий конструктор!..

Работать ударно, отдыхать весело — под таким девизом отмечали гагаринцы праздник строителя.

...Когда он только начинается, трудовой семестр, думаешь: впереди еще времени много! Но оглянуться не успеешь, и вот уже наступило двадцать третье августа. Бойцы-гагаринцы собрались в городском парке культуры и отдыха, чтобы подвести итоги своей работы. Что же сделано за это время? Выражаясь языком строителей, сдано в эксплуатацию более пятнадцати объектов. Среди них школа, детский сад, четыре жилых дома, мастерские, общежитие, ферма... Молодцы гагаринцы!

Тут рассказано об одном лишь стройотряде. А всего в летнем трудовом семестре участвовало пятьсот сорок тысяч студентов. Общий объем работ, выполненных бойцами, составил один миллиард рублей.

Студенты-строители Москвы и области гордятся тем, что их вклад в этот миллиард составил девяносто миллионов рублей.

Один миллиард. Как же себе это представить?

Красноярская ГЭС — крупнейшая в мире. Так здесь объем выполненных работ был скромнее, чем то, что сделано за одно студенческое лето 1973 года!

Студенты-строители могут сказать съезду комсомола: «Будем работать лучше, сделаем больше!»

Будет новая поликлиника.

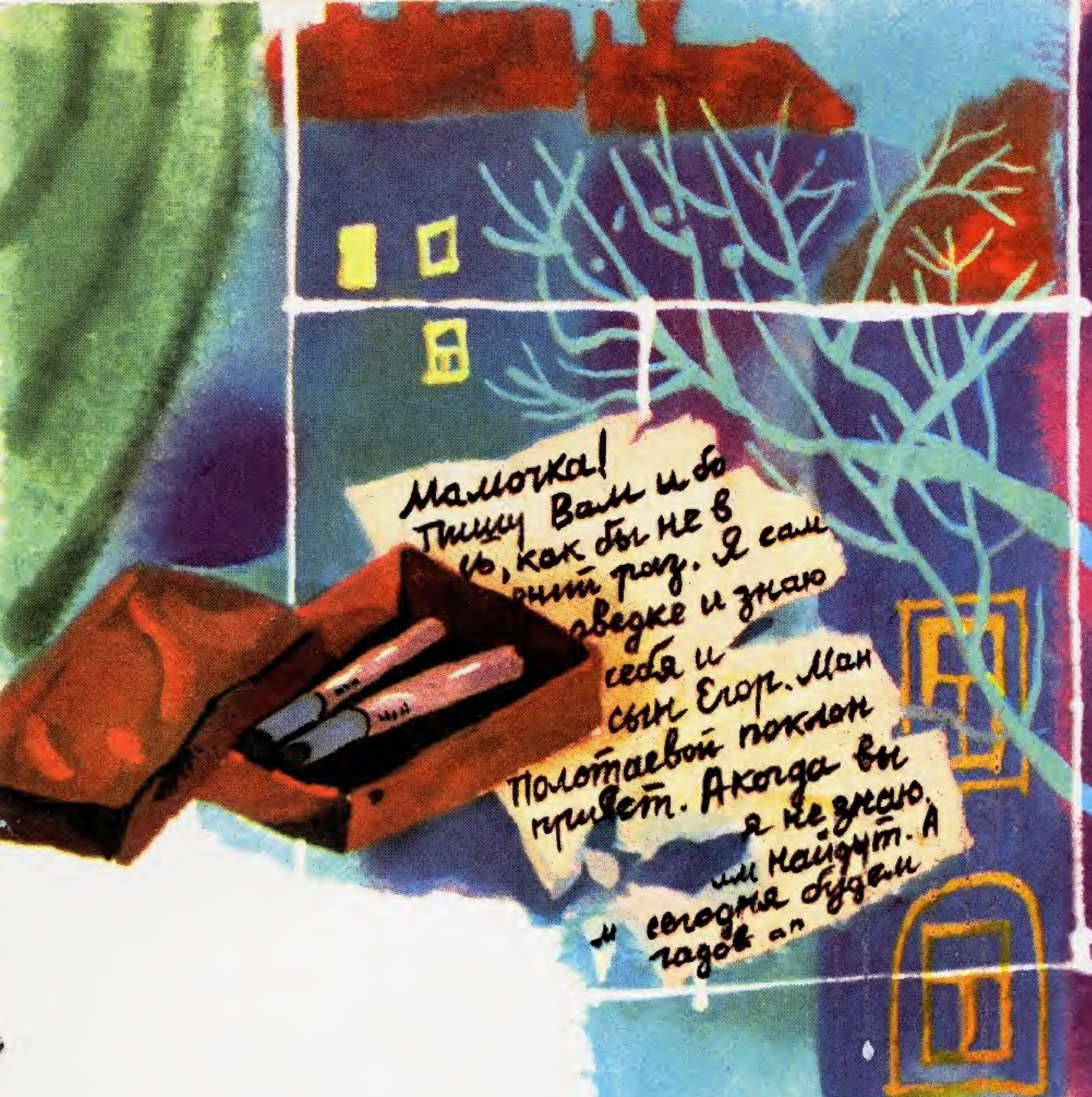
Московское высшее техническое училище имени Баумана, лучшие строители.

Иван БРАГИН

РАССКАЗ

Святое дело

Рисунки А. БОРИСОВА.

Откуда он только берется — металлолом? Каждый год целыми школами выходят за ним на охоту, и каждый год он опять будто из-под земли прорастает. Честное слово, как грибы! Опять и опять громыхают саночные поезда с мятыми кастрюлями, дырявыми чайниками и ведрами, натужно скрипят проржавевшие скелеты допотопных кроватей с шариками. А ведь кажется: железо такое прочное и если к нему по-хозяйски...

Но, впрочем, это даже неплохо, что есть на свете разные расхлябы и ленивцы. Иначе не было бы металлолома, и не было бы никаких декад по его сбору, и не было бы первого места, за которое надо бороться. А первое место в этот раз необходимо шестому «В», как воздух!

Вот о чем думал Гена Греков, толкая сзади огромные сани с наваленной в них всякой железной рухлядью. Это были настоящие дровни, давно списанные за отсутствием лошади, дровни неподатливые и в горку упрямые. Но сейчас, с горы, это — другое дело. Генка еще подтолкнул дровни, дал им разгон. А потом, чувствуя, что они уже сами бегут, вырываясь из рук, прыгнул сзади, стукнулся боком о какой-то надтреснутый чугунок, но не разозлился, а, наоборот, еще повеселел, потому что все это был металлолом — жесткий и увесистый, как раз такой, какой необходим был для победы.

Город у них хоть и невелик, но все же город: с асфальтом, с машинами. Даже недавно повесили один светофор и сделали «зебру» — переход.

А вот за речкой живут по-деревенски. Тут и снег нетронутый, белый, и лежит он дольше, и лес рядом стоит нахмуренно и высоко.

Вся школа, когда объявили декаду, кинулась в обычные прибыльные места: к радиозаводу да к мастерской, да пошла ватагами по центру, где дома стоят трехэтажные. Столько подъездов, столько дверей! Кажется, в любую стукнись — тут тебе чайник, тут тебе рукомойник, тут набор старых гирь.

Но это все только кажется. Потому что места уж очень известные. Что ни год, на них набеги. Откуда же здесь взяться настоящему металлолому? И вот Генка придумал: «Давайте за реку, народы!»

Место здесь от школы далекое, для «металломцев» забытое. И нагрянул шестой «В» и набрал полные дровни «товара». Сейчас ребята каждый с маленькими саночками — с простыми, катальными — пошли по нижним улицам, что спускаются от деревни к реке двумя рачьими клешнями, а сам Генка Греков мчит по накатанной главной улице Заречья. До чего ж хорошо ему сейчас!.. Эй! Поберегись! Невидимые кони бьют копытами, отчаянно покрякивают под Генкиным боком старые сковородки — не хочется, небось, на переплавку!.. Эй, поберегись!

Вот уже и мост и речка... Эх, ехал Грека через реку. Сани с лету проскочили мост, еще пробежали немного и остановились на крохотном пригорке. Генка запрокинул голову, лег на свое железное богатство. Вечерело. Высокое небо было пока голубым, но облачка, что примерзли почти к самой его вершине, уже наливались потихоньку желтизною и краснотой — закатом.

— Эй, Греков Геэнка! — Это к мосту приближалась вся металлоломная команда шестого «В». Генка приподнялся, махнул им рукой, с удовольствием заметил, что опять улов есть... Значит, сюда обязательно надо еще раз прийти. Потому что некоторые улицы они вообще пропустили и во многих домах хозяев не застали — кто, может, уехал, кто в другую смену работает.

Он не был ни председателем совета отряда, ни даже звеньевым. Но так уж вышло, что оказался важной фигурой в классе. Сперва как бы неофициально, а потом Анна Тимофеевна сама сказала: «Ребята, я думаю, пусть Гена Греков будет у нас отвечать за следопытскую работу». А кому же еще и отвечать? Кому же, как не Генке, быть следопытским командиром, если с него все началось, если он всему делу голова и заводила! А что не председатель — подумаешь!. Кто Шмелеву слушает! Вот Генку слушают, потому что у него настоящее дело. А Шмелева и

приказать-то никому ничего не умеет. Только ходит да ноет: «Ну, мальчики, я вам пятый раз повторяю, ну давайте!»

Подъехали ребята.

— Грузить будем, Геныч?

— Неужели нет?!— удивился Генка: в общей-то куче оно виднее.

Живо перегрузили железяки в дровни, сзади длинным хвостом привязали маленькие саночки, запряглись. «Давай-давай, мальчики! Девчонок к постромкам не подпускать!.. Конечно! Всегда девчонок не подпускать!.. Ээй, ухнем! Ээй, ухнем! Еще разик, еэще да раз!..»

Полозья часто скреблись по асфальту, но кого это волнует, когда сани тащат десять отборных шестиклассников и сам Генка Греков впереди! Машины у перекрестков смирно пережидали их небывалый поезд, пешеходы смотрели вслед: «Это кто ж такие?..»

Пионеры, молодцы! Да еще какие!.. Такую гору металлолома наворотить! Настоящий террикон. Генка придирчиво оглядел баскетбольную площадку, где все классы выгружали свои богатства. Ближайший конкурент, пятый «А», отставал намного. Это видно было даже невооруженным глазом. А уж у Генки-то глаз был еще как вооружен!

Что ж, все ясно, все идет по намеченному плану. Генка со спокойной совестью сел за уроки... Однако часов около восьми в окошко ему тихо стукнул мягкий, как бы замаскированный снежок. Генка сгоряча выскочил даже без шапки и пожалел: морозец-то к ночи припекал крепенько.

Во дворе было пусто, темно. И тут от дерева отделилась низенькая щуплая тень —

друг не друг, но то, что называется прочные деловые контакты...

Как сообщают худую весть? Сперва долго тебе смотрят в глаза, потом вздыхают, потом говорят примерно так:

— Глухо дело, Геныч. Такая невезуха!

И так далее в том же духе еще минут пятнадцать. А Салов сразу спокойно:

— Пятый «А» полную таратайку привез.

Вот как!.. Таратайка, знаменитая тележка пятого «А», могла увезти никак не меньше знаменитых дровен шестого «В». Если б Генка был другим человеком, он бы, наверное, воскликнул: «Полную таратайку! Не может быть!» Но Генка только спросил подчеркнуто спокойно:

— Откуда, не интересовался?

— Из-за речки притаранили.

— Не может быть!

— Точно говорю. Я видал, как ехали, и «товар» тот же: банки, кастрюли, железки... увесистые, кое-что аж вдвоем разгружали.

Валерка Салов. Слабенький, драться не умеет и, наверное, никогда не научится, но парень все-таки надежный. Глаз как у индейца. Ни одну важную новость мимо ушей не пропустит. Словом, контрразведка шестого «В», очень нужный Грекову человек —

Плохая история, плохая новость. Даже зло на Валерку берет. Выходит, подглядели пятиклашки... или сами догадались... Теперь уж не важно. Заречье кончилось! Что там — пятьдесят домов от силы, каждый обшарен.

За ночь нового дома не вырастет, это ж все-таки не грибы. До конца декады три дня! А у пятиклассников еще фора — семьдесят килограммов (они же младшие!).

— Есть идеи?— спросил Генка сухо.

— Пока нет.

— Ладно. Будем думать. Наших оповести.

«Нашими» на их языке была восьмерка ребят — следопытское ядро, которое само собой слепилось вокруг Генки Грекова, когда он в сентябре, на первом же сборе, рассказал о своей лагерной находке.

Кончалась третья смена. Для здешних, почти что северных мест время не очень-то золотое. Дожди по псковскому августу гуляют, как по собственному дому.

Но, конечно, никому и в голову не приходило из-за какой-то там метеорологии от похода отказываться. Поход — дело святое. Едва ли не лучшие деньки за всю смену.

И вот отправились — первый и второй отряды...

Кто-то не смог, кто-то сам отсеялся, кого-то не взяли. В общем, пошло человек пятьдесят с хвостиком. Несли палатки, рюкзачки немалые: трехдневка — вещь серьезная!

На склоне первого дня, когда, пожалуй, можно было пройти еще километров с пяток, занудил так называемый «грибной» дождичек. Начальник лагеря — начальник похода дал команду ставить палатки, готовить еду. Тем более место было неплохим: под ногами сухой упругий мох, над головой сосновое лапье, метрах в двухстах речка.

Генка отправился за дровами. Собственно, ходить никуда не надо было. Лес стоял глуховатый, нетронутый, сушняка кругом сколько хочешь. Слева и справа от себя Генка слышал треск сучьев, перестуки топориков — это работали такие же, как он, костровые. Но ему хотелось пройти немного вглубь. Давно он так не ходил — сам по себе. А дрова... ну, успеется в конце концов.

Он вышел вдруг на большую поляну и остановился. Было что-то необычное в ней, тревожащее. Но что именно, Генка понять не мог. Он прошел еще шага три. Дернул штаниной обо что-то — даже ногу царапнуло. Нагнулся — кусок колючей проволоки, старой, почернелой. Она не гнулась уже и могла только ломаться. Генка внимательно огляделся кругом. Какие-то полузаросшие продолговатые ямы, посредине то ли холм, то ли... Вдруг он увидел земляные ступени. Почти совсем развалившиеся. Доски, которые держали их, уже сгнили, истлели. Но ступени еще оставались каким-то чудом. Может, приди сюда Генка на год, на два позже, все бы окончательно исчезло, стало простой поляной. Но сейчас он отчетливо видел: ступени вели... внутрь того холма.

Вот и дверь! Генка взялся за ручку... Куда там! Видно, те, кто остался внутри, крепко заперли ее за собою...

Так Генка нашел партизанский лагерь. Место последнего боя партизан с карателями... Наверное, с карателями, потому что никто не знал в точности, что здесь было и какой отряд погиб.

На следующее утро он привел сюда всех. Вышли тогда на поляну и долго стояли полукругом на краю ее, словно на берегу озера. Потом начальник лагеря, бывший фронтовик, сказал, что вот здесь они занимали круговую оборону... Ну, а когда круговую, это всякому понятно, дело плохо: значит, были окружены.

Кто-то предложил: давайте поищем, хоть небольшие раскопки устроим. Но это было строго-настрого нельзя. Потому что пусть и разминированными они считаются, псковские наши леса, однако в глубине их, под мхом, под травою, говорят, немало еще хранится всякой смерти. И случаи бывают. Вдруг ухнет что-то в чащобе. А что? Поди узнай... Может, какому старому снаряду надоело гнить в тишине.

Стали прикидывать, что же можно сделать. Решили: поставим на крыше бывшего блиндажа деревянный треног со звездой.

Работать нелегко, когда под руками одни только ножи да топоры. Устроили дневку, принялись за дело. Краска на звезду тоже нашлась.

А Генка — человек не рукодельный. Ему сказали: пусть он подумает, какие стихи прочитает на открытии памятника, и дрова соберет для обеденного костра. И Генка Греков опять тихо-тихо проник в партизанский лагерь.

Само собой, страшно было: вдруг правда лежит под землей какая граната? А с другой стороны: когда дерешься до последнего, откуда уж тут гранате остаться или даже единому патрону?.. Так думал Генка.

Вдруг он увидел... Наверное, года три назад отвалилась песчаная стенка окопа —открылся тайник. Генка увидел что-то укутанное в истлевшие лохмотья. Может быть, той оберткой была солдатская гимнастерка, а может, пилотка, а может... Да кто теперь это узнает! Лохмотья свалились, на ладони у Генки лежала плоская черная коробка — из латуни или из меди. «Портсигар!»— вдруг с каким-то ужасом догадался Генка.

Ему хватило ума не раскореживать портсигар на месте, но не хватило мужества признаться начальнику в нарушении запрета.

Портсигар он открыл уже дома: две папироски и письмо — крохотный треугольник. Буквы на адресе так хорошо сохранились: «Суздаловой Марии Ивановне»... и все! То ли очень спешил боец, не успел дописать, то ли забыл в суматохе близкого боя. Когда Генка попытался развернуть письмо, бумага стала распадаться, будто сплетенная из паутины. Тогда решил он отложить это дело до более благоприятной, более аккуратной обстановки. Принес портсигар в

класс. Сколько они разворачивали то письмо? Час? Больше?.. А ведь по-обычному дело и секунды не стоит!.. Потом, боясь лишний раз вздохнуть, они уложили невесомые частички письма между прозрачных пластмассовых стекол, свинтили стекла. Теперь письмо могло сохраняться едва ли не вечно, его можно было читать.

«Мамочка! Пишу Вам и боюсь, как бы не в последний раз. Я сам был в разведке и знаю. Мама, берегите себя и простите за все. Ваш сын Егор. Маше Полетаевой поклон и привет. А когда вы получите это письмо, я не знаю. Может, наши потом найдут. А мы сегодня будем гадов бить до последнего. Больше отступать некуда».

Они тогда всем классом дали обещание найти Марию Ивановну Суздалову. А потом еще дали клятву. По-настоящему этим стали заниматься восемь человек — их теперешняя следопытская команда.

Не стоит долго говорить, сколько писем они написали, в каких только учреждениях не обивали пороги! Кто занимался следопытским поиском, тот поймет это без лишних слов... Все же они нашли! Мария Ивановна, ей было сейчас почти восемьдесят, жила в Новгороде — каких-то шесть часов езды на автобусе!

И дело пошло всерьез. Уже списались с новгородскими ребятами — пять дней можно было жить в их школе. И Мария Ивановна ждала. И те два партизана из отряда, что прошли фашистские концлагеря, и бежали, и закончили войну в Праге и Берлине, тоже писали: «Приезжайте!» И весенние каникулы — свободные деньки — были совсем не за горами!.. Только вот выиграть по металлолому декаду да получить приз — целых сто рублей — на билеты, на подарки, на житье.

И думалось Генке: да разве кто устоит против шестого «В», против восьмерки? Притом дело-то святое!

И вдруг вклинивается этот пятый «А». Из кожи лезет вон, желает, видите ли, закупить фотоаппараты...

Вот и не спится Генке Грекову. Даже отец к нему в комнату заглянул:

— Ты чего это пружинам жить не даешь?

— Дела,— тихо отвечает Генка. Ему приятно с отцом поговорить. Давно ль его маленьким считали? А теперь ночные разговоры!..

— А что за дела-то?

— Да с металлоломом не клеится!

Отец у Генки портной, его весь город знает, но к металлолому он никакого отношения не имеет! Вдруг отец говорит, как бы даже в шутку:

— Вот бы вам ту рельсину вывезти, а?..

— Какую рельсину?

— Ну, помнишь, узкоколейка старая... где мы за маслятами...

— А!— кричит Генка.— А! Помню! Понял!

— Господи,— из своей комнаты слабо говорит мама.— Ну что опять?!

Отставить уныние! Победа не за горами! Три человека на всякий случай в Заречье. Пять человек со Шмелевой по большим домам вокруг завода. Остальные — за рельсом, все боеспособные мальчишки.

По улице шагает веселое звено, никто кругом не знает, куда идет оно, друзья шагают в ногу, никто не отстает... Нет, пятый «А», ничегошеньки у вас не получится. Фотостудия малость подождет! Прямо-таки грозно шагают шестиклассники. На плече у кого кирка, у кого ломик, кто лопату прихватил, кто даже топоришко. Ясно, с рельсом справиться будет нелегко!

...Думали, нелегко. Оказалось, невозможно.

Сперва раскапывали снег, потом стали бить мерзлую землю. Железо звякало о же-

лезо, высекало бледные искры. Кирки то и дело застревали в вязком дереве шпал. Устали, промокли, вспотели... Бились уже три часа — десятиметровый рельс даже не качнулся. А тут еще Салов тяпнул себе ломиком по ноге. Хорошо, в валенке был. Никто не видел, как там вышло. Только Валерка сел вдруг на снег, закусил губу, из-под плотно сжатых ресниц выползли предательские слезы.

— Больно, Сало? — Генка сел с ним рядом, пролез рукою в Валеркин валенок. Крови не было. Но щиколотка заметно разбухла, и едва Генка дотронулся до нее, Салов вскрикнул и побледнел.

— Надо домой двигать,— сказал кто-то осторожно.

Генка и сам понимал, что надо. Но так не хотелось отступать перед рельсом этим, перед пятым «А». На Шмелеву да на зареченскую команду надежда была плохая! С отчаяния он схватился за Валеркин лом, колотил еще минут десять, пока сил хватило. Ребята глядели на него, ежась на ледяном ветру.

— Двигать надо, Греков!

— Ладно. Грузи ломы-лопаты,— махнул Генка рукой. Идти по городу прежним бравым строем было глупо.

Инструмент свалили в сани, сверху посадили подбитого Салова, взялись за постромки. Невеселым было их возвращение, и грустным был их груз... Генка Греков, понурившись, шел сзади и чуть в стороне.

Поражение шестого «В» теперь стало уже реальностью. Стесняясь ребят и сам удивляясь этому, Генка одиноко заглянул на спортплощадку. В их куче почти что ничего не прибавилось. А у пятого «А» гора подросла, и заметно! Видать, они, не мудрствуя лукаво, ходили всей толпой по городу...

— Эй, Греков, слушай-ка...— Перед ним стояла Саша Устименко, председательша пятого «А».

— Спокойно!— Генка посмотрел ей прямо в глаза.— Еще повоюем!— Он отвернулся и пошел домой.

Ругать себя вроде было не за что. Ведь этот рельс сразу вывел бы их на первое место. И никакие кастрюльки не смогли бы помочь пятиклассникам. Однако вон оно как все обернулось! Можно, конечно, завтра еще раз попробовать — развести хорошие костры, оттаять землю...

Но никакого «завтра» не получилось! На следующее утро класс выглядел щербато и уныло: чуть не половина парт пустовала. Так бывает иной раз в январские морозы, когда отменяют учебу. Проклятый рельс победил их по всем статьям: и с места не тронулся, и главные бойцы полегли с ангинами да с гриппами. Из восьмерки пришел один только Салов. Не пришел, а, вернее сказать, прихромал. Спросил уныло:

— Ну что, Ген, пропали мы?

Генка только рукой махнул. Он и сам чувствовал себя неважнецки: из носу текло, и в глаза будто песку подсыпали. В другой день это уж точно, что не пошел бы. В кои-то веки заболеешь по-настоящему!..

Он отсидел три урока. С четвертого его прогнала сама Анна Тимофеевна. Генка медленно собрал портфель. Анна Тимофеевна начинала опрос, сидела, опустив голову в журнал,— высматривала добычу. Генка, стоя у двери, в последний раз окинул всех взглядом. Мальчишек почти что не осталось. Встретился глазами с Саловым, подмигнул ему невесело и ушел.

В раздевалке, когда он стал варежки доставать, рука наткнулась на какую-то бумагу. Вынул — это оказался запечатанный конверт: «Ген. Грекову». Внутри лежала узенькая полоска бумаги, написано: «Гена! Надо поговорить. А. Устименко».

Генка пожал плечами: «Влюбилась, что ли?.. Тоже еще, нашла время!» Он скомкал бумажку и сердито бросил ее в урну.

Дома Генка разделся, лег. В квартире было пусто: родители, естественно, на работе. За стеной кто-то барабанил гаммы —одно и то же двадцать раз, а после двадцати еще сто! Так и представлялась какая-нибудь занудная девчонка вроде Шмелевой... Генка уснул.

Проснулся он под вечер — неожиданно, резко. И сразу стал одеваться. Нос был тяжелый и толстый, как гиря, голова горела ровным простудным огнем, и хорошо слышно было, как там, внутри нее, толчками бежит по сосудикам кровь. Быстро, пока не пришли родители, Генка заправил кровать, сбегал умылся обжигающе холодной водою. Разложил на столе учебники, чтоб как обычно. Он сам еще толком ничего не решил, но почему-то обязательно надо было, чтоб родители не знали о его болезни.

Щелкнул ключ, затем Генка услышал, как мама снимает сапоги в прихожей. Он быстро сел за свой стол, открыл первую попавшуюся книжку — это была физика. Строчки бегали по листу, словно «дворники» по стеклу машины. Генка закрыл глаза.

— Что ж так поздно за уроками?— спросила мама из-за спины.

— Да так вышло,— медленно ответил Генка,— дела.

— Опять металлолом, что ли?

— Тут все в порядке...— Сказал и сам удивился: что он несет, как это в порядке?

В темноте думалось плохо, а едва глаза откроешь, строчки носятся, как сумасшедшие. «Наверно, жар»,— подумал Генка с тоскою. Он приложил горячую руку к горячей голове и ничего не почувствовал...

Все же постепенно мысли его перестали крутиться на одном месте, словно вода в медленном омуте, а стронулись и потихоньку пошли вперед.

Вот солдат, погибший солдат, герой войны. Может, и не Герой Советского Союза, но все равно герой! Он не мог фашистам в плен сдаться и поэтому стрелял до последнего и погиб. Он написал матери последнее письмо — там каждое словечко по сердцу царапает. И вот они, красные следопыты, стали искать. И нашли! Сперва даже сомневались: рассказывать ей о сыне или не рассказывать, мол, стоит ли старую боль бередить. А потом все же решили, что надо сказать! Сын честнс погиб, так зачем же такое скрывать от матери!

И написали ей. И сказали, что есть письмо, и даже все слова из того письма ей переписали, но сам тот лист коричневатой бумаги, с въевшимися оспинками табака ни почте, никому доверить, конечно, было невозможно. Надо, чтоб они сами из своих рук ей в руки. И еще обязательно надо было с теми двумя партизанами встретиться, чтоб, может быть, еще что-то от них узнать, чтоб продолжать поиск и в конце концов восстановить всю славу того маленького, но смелого партизанского отряда!..

И вот теперь ерунда собачья, чистая случайность хочет остановить все дело! Ведь если бы пятый «А» не шпионил за ними в Заречье, если бы тот рельс не был так страшно тяжел, если бы мальчишки не заболели вдруг, словно по заказу снежной королевы.../ Если бы, если бы — сплошные случайности. А вернее сказать, просто несправедливость. Ну получат пятиклассники свои фотоаппараты — кому от этого лучше? Да никому, только им! А шестой «В», он, наоборот, он же не для себя старается. Ну, не видали они, что ль, этого Новгорода? Да чуть не каждый там был десять раз! А коли так, коли они действительно не для себя, а для общей пользы, значит, правильно Генка задумал.

План его был абсолютно прост. Прямо сейчас, в темноте, в тишине, прокрасться на спортплощадку, взять от каждого класса по две-три железяки и перенести на свою гору. А там уж разбирайся, как да чего!

— Ты куда это?— спросила мама.—Сейчас ужинать будем.

Отец повернулся от своей работы. Рот его был полон булавок, поэтому он ничего не мог спросить и лишь вопросительно глянул на Генку.

Но Генка был уже в пальто, в шапке, уже запахнул на ходу шарф. Подумал: эх, варежки забыл,— однако не хотелось возвращаться.

— Я скоро!— Он рывком раскрыл дверь.

И остановился. Все кричало ему: «Ну беги же! Делай, что задумал». А он зачем-то стоял...

Но почему-то он стоял. В полутемной прихожей, у распахнутой двери...

Нет, он не трусил, честное слово. Ради дела своего он ничего не побоялся бы. Только скажите, как действовать... Но ведь знаешь же как — действуй!.. Нет, это ему не подходило. Теперь он точно понял, не подходило. Генка медленно стал разматывать шарф. И заплакал...

Вдруг он услышал, а вернее, почувствовал: «пум» — мягкий комок в стекло.

— Господи!— сказала мама обиженно.— Ну что за хулиганье!

Отец промолчал. Наверное, опять рот его был набит булавками. А может, он и ответил что-то... Генка, бухнув дверью, уже бежал по лестнице.

Под окном Салов комкал из сухого сыпучего снега третий снежок.

Но Генка смотрел не на Салова. Рядом с ним стояла, Генка вгляделся... Да! Это была Сашка Устименко.

— Ты чего?— Генка шагнул к ней.— Зачем пришла?

И уже сам смутно догадался и замер. Салов бросил лепить снежок, сунул окоченевшие руки в карманы:

— Они, Геныч, от фотоаппаратов своих отказались, вот...— Он посмотрел на Сашу.— А мы зато поедем... Понятно?

Генка Греков стоял, низко опустив голову. ★

Журнал в журнале, Печатает только тебя.

Валя БУЛАХОВА живет в Москве, учится в 7-м классе.

Субботник

Без опозданья на субботник
Пришел сегодня весь наш класс.
Повсюду радостные лица.
Начнем, ребята! В добрый час!
И день на улице погожий,
И солнцу радуется глаз.
Мы поработаем на славу,
Чтоб чистотой сиял наш класс.
Мы парты трем и моем окна.
Полы давно подметены.
Нам улыбается с портрета
ИЛЬИЧ — ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ СТРАНЫ!

Стихотворение **Юры ЖЕСТКОВА**, пятиклассника из города Горького.

Утро

Утро лучами солнца
Свысока глядит.
Утро росою мокрой
Зеленые травы свежит.

Гул летит над полем —
Вышли трактора.
Проснулась, потянулась
Кормилица-земля.

Барбос с соседней улицы,
Затеял драку с кошкой.
С дворов сбежались курицы,
И грибники с лукошком
Уж вышли за околицу:
Спешат скорее в лес.
А солнышко им светит
И вниз глядит с небес.

Вот стихотворение восьмиклассницы **Тани БАРЫШЕВОЙ** из г. Барыш, Ульяновской обл. «Я немного пишу стихи,— говорит она,— и даже сама не знаю, хорошие они или плохие». А как вы думаете?

* * *

Сок березовый... Теплый-теплый,
Будто солнцем весенним согрет.
Будто после зимы холодной
Он оттаял, как белый снег.
Сок березовый... Чистый-чистый,
Будто первая капля дождя,
Будто капля слезинки быстрой,
Промелькнувшей в глазах у тебя.
Сок березовый... Светлый-светлый,
Легкий-легкий, земной-земной!
Не представлю себе без этого
Я России своей родной.

Катя ГЛОБА живет в поселке Новоберезанский, Краснодарского края.

* * *

Сестренка в тетради рисует,
Ты с книгой присела в углу.
... А Золушка с принцем танцует
На сказочном старом балу.

Ты что-то по дому не сделала,
И мама сердито ворчит.
... А платье у Золушки белое,
Ей принц о любви говорит.

И ночь наступает, чудесница,
За печкой защелкал сверчок.
... А принц поднимает на лестнице
Хрустальный ее башмачок.

Уже закрываются глазки,
И книжка из рук упадет...
... А ночью придет к тебе сказка,
И Золушка в гости придет.

Рисунки П. БАГИНА.

Пятиклассник **Сережа САВЧУК** из города Альметьевска решил попробовать сочинить басню. Вот что у него получилось:

Мышь в погребе

Мышь в погребе, наевшись до отвала
Сала,
Увидела: чуть дальше от угла
Лежит в мешке мука.
И как уж ни была сыта,
Попробовать решила это блюдо.
Отпробовав, она и лапкой двинуть
не могла.
А в это время меж мешков
Просунулась кошачья морда...
И, увидав беспомощную мышь,
Кот юркнул к ней
И жалостно так говорит:
«Ах, мышка тут лежит!
Вот до чего доводит жадность!
А я, признаться вам,
Мышей
Люблю сильней,
Чем сало!»
И с этими словами
Он мышь понес в квартиру
На расправу.

Феликсу ВОРОНОВУ 14 лет. Он ленинградец и шахматист.

Шахматы

В игру ты уходишь, как будто
в полет,
И снова ладью отправляешь
«на взлет»,
Глаз доску обшарит, как космос —
радар,
Вперед! В наступленье! Удар за удар!

Тане СОЛОНЧЕНКО из Кемерова 14 лет. Ее рассказ называется.

Открытие

В пятом классе шел урок истории.

— Григорьева, расскажи нам о власти Юлия Цезаря.

Наступила тишина. Девочка смущенно огладела класс, и ребята поняли, что срочно требуется их помощь. Со второй парты зашептали:

— Юлий Цезарь называл себя императором...

Лиза насторожилась, а потом громко произнесла:

— Юлий Цезарь называл себя пиратом!

Это стихотворение написала **Ира ВЕРЕИНА**, москвичка.

Ночь

Черная мгла
Окутала небосвод.
Точно метла,
Ветер звезды метет.
Серебряным отблеском
Месяц сиял.
Сиреневым облаком
Ветер играл.
Черные крылья
Ночь распустила.
Звезды и месяц
Словно застыли.
Черные крылья
Ночь убрала.
Розовой пылью
Зорька пришла.

ЗДЕСЬ БЫЛ ЛЕНИН

В этом номере мы заканчиваем рассказ о путешествии по Сибири нашего корреспондента, художника Семена Андриановича Трофимова.

...Красноярск стоит на берегу одной из величайших и красивейших рек в мире — Енисее.

Красноярск — город, навсегда связанный с именем Владимира Ильича Ленина.

Владимир Ильич прибыл сюда 4 марта 1897 года. За революционную деятельность царское правительство отправило молодого Ленина в трехлетнюю ссылку в село Шушенское — в самое сердце глухой по тем временам Сибири.

От Красноярска до Шушенского добраться можно было только на пароходе. Однако начало марта для того холодного края — это еще глубокая зима. Ленин пробыл в Красноярске почти два месяца.

Город Красноярск — заметенные снегом улицы, сугробы, как медвежьи берлоги, приземистые дома, сложенные из толстенных бревен, маленькие окошки (чтобы тепло зря не выпускать), низколобые купеческие лабазы, тишина, настороженность...

С развитием революционного движения в России этот тихий купеческий городишко стал как бы перевалочным пунктом: отсюда царская охранка переправляла в сибирскую глушь политических ссыльных. Холодные месяцы, когда Енисей скован льдом, были самыми беспокойными для жандармов. В это время в городе скапливалось много осужденных на высылку, и жандармы с нетерпением ждали, когда же наконец начнется навигация, чтобы поскорее переправить революционеров на место их ссылки в захолустье.

За Лениным велась посто-

Вот он какой — красноярский речной порт.

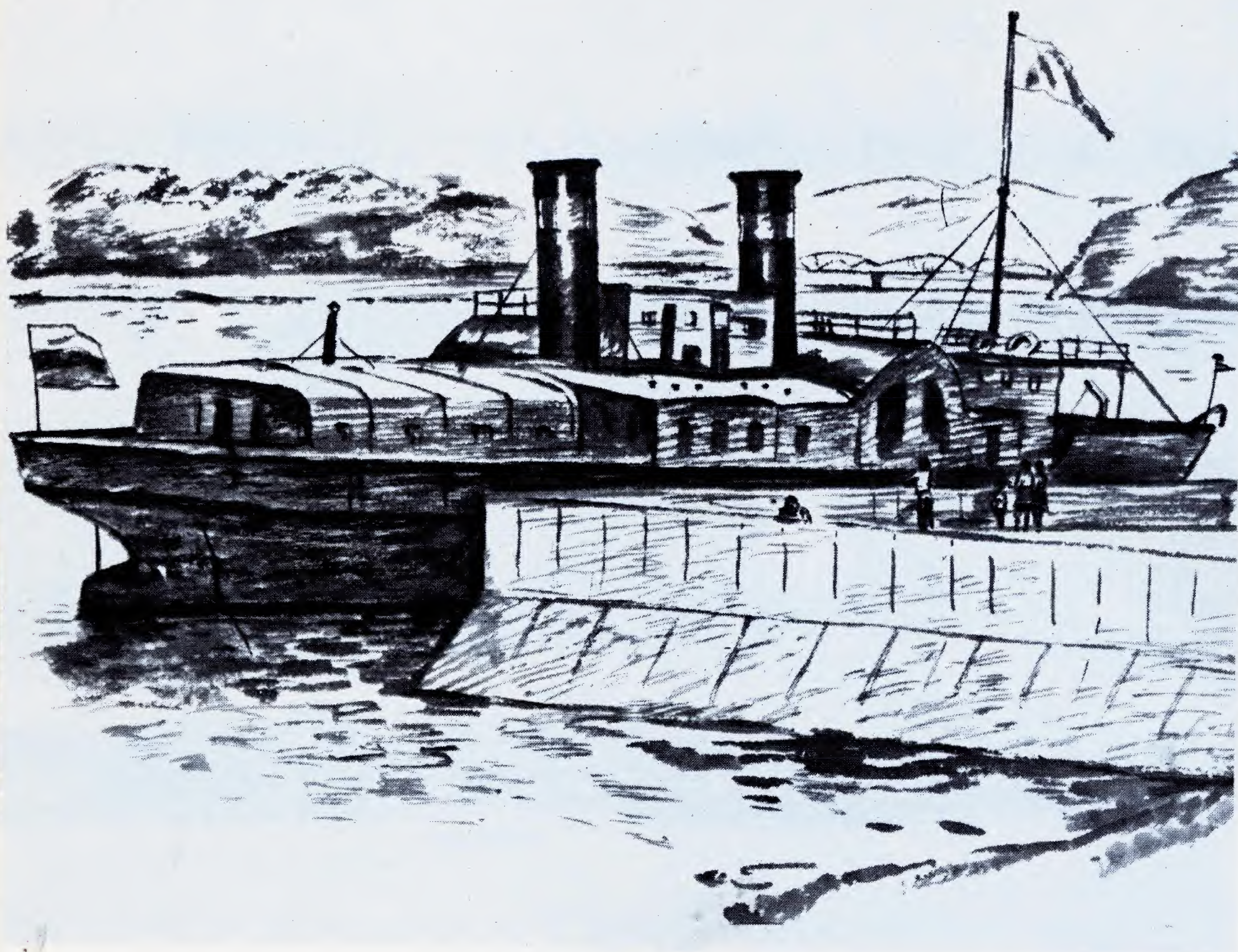
янная слежка, но он во время пребывания в Красноярске ни на один день не прекращал революционной работы. Сразу же по приезде Владимир Ильич встретился с Плехановым, Красиковым и другими социал-демократами, ожидавшими отправки к месту ссылки. Через них он установил связь и с товарищами, томившимися в красноярской тюрьме.

Многие часы проводит он в библиотеке купца Юдина. Крупный золотопромышленник и винозаводчик купец Юдин был достаточно просвещенным человеком. В своей библиотеке он собрал огромное по тем временам книжное богатство — более ста тысяч томов! Ленин упорно работает — читает, конспектирует, делает выписки. Круг его интересов, как всегда, необычайно широк. Однако особое внимание Владимир Ильич уделяет литературе по экономическому положению различных стран.

Эти занятия в Юдинской библиотеке очень помогли Ленину в дальнейшей его работе. Имея в руках выписки с необходимыми цифрами и фактами, Ленин уже в Шушенском (в той самой «глухомани», куда упрятала его царская охранка) создает одно из замечательных своих произведений — фундаментальный труд «Развитие капитализма в России», в котором завершил идейный разгром народников.

Народники говорили о каком-то особом, крестьянском, пути развития России. Ленин упорно доказывал, что страна идет по обычному пути капитализма, в конце которого неминуем революционный переворот и захват пролетариатом власти в свои руки.

Кто оказался прав, Ленин или народники, теперь знает всякий!

шей в мире! Растет плотина будущей Саяно-Шушенской ГЭС. Преображается лицо края. Да и само Шушенское уже не то.

И Красноярск теперь не тот: город-красавец, город-труженик. Один за другим встают новые его кварталы — белоснежные здания на фоне синеющих гор. Красиво!

Имя Ленина навсегда связано с этим краем. Дело Ленина в каждой новой тонне сибирского металла, в каждом новом благоустроенном доме, в каждой лампочке, горящей над букварем первоклассника.

30 апреля 1897 года на пароходе «Св. Николай» Владимир Ильич Ленин отбыл в Минусинск. Точную копию этого парохода вы видите на рисунке слева.

...Подходил к концу период пребывания Ленина в Красноярске. В последних числах апреля 1897 года с могучим грохотом и треском вскрылся Енисей.

Полицмейстер коллежский асессор Гаврила Гирин доносил: «Сосланные в Сибирь за государственные преступления помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов, инженеры-технологи Глеб Максимилианович Кржижановский и Василий Васильевич Старков сего 30 апреля на пароходе «Св. Николай» по проходным свидетельствам, за свой счет выбыли в распоряжение Минусинского уездного исправника».

Если б только он знал, тот жандармский борзописец, если б только догадывалось его «высокое» начальство, какой человек покидал в то время Красноярск!

И какие грандиозные перемены произойдут здесь по воле этого человека, по воле партии, созданной им!

Летит по Сибири электричество Красноярской гидроэлектростанции — крупней-

НАШЕМУ СТАРШЕМУ ДРУГУ, ВОЖАТОМУ — ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ — СПАСИБО!

Такая честь!

Совет дружины Опошненской средней школы, Полтавская область, УССР.

У нас огромная радость, и мы спешим поделиться ею со всеми. Сашу Гусак выбрали делегатом XVII съезда комсомола.

Мы горячо поздравляли Сашу. Такая честь! Все радовались — Саша это заслужила. Она бригадир школьной производственной бригады. Совсем недавно была награждена за большую работу орденом «Знак Почета». Редко кому так посчастливится в шестнадцать лет!

Все мы души не чаем в Саше. Особенно ребята из седьмого класса, ведь она у них вожатая.

Сейчас Саша уже собирается в Москву на съезд. Мы просим сказать съезду, что на нас можно положиться. Мы будем очень стараться и не подведем!

Наш самый большой друг — Таня

Ученики школы № 744, г. Москва

Сережа с тоской глядел на знакомые стены директорского кабинета.

«Опять будут ругать,— думал он,— двоечник, прогульщик, а у него мечта... Нет,— Сережа тряхнул головой,— никогда и никому он не расскажет об этом».

В кабинет вошла девушка. Она показалась Сереже знакомой. Где он мог ее видеть? Вспомнил. Это она сегодня стояла у дверей школы и приветствовала пионерским салютом первосентябрьских школьников.

— Наверное, новая вожатая,— решил Сережа и вздохнул.

— Давай знакомиться,— девушка протянула Сереже руку,— я ваша пионервожатая. Зовут меня Таня, Федина Таня.

Если бы кто-то спросил Сережу, о чем они с Таней говорили, он вряд ли ответил бы. Только известный всей школе двоечник Галахов перестал сбегать с уроков. Сумела Таня найти к нему ключик, поверила в него.

Спросите у Сережи, на кого бы он хотел быть похожим, и он ответит: «На Таню».

Пожалуй, так ответим все мы, все ребята 744-й школы. Что бы ни случилось, всегда идешь к Тане. Она поможет, поддержит, а если неправ, поблажки от Тани не жди, отругает, но не обидишься — знаешь: за дело. Вот такая наша Таня — добрая и строгая.

Поэтому, когда Таню выбрали делегатом на XVII съезд ВЛКСМ, мы все очень обрадовались.

Операция «Помогаи»

Совет отряда, колхоз «Россия», Антрацитовский район, Луганская область.

Все ребята Украины участвуют в операции «Помогаев».

Наша вожатая Ольга Кирилловна Сукачева — делегат XVII съезда комсомола — работает в колхозе «Россия» мастером машинного доения. На совете отряда она предложила нам всем включиться в эту операцию. «Помощники из вас хорошие, не раз работали у нас на ферме. А дел в колхозе хватит на сто рук»,— сказала она.

Мы благодарны нашей вожатой. Она научила нас по-настоящему трудиться, беречь колхозное добро. Мы гордимся нашей вожатой.

Что у нас в «Клубе выходного дня»?

Лена ЗУБЕНКОВА, 4-й класс, г. Подольск.

Сегодня воскресенье. На улице сыро. Воробьи забились под крышу и нахохлились. Я так ждала выходного дня, а он оказался совсем невеселым. И вдруг звонит моя подруга Марина и говорит:

— Приходи скорее в школу.

Вхожу в школьный коридор, а Марина меня уже ждет. В раздевалке знакомые пальто висят: наши все в сборе. Марина потащила меня в пионерскую комнату. Там начинали показывать кинофильмы о животных.

«Клуб выходного дня» организовали комсомольцы из восьмого класса. Теперь по воскресеньям никто из нас не скучает. В клубе много интересных кружков: шахматный, тан-

цевальный, рисования, «умелые руки»... Я занимаюсь в кружке рисования. Раньше я рисовала плохо, приходилось подписывать рисунки: «Это цветок», «Это чашка с блюдцем»...

Недавно вожатые рассказывали нам о космосе. Я теперь часто сижу на балконе с дедушкиным биноклем и смотрю на звезды. Многие планеты не открыты еще, а на них могут быть люди...

Двадцать пять писем из «Орленка»

Игорь СМИРНОВ, 7-й класс,
г. Москва.

Курсанту Володе Пестереву исполнился двадцать один год. В день рождения армейский почтальон протянул Володе толстую пачку открыток.

Двадцать пять из них были наши. Ровно столько, сколько ребят в отряде зарничников. Открытки мы послали из «Орленка», где проходил финал «Зарницы».

Я писал Володе: «Мой тебе подарок ко дню рождения: на соревнованиях стрелков занял второе место. Глаз щурил, **как ты** учил... А бои здесь жаркие!»

Барабанщик Гена Редько примостил свою открытку на барабане и строчил: «Недаром погонял ты, Володечка, нас на плацу. Строевая прошла отлично. И тебе за это большое спасибо».

Командир разведчиков Марина Моргачева написала: «Вспоминаю лагерь, где мы целый месяц ели из одного котелка... Военная наука досталась нам нелегко, но зато теперь у нас в отряде настоящая солдатская дружба...»

Последним открытку в почтовый ящик опустил Володя Горин: «Мы тебя все время ждем. Приезжай к нам в школу обязательно. Только теперь мы поняли, как нам было бы трудно без нашего вожатого».

Принимать всерьез

Лена СНИГУР, 5-й класс.
г. Симферополь.

Завтра я впервые иду к октябрятам в третий класс. Очень волнуюсь. Решила поделиться новостью с Олей Григорьевой, своей вожатой. Стою я в Олином дворе, жду, пока она придет с занятий. Недалеко от меня, на детской площадке, возятся в песочни-

Рисунки В. РУДЕНКО.

це два мальчика. Соорудили песочную пирамиду, сверху посыпали ромашками. Я подошла поближе. Мальчишки стали испуганно отряхивать коленки, думали, наверное, что я их буду ругать.

— Во что же вы играете? — спросила я.

— В собак...

— Возьмите меня, пожалуйста, в свою игру...

Мальчики посмотрели на меня.

— Тогда тебе нужно хвост прицепить.

И один из них оторвал мне половину своего бумажного хвоста. Я только сейчас заметила, что сзади у них болтаются голубые серпантиновые ленты.

Все это я рассказала Оле. Она улыбнулась:

— Прицепила?

— Пришлось прицепить...

— Вот и правильно. Малышей надо принимать всерьез. Иначе они никогда тебя не полюбят.

Люда

Галя ПАНТЕЛЕЕВА, 5-й класс,
пос. Крюково, Московской области.

Мы были еще октябрятами, когда к нам пришла вожатая, комсомолка Люда Фомина. Люда готовила нас в пионеры: рассказывала о пионерских традициях, читала о подвигах юных героев. У нас были отстающие. Они старались учиться лучше, но не у всех это получалось. Комсомольцы Людиного класса пригласили нас к себе в гости.

Встретили нас, как старых друзей, разузнали, кто по какому предмету отстает, и стали нам помогать. Даже отличникам. Приятно иметь взрослого друга. Здорово придумала Люда. Она одна не смогла бы помочь нам всем, а теперь мы все хорошо учимся.

Люда закончила школу и работает в швейном ателье. Наш пионерский отряд соревнуется с ее комсомольской бригадой. Эта бригада — наш коллективный вожатый.

Черная смородина

Володя ПЕТРЕНКО, 7-й класс,
г. Жуковский, Московская обл.

Саша Громов, наш вожатый, работает на автомобильном заводе в Москве. У Саши много дел: он комсорг, участвует в самодеятельности, играет в баскетбол. Но Саша всегда находит время, чтобы прийти к нам. В кружке «Юный автомобилист», который он у нас ведет, мы изучаем автомобиль и правила уличного движения. Недавно ездили в ин-

ститут, где работают над новыми конструкциями автомобилей. На полигоне института видели испытания новых машин.

Летом Саша водил нас в недельный поход. Мы научились быстро ставить палатки, разводить огонь, ориентироваться на местности. Даже картошку чистить научились, как настоящие повара.

В селе Каменка нам сказали, что в колхозе переспевает черная смородина. Нужно помочь убрать. Моросил дождь, хотелось отдохнуть и посушиться. Вечером у костра Саша пел под гитару, рассказывал смешные истории, а потом сказал: «А вы знаете, что в этих местах были жестокие бои...» Все притихли и посмотрели в глубь поляны, на лес. «У Каменки вся земля была в ямах от бомб. Сколько пришлось колхозникам поработать, чтобы эта смородина черная поспевала!..»

На следующее утро никто и не подумал вылеживаться в палатках. К вечеру мы собрали полтонны ягод.

После этого похода мы особенно подружились с нашим вожатым Сашей. Мне хотелось бы стать таким, как он,— сдержанным и справедливым.

Флейта-пикколо

Игорь **ПОПОВНИН**, 6-й класс, г. Карабулак.

Я запомнил одну красивую мелодию, ее играл военный оркестр. Какой-то инструмент играл почти как моя дудочка,— весело и задорно. Дудочку я вырезал сам, дедушка помог мне ее наладить.

На берегу реки можно хоть целый день играть. И я не заметил, как ко мне подошли мальчишки из нашего класса. Они стали меня дразнить. А на следующий день все в классе надо мной смеялись, говорили, что я готовлюсь в пастухи.

Три дня я не ходил в школу. Дома не знали, что я пропадаю на речке. И вот приходит Витя Кругов, наш вожатый. «Что ты,— спрашивает,— заболел?» Я молчу. А он говорит: «Ты не слышал, в Доме культуры в духовой оркестр ребят набирают? Есть там такой инструмент, он похож на твою дудочку».

Через год я играл на первомайском параде. Флейта-пикколо хоть и небольшой инструмент, но в оркестре очень важный. После парада в Доме культуры был праздник. Весь наш класс сидел в зале. Витю Кругова, вожатого нашего, наградили грамотой за хорошую комсомольскую работу. А потом начался концерт. Со сцены хорошо было видно, как весь наш класс смотрел на меня. А Витя даже помахал мне рукой: держись, мол... И я стал играть.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

ИЗ РАПОРТОВ И ДОНЕСЕНИЙ ТИМУРОВСКИХ ОТРЯДОВ

«Установили обелиск на братской могиле погибших в гражданскую войну. Почетный караул несут тимуровцы».
село Староперстово, Кемеровская область.

«Два года без ремонта решили сохранить школу тимуровцы поселка Садовый. Второй год на исходе — школа в отличном состоянии».
пос. Садовый, Алтайский край.

«Посадили 600 деревьев и 3 800 кустов».
г. Кирово-Чепецк, Кировская область.

«Действует тимуровская почта. Доставляет жителям села газеты, письма, телеграммы. Есть своя специальная форма и штемпель «СССР, Целиноград, село Гайдар, Пионерская почта».

«Открыли первый в районе музей А. П. Гайдара».
Штаб «Гайдариана», село Соколовка, Северо-Казахстанская область.

«Создана тимуровская группа в 5 классе «А» школы № 31. Группа взяла шефство над матерью Александра Каплина, героя, чье имя носит отряд».
г. Тайга, Кемеровская область.

Рис. А. АСТРЕЦОВА.

ЕСТЬ ПРЕДЛО-ЖЕНИЕ!

Поселок Елечей (маленький, не больше пятисот жителей) затерялся далеко в тайге. Тимуровский отряд Елечей терпит бедствие: ребята не могут достать книги А. П. Гайдара. Библиотека в поселке плохая.

Всесоюзный штаб Тимура предлагает им помочь. Если в твоей домашней библиотеке найдется книга для ребят из Елечея (не обязательно гайдаровская, ребята будут рады любой хорошей книге), посылай ее по адресу:

678074, Якутская АССР, Мегино-Кангаласский район, п/о Бютейдях, пос. Елечей, школа.

НЕУЖЕЛИ?... В САМОМ ДЕЛЕ!

«Малышам нашего двора негде играть. Чтобы им помочь, мы решили организовать тимуровский штаб. Но мы не знаем, как его сделать. Просили помочь коменданта нашего микрорайона. Потом написали письмо в жилищно-коммунальный отдел, потом написали в газету «Брянский рабочий»... а штаба все нет. Нам бы так хотелось иметь свой штаб (домик), где бы мы заседали и советовались, как выполнять тимуровские обязанности».

Девочки дома № 6, на улице К. Маркса, г. Фокино, Брянская обл.

Печальная картина представилась штабу: сидят на лавочке перед домом № 6 тимуровцы и терпеливо ждут, когда им построят штаб (домик) для совещаний. Можно, конечно, и подождать. Но штаб опасается, что малыши за это время вырастут и им уже не понадобится помощь.

А вот отряд «Каравелла» из Свердловска считает, что достаточно начертить квадрат на земле — и штаб готов. Главное ведь дела, а не совещания.

«Я получила двойку за диктант. Любовь НЕколаевна сказала: «Это позор!» Я сделала пять ошибок и забыла, что ЖИ, ШИ пишется с буквой И...»

Л. К., Сахалинская обл.

Не знаем, как Любовь НЕколаевна, а Любовь НИколаевна совершенно права. Даже для самых активных тимуровцев штаб не может сделать исключения: ЖИ, ШИ (ПО-ПРЕЖНЕМУ) ПИШИ С БУКВОЙ И. Чуть не забыли... ЧА, ЩА — с буквой А.

«В нашем классе ребята хорошие и смелые. Между нами часто возникает вопрос, как нам создать тимуровский отряд. Мы долго думали, но ничего подобного не придумали. Что делать?»

6 «б» класс, с. Кайнары — Вень, Дрокиевский р-н, Молдавская ССР.

Продолжать думать. Штабу приятно иметь дело с «думающими» людьми, особенно если они при этом «хорошие и смелые».

Мое мнение

Собрались ребята нашего двора и решили создать тимуровскую команду. Придумали название, выбрали командира. И заместителя командира тоже выбрали. А через несколько дней все об этом забыли. Теперь вспоминаем и не можем понять, почему не получилась наша тимуровская команда...

Я знаю, что в соседнем дворе шестеро мальчишек собрались и очистили весь двор от старых, серых сугробов и ледышек. Название для своей группы не придумали. Но ведь это уже тимуровская группа.

Мне кажется, что сначала нужно сделать дело, а потом называть себя тимуровцами и тимуровским отрядом.

Миша КРУПКИН, г. Ленинград.

ИНТЕРВЬЮ «БОЕВОГО ЛИСТКА»

Юнкор «Боевого листка» в приподнятом настроении (это было его первое журналистское задание) шагал на Главный московский почтамт. Ему предстояло взять интервью у начальника почтамта Георгия Николаевича Смирнова.

«Письма и поздравительные открытки к празднику отсылайте заблаговременно!» — так было написано на плакате, который висел на дверях почты.

ЮНКОР. Георгий Николаевич, в предпраздничные дни, впрочем, как и в обычные, на почте много работы. Как помогают вам тимуровцы?

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ. В предпраздничные дни поток писем буквально захлестывает почтовые отделения. И если бы не ребята... Судите сами: в эти горячие дни они приходят на почту целыми отрядами, классами, школами. Сортируют почту, разносят письма адресатам, доставляют телеграммы.

ЮНКОР. Если ребята пришли к вам в первый раз, вы не можете сразу доверить им разносить телеграммы. Как они еще могут вам помочь?

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ. В залах почтамтов всегда много народу. Многим старым, больным людям трудно самим заполнить телеграфный бланк, листок перевода. Хорошо если бы тимуровцы дежурили на почте и всегда могли помочь старому человеку заполнить бланк, написать письмо, открытку.

МИНУТОЧКУ ВНИМАНИЯ!

«Вот бы везде так...» — подумали мы. А действительно, почему нет? Ведь почтовые отделения есть везде.

ПОВЕСТЬ ОБ ОТЦЕ

Окончание. Начало в № 1.

Ю. КАЛИНИНА

Рисунки В. ДУДКИНА.

Семья наша продолжала расти. Когда у Вали и Жени родился сын, отцу позвонили из роддома, поздравили с первым внуком.

— Ну, хорошо, спасибо,— сказал отец и сразу пришел в столовую.— Отгадайте, кто у Жени родился?

Долго мучил нас, потом только открыл:

— Сын родился, Ваня родился.

Вале не очень понравилось имя. «Папа, ну что за Ваня?» Отец ответил: «Сейчас не дают это имя, но имя-то это бессмертное».

К внукам у него была особая привязанность. С нами, детьми, отец был сдержан, хотя мы знали, что он нас любит. А вот с внуками он был и внешне теплее: может быть, это возраст давал себя знать. Приляжет отдохнуть, а ребята бегают тут же, шумят. Спросишь: «Папа, мешают они тебе?» Он обычно ответит: «Нет, не мешают, я люблю, когда дети шумят»...

Поглядит он на внуков — кто причесан, чисто умыт, а кто растрепанный бегает — и никогда не скажет растрепе: «Какой ты замарашка!» — зато заметит: «Вот кто сегодня у нас молодец. Все-то он может сам, все-то у него получается».

Молодцу приходится дальше стараться, а другим хочется на него походить.

Но в одном он неизменно оставался все тем же. Сердился, когда баловали ребят.

Бабушка тяжело заболела. Отец уговорил ее приехать в Москву. И здесь, в Кремле, бабушка была такой, как всегда. Ходила в платке, повязанном по-деревенски, носила темную крестьянскую одежду.

Икон с собой из деревни она не взяла. У нее был врожденный такт: она считала, что в квартире отца икон быть не должно.

Молилась перед окном, прямо на небо.

Не помню, чтобы она перекрестила когда-нибудь правнука. Бабушка была человеком редкой терпимости. Если отец считался с ее верой, то она умела считаться с тем, кем был он, какой выросла у него семья.

Пусть внешне она оставалась такой, какой была всю свою жизнь, в душе ее происходила, конечно, работа. Она всех нас любила, и ей хотелось понять нас. С интересом слушала она, что мы рассказывали, приходя с работы домой.

Как-то я застала ее за тем, что она рассматривала иллюстрированный журнал.

Я ей сказала: «Бабушка, хочешь, я тебя научу читать?»

Она покачала головой: «Где уж теперь».

Но по глазам ее было видно, как хотелось ей прочитать то, что написано в журнале.

Приехала она к нам в конце зимы, а летом ее увезли на дачу. Отец часто к ней приезжал. Если она лежала, присаживался к ней на кровать и спрашивал:

— Мама, ну чем помочь тебе? Может, врача привезти?

Она отвечала:

— Да какие врачи, годы уже подошли.

Как она ни была слаба, все же ухитрялась собирать на дачном участке рыжики — малюсенькие, никто их не замечал. Засаливала их в бутылке и угощала отца.

Она умела жить, никому не мешая, так же сумела и умереть. Легла спать — и не проснулась...

К ужину все в доме собирались вместе, и если отец задерживался на работе, без него за стол не садились.

Отец не делился с нами тяжелым. Беду обычно переживал про себя. Но он любил после своего непростого рабочего дня прийти домой, увидеть всех нас, посидеть за общим столом и перекинуться шуткой.

Умел он понять наши слабости, найти им объяснение, а когда уж на кого-то из нас сердился, это значило, что действительно есть вина. Бывало, что-то его в нас возмущало, но он показывал это только молчанием. Если же видел, что не доходит, мог и не стерпеть — голос повысить. Это у него называлось «махнуть». «Ну, я сегодня «махнул» — говорил он потом. Это бывало нечасто.

Любил отец, когда возникали споры: говорил, что это дает возможность с разных сторон посмотреть на предмет. Особенно часто они спорили с Валей — об экономике, о политике цен, о зарплате.

Помню, как-то за столом мы обсуждали только что прошедший парад. Кто-то из нас сказал отцу:

— Ну, как ты принимал сегодня парад? Никакой торжественности, ну совсем никакой. Нет, это уж слишком просто. Я бы не так принимал.

Выслушав критику, он улыбнулся и ответил:

— Вот от того, что ты бы не так, тебе и не поручили.

Он часто расспрашивал нас. Ведь все мы где-то учились, где-то работали. Бывали у нас вечерами и наши друзья, товарищи по работе. Отец всегда был очень внимателен к тому, что рассказывали они о своих делах.

Любил он и сам походить по городу.

Как-то остановился у часовой мастерской перед открытым окном, за которым работали мастера, вооруженные окулярами, надетыми на один глаз.

— Какая кропотливая работа,— тихонько сказал отец с тем уважением, какое у него всю жизнь вызывало любое мастерство, в чем бы оно ни проявлялось.

Вдруг один из мастеров оторвался от часов, глянул перед собой, и у него вырвалось непроизвольно:

— Калинин!

Чтобы не мешать людям работать, отец быстро отошел от окна. На эти прогулки по городу он брал обычно и кого-то из нас.

Все мы ложились спать раньше отца — он долго читал.

Мне кажется, в жизни его не было дня, чтобы он не читал. Читал он с карандашом, подчеркивая, делая пометки на полях, снова возвращаясь к прочитанному.

Поэтому ему очень важно было иметь свои собственные, а не библиотечные книги. Он умел во всем ограничить свои потребности, но в том, что касалось книг, был действительно ненасытен. К концу жизни у него собралась большая библиотека. Он завещал ее Городской публичной библиотеке города Калинина.

Перелистываешь сейчас эти книги и понимаешь, какой огромный труд самообразования проделал отец. В его библиотеке и марксистская литература и сочинения философов всех веков, книги по психологии, по педагогике, по истории.

Больше всего пометок на книгах Ленина.

Уже немолодой человек, обремененный сложными государственными заботами, он читал и мыслителей, отдаленных от него временем и обстоятельствами, с воистину студенческой неустанностью. Подчеркнуты размышления Гольбаха о том, что порочные и злые люди встречаются часто лишь оттого, что до сих пор ни одно правительство не позаботилось о том, чтобы людям выгодно было быть справедливыми и благородными.

Подчеркнуты строчки: «Пусть нам не говорят, будто ни одно правительство не может сделать всех своих подданных счастливыми».

Ближайшими друзьями отца были товарищи по работе, а также товарищи по подполью и по ссылкам. Один из старых питерских рабочих как-то сказал о нем: «Когда приезжаешь в Москву, к нему в двери стучать не приходится. У него для нас всегда двери открыты».

Отец умел находить общий язык и общие интересы с самыми разными людьми. У него был особый талант общения, если так можно сказать.

С ним одинаково просто было и Маше Мароновой и Аманулле Хану, афганскому королю.

Маша Маронова была нашей ближайшей соседкой по Верхней Троице. После смерти мужа ей тяжело было оставаться дома. Она приехала в Москву, устроилась судомойкой и запросто заходила к нам, как к старым знакомым, часто ночевала у нас. Мама всегда уговаривала ее остаться, понимая, как Маше тоскливо в чужом городе, а отец обычно расспрашивал Машу о том, что пишут из Троицы, интересовался деревенскими новостями, ее работой и жизнью в Москве.

Афганский король, один из первых государственных деятелей, приехавших в Советский Союз, тоже чувствовал себя в нашем доме легко и непринужденно.

Как-то отцу пришлось принимать женскую делегацию из Парижа — отнюдь не пролетарскую по своему составу.

Казалось, о чем говорить ему с изысканными парижанками? Но он и тут сумел создать непринужденную обстановку, рассмешил француженок, и возник живой, непринужденный разговор — отца забросали вопросами о положении женщин в России.

А как-то принимал он нашу женскую делегацию — работницы женотдела пришли к отцу с предложением запретить ношение чадры.

Отец выслушал их, улыбнулся и шутливо сказал:

— Знаете что, товарищи мои дорогие, я бы особенно против чадры не возражал. Скажу вам по секрету: некоторым и мужчинам не мешало бы закрыться чадрой.

Женщины рассмеялись. Тогда отец сказал им уже серьезно:

— Ну, запретим мы, а готовы ли наши женщины ходить без чадры? Нужно сначала освободиться от религии, от предрассудков, и тогда сам собой отпадет вопрос о чадре. Это Петр Первый бороды брил насильно.

Посетительницы смутились: ясно было, что они пришли со своим предложением, не продумав его.

Тогда отец опять пошутил:

— Конечно, если вы будете настаивать, я возражать не смею. Женщины — держава могучая.

Умел он шуткой разрядить напряженность и помочь человеку сказать то, что он хотел.

Думаю, здесь имели значение и его начитанность, и природный живой ум, и понимание того, что происходит в душе другого, и, конечно, его расположение к людям.

Это не значит, конечно, что он не видел в людях недостатков, но в каждом он старался подметить лучшее и этим поднимал человека.

На Московской камвольно-прядильной фабрике в двадцать девятом году вступал в строй новый корпус. Фабрика готовилась к перестройке всего производственного процесса: прежде текстильщицы работали на одной машине, теперь должны были работать сразу на двух. Это требовало большого напряжения, а заработная плата в текстильной промышленности в то время была небольшая.

Пуск нового корпуса назначили на Восьмое марта. Прядильщицы выслушали сообщение о новом порядке работы и заявили: «Пусть сам Калинин к нам приедет Восьмого марта и скажет, верно все это или не верно. Иначе мы не согласны».

Секретарем партийной организации на фабрике незадолго до этого избрали молодую, энергичную Женю Шистер. Не долго думая, Женя направилась в приемную ЦИКа. На-

роду там ожидало много, однако дело у Жени было такое, что отлагательства не терпело, через час она излагала отцу требование прядильщиц: «Я имею такой наказ и не могу уйти, пока не получу от вас обещания».

Отец выслушал ее и сказал, улыбаясь: «Боевой, видно, ты секретарь, только все это ты придумала, чтобы поднять настроение у своих прядильщиц. А я восьмого приехать к вам не смогу: я обещал быть на «Серпе и молоте».

Женя вспылила: «Как это я придумала? Мы выберем делегацию, и вы убедитесь...»

Отец продолжал улыбаться: «Что ж, выбирайте...»

На фабрике действительно выбрали делегацию. Дня через два с двенадцатью лучшими прядильщицами Женя снова пошла в приемную. Женщины важно расселись на стульях в небольшом кабинете отца и веско сказали ему: «Михайло Иванович, ты тут не поверил нашему секретарю, а это мы, работницы, просили, чтоб ты к нам приехал и все нам объяснил».

Отец позвонил на завод «Серп и молот» и сказал, что приедет к ним после праздника, а восьмого он должен быть у прядильщиц.

Долго разговаривал он тогда со своими гостьями, а восьмого точно, как обещал, был на камвольной фабрике.

Подошел к краю сцены и выложил перед прядильщицами все государственные заботы: и какое сейчас в стране положение, и что означает курс на индустриализацию, и сколько денег должны мы тратить на покупку машин, на строительство новых заводов и сколько остается на фонд зарплаты. Словом, открыл им все тайны политэкономии, но сделал это так просто, доступно, что получилось: он отчитывается перед ними, как перед истинными хозяевами, просит их помощи и совета.

Прядильщицы не только согласились тогда на работу по новому распорядку, но и отказались от годовой премии в фонд пятилетки, на что отец уж никак не рассчитывал.

На этой фабрике потом он бывал не раз.

Свою приемную отец с самого начала перенес из Кремля на Моховую улицу и сделал ее предельно доступной народу. Работа была организована так, что любая жалоба рассматривалась в кратчайшее время. Кроме того, каждый имел возможность в ближайший приемный день обратиться по любому вопросу непосредственно к Председателю ЦИКа — Центрального исполнительного комитета, а позже Президиума Верховного Совета. Когда после войны сотрудники отца пытались несколько ограничить число обращений в приемную, он этому воспротивился.

Прием вел не только отец. Как-то мы спросили его, кто же попадает на прием лично к нему, он ответил, что старается рассматривать жалобы, по которым более вероятен отказ: удовлетворить жалобу просто, трудней отказать. Это нужно сделать так, чтобы человек ушел без обиды, чтобы он понял, почему ему отказали. Отец добавил, что главное — внимательно слушать, бывает, думаешь, придется в жалобе отказать, а выслушаешь и поймешь: нужно и можно помочь.

Среди всех своих многочисленных дел и забот отец никогда не упускал из виду дел и забот Верхне-Троицкого колхоза, близко принимая к сердцу его беды и неудачи.

Земляки часто приезжали к нему с различными колхозными нуждами — в приемную или прямо домой. То, что можно было, он делал. Помог со строительством школы, больницы, дороги.

Сам он тоже по-прежнему ездил на родину, но с тех пор, как бабушка покинула Троицу, он передал дом наш колхозу и останавливался в доме отдыха, построенном в усадьбе Тетьково.

Приехав, он обходил сначала поля, потом к вечеру шел обычно всегда к одному и тому же дому посредине деревни. У этого дома собиралось много народу поговорить с ним о делах.

Очень он был расстроен, когда, приехав в деревню, увидел неубранный клевер. Клевер в этот год уродился хороший, но его оставили в поле. Сначала погода мешала, потом подошла другая работа.

Отец в этот вечер к дому пришел раньше обычного, спросил: «Что ж вы клевер гноите? А потом скажете: в колхозе плохая жизнь!»

Пожалуй, никогда не видели в Троице, чтобы он так сердился, как в этот раз.

Когда через два дня клевер был убран, зарядили дожди. Длились они чуть ли не месяц.

Старики в Троице до сих пор вспоминают, как он тогда спас клевер: «Видно, знал, что пойдет дождь!»

Как-то отец нам сказал: «Устраивайтесь самостоятельно, хочу посмотреть, как вы без меня будете жить».

Мы дружно жили большой семьей, ему тоскливо было оставаться без нас, но он считал, что это необходимо.

Связь с отцом от этого, конечно, никак не ослабела. Напротив, она крепла с годами. Мы часто приезжали к нему по вечерам. Он тоже бывал у нас. Нравилась ему маленькая комнатка в моей квартире. Он принес туда свои шахматы, кое-какие вещички, говорил: «Это моя комната». С интересом присматривался к тому, какими растут внуки. Звал нас с собой, когда должен был ехать куда-то.

Помню, отец взял меня с собой в Ленинград. Это было во время первых выборов в Верховный Совет. Он должен был выступать на своем Путиловском.

Вышел на трибуну и долго не начинал. Я даже испугалась: что это с ним? Он заговорил — сначала медленно, как бы подыскивая

слова, сказал, что ему сейчас трудно, что у него такое состояние, какое бывает, когда встретишь старого друга, которого долгие годы не видел, и столько нужно сказать, что слов не хватает.

Отец не был оратором в обычном смысле этого слова. Его выступления никогда не были гладко льющейся речью. Он разговаривал с аудиторией, словно говорил с каждым один на один, размышляя вслух. Мог даже остановиться, подыскивая нужные слова. Может быть, потому он умел убеждать людей, что весь, со всем ходом своих размышлений был на виду.

Теперь-то я понимаю его молчание на трибуне. Ведь он приехал в свой Питер. Он избирался от города, который определил всю его жизнь. Сколько, должно быть, прошло

На советскую землю пришла война.

перед его глазами прежде, чем он нашел слова, которыми начал.

Пришла война.

Первые месяцы наши войска отступали. Конечно, отец тяжело переживал неудачи на фронте, но как-то заметил, что я очень подавлена, и спросил у меня: «Не веришь, что мы победим?»

Я не успела ему ответить, а он сказал: «Конечно, лучше, если бы войны не было. Но эта схватка была неизбежна. И, по совести, я рад, что еще жив и все увижу своими глазами». Ему было под семьдесят, он был серьезно болен, перенес две операции, однако, как в годы гражданской войны, когда он ездил с агитпоездом «Октябрьская революция», отец и теперь старался быть в гуще народа.

Он выступал перед солдатами Калининского и Западного фронтов, перед рабочими и колхозниками только что освобожденной Калининской области, перед рабочими Ленинграда, Горького, Баку, Куйбышева, Иванова, Ярославля.

Беседовал с теми, кто приезжал в Москву: со старыми своими товарищами путиловцами, рабочими ныне Кировского завода, с фронтовиками, партизанами, ярославскими льноводами...

Его слушали, а еще больше читали.

В библиотеке Музея Калинина есть картотека с перечнем печатных выступлений отца за годы войны. Вот даты публикаций: 4 июля 1941 года, 10 июля, 24 июля, 13 августа, 29 августа,— и так всю войну.

Каждая статья очень конкретна: что должно делать население в прифронтовой полосе, как налаживать противовоздушную оборону, как в условиях войны готовиться к севу, как работать фронтовым агитаторам.

Иногда, очевидно, чтобы имя его не мелькало в газетах слишком уж часто, он подписывался своей старой подпольной кличкой «Н. Петров».

Он был уверен в нашей победе, но никогда не успокаивал людей сладкими обещаниями.

Это относилось ко всем, с кем он общался, и в том числе к нам, его детям. У Лиды муж, военврач, с первых дней войны оказался на фронте. Как-то отец увидел ее у почтового ящика, посмотрел на нее и сказал задумчиво: «Да, конечно, всякое может случиться... Как со всяким».

На свою родину, в разрушенный Калинин, он приехал сразу после освобождения города. Фронт был еще недалеко. Он говорил о том, что теперь нужно больше производить для армии, а себя во всем ограничивать.

Один рабочий спросил его, когда кончится война.

Он ответил: «Конечно, я мог бы успокоить вас, сказать, что скоро. Но, по совести говоря, сам не знаю. Могу лишь сказать: есть полная уверенность, что мы обязательно победим врага».

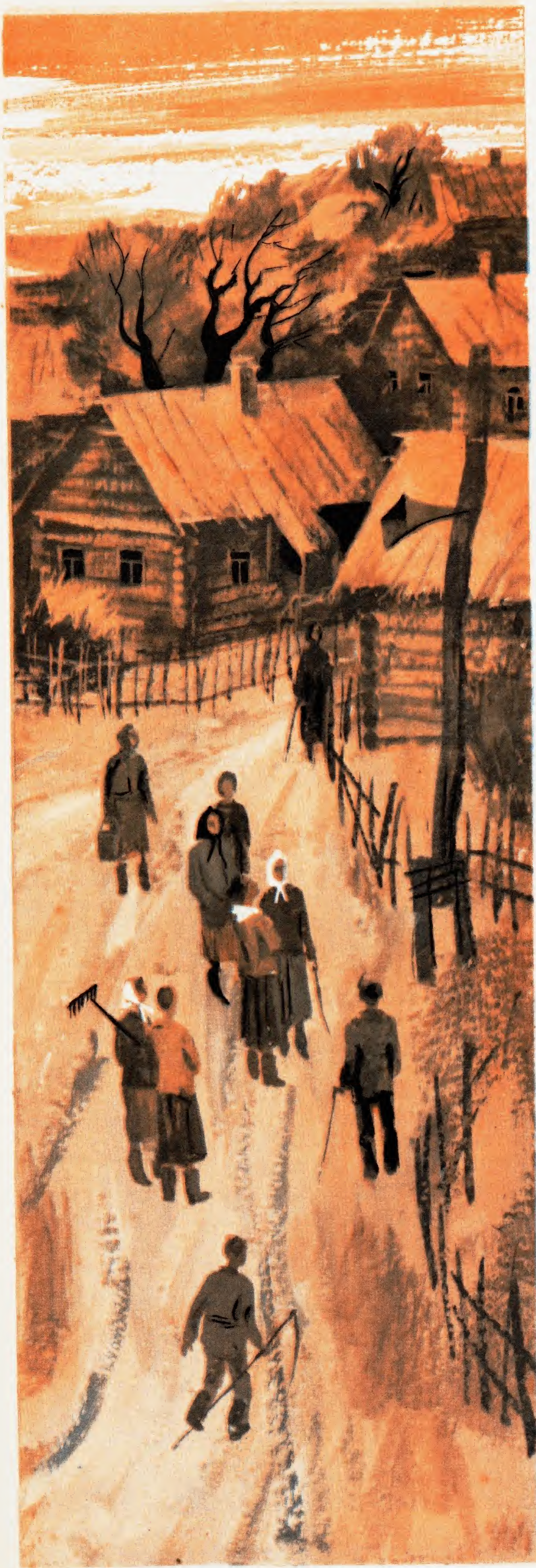
А дальше речь шла уже о неотложных конкретных делах, от которых зависят сроки победы.

На другой день он поехал в разоренное село Городню. На все село здесь осталась одна корова. В избу набилось много народу, люди пришли и из соседней деревни. Стемнело, зажгли еле светящуюся керосиновую лампу, и завязался в этой полутемной избе откровенный, прямой разговор.

Сколько уж раз люди так говорили с ним, выкладывали, что у них на душе, ничего не скрывая.

— За что ни возьмись, все в прах разрушено... Хоть ложись да помирай!

И в годы гражданской войны он слышал такие слова, знал, что обещать невозможное бесполезно.

Смысл ответа его был примерно таков: когда кричат «Мы бьем, гоним», народ успокаивается. Лучше уж правду сказать: чтобы прогнать противника, нужно очень много работать.

В этом же месяце отец побывал на фронте, сразу после освобождения Клина. Это были первые победы, первые награды, и он эти награды вручал.

Настроение в частях, естественно, было приподнятое. В речах, которые произносились, сквозили нотки: вот, мол, до нас отступали, а мы первые показали, что фашистов можно громить.

Отец поздравил победителей, сказал им, что они приучают врага быть битым. И все же он дал понять, что не стоит подчеркивать: вот, мол, до нас отступали, а мы наступаем — ведь сегодняшнее наступление подготовлено теми, кто отступал. Безымянные солдаты, часто герои без орденов, отступали и гибли, но задерживали противника, сколько могли, и выигрывали время для подготовки теперешнего удара.

Помню его поездку к ткачихам Орехово-Зуева.

Это было уже ближе к концу войны.

Он вручил больше сотни орденов и медалей, каждой женщине руку пожал, каждой какое-то свое слово нашел. Вид у него был усталый, болезненный.

Позвали его на банкет, он хотел отказаться, но женщины просили посидеть с ними хотя бы немного.

Он мне сказал тихонько: «Надо остаться, одни женщины тут»

Первый тост он произнес за женщин: «Вы самые неустанные, самые трудолюбивые и в тылу и на фронте».

Одна ткачиха ответила: «Да, выпало на нашу долю. Будет ли другое поколение такое, как мы?»

Потом женщины предложили тост за его здоровье. Поняли, наверное, что он болен. Ему трудно было сидеть за столом, но его не отпускали.

Он попросил: «Ну, тогда спойте».

Пели «Рябину». Эта невеселая песня звучала по-особому в годы войны.

В вагоне он мне сказал: «Хорошо, что я побывал у них».

Это была одна из последних его поездок.

Наша семья понесла большую потерю в годы войны.

Погиб Витя, племянник отца, сын Прасковьи Ивановны.

Война застала его в Ленинграде, где он учился живописи в академии.

Это был человек, умевший целиком отдаваться своему призванию. Помню, он говорил: «Какой я счастливый, что нашел свое дело».

Отец приехал в разоренное село Городню.

Когда фашисты приблизились к Ленинграду, Витя пошел в ополчение, был в жестоких боях; позже, оторвавшись от части, вместе с товарищем перешел линию фронта, вернулся в город. Здесь, умирая от голода в дни блокады, Витя никому не сказал, что он племянник Калинина.

Отец тяжело пережил эту утрату.

Но так случилось, что наша семья и выросла за годы войны.

Коллектив работников Верховного Совета взял на воспитание двух осиротевших в войну детей. Это были родные братья Вова и Витя. Одному из них было пять лет, другому — шесть. Оба мальчика были очень слабы. Находились люди, которые соглашались взять одного из двух ребятишек. Отец сказал, что не стоит братьев разъединять — достаточно того, что они потеряли родителей,— и забрал обоих к себе.

К этому времени уже вернулись из эвакуации внуки. Дети жили на даче. Вместе с ними стали жить Вова и Витя.

Сначала они оба были так бледны и худы, так мало у обоих было силенок, что трудно было различить их между собой. Но на свежем воздухе, под присмотром тоже осиротевшей Прасковьи Ивановны они быстро окрепли.

Вова, старший, так и остался худеньким, хрупким. Это был тихий, ласковый мальчик, любил рисовать, мастерить, а иногда просто сидел и о чем-то мечтал. Витька быстро обзавелся пухлыми щечками, глаза у него были веселые, сам коренастый, румяный, вечно в боевых затеях, в проказах, он верховодил всеми ребятами в доме и в соседнем поселке.

Однако стремились оба мальчика к одному: хотели обязательно стать военными. Когда отец приезжал на дачу и занимался с детьми — их теперь в семье было много,— Вова просил у него погоны и орден.

Отец говорил: «Учись, тогда будут погоны. А пока ты еще плохо читаешь».

После неудачной операции у отца стало совсем плохо с глазами. Но без книг не жил и теперь. Читать сам он уже не мог. Мы читали ему вслух. Он всегда интересовался русской историей, теперь, в самом конце своей жизни, он захотел ознакомиться со всеми двадцатью девятью томами известного русского историка С. М. Соловьева. Что-то, наверное, хотел понять в пережитом, вглядываясь в прошлое Родины. Последний том ему дочитали за несколько дней до конца.

Помню, я читала ему Лермонтова в новом издании. Он просил, чтобы я читала не только текст, но и комментарии: как работал Лермонтов над тем или иным произведением. Я читала тогда и удивлялась: зачем ему это?

Теперь я понимаю: и здесь его интересовали труд и мастерство — то, что до конца жизни для него оставалось самым важным.

Когда отец, уже безнадежно больной, возвращался из Крыма, где он отдыхал, в пути ему стало хуже.

Вагон подогнали на запасной путь. Здесь его ждала машина «скорой помощи». Все мы были уже у вагона. Отцу предложили ехать на машине прямо в больницу.

Он удивился: «Я поеду на «скорой помощи»? Что вы!»

Дома он лег на диван, от обеда отказался: «Пусть ребята идут обедать».

К вечеру все же его убедили, что надо ехать в больницу. На другой день утром мы все пришли к нему. Он не понимал своего состояния, говорил: «На этот раз я еще выскочу».

Он думал, что ему поможет операция, но оказалось, все уже бесполезно.

Ему стало душно. Он попросил открыть окно. Окно открыли, но он этого не заметил, повторил свою просьбу.

Потом сказал: «Я бы выпил чего-нибудь».

Лечащий врач обрадовался, что может что-то сделать ему: «Сейчас открою боржом».

Но отец передумал: «Да нет, из-за одного глотка открывать, пожалуй, не надо. Что же вас беспокоить».

К этому он добавил только: «Вот все неудобно. На двух подушках лежу и не могу себя уложить, а раньше на досках спал».

Он чуть приподнялся и посмотрел, словно вглядываясь во что-то, вперед, мимо нас — мы были вокруг него, но он уже не видел нас.

Быть может, в эту последнюю минуту он увидел, как спал на досках по тюрьмам и как еще раньше, пятнадцатилетним мальчишкой, мечтал стать моряком и спал на досках нарочно, чтобы подготовить себя к любым невзгодам и трудностям жизни.

Умирал он тихо, беззвучно.

Врач взял его пульс, сказал нам коротко: «Все».

Мы долго стояли, не смея уйти.

Я всегда вижу его живым.

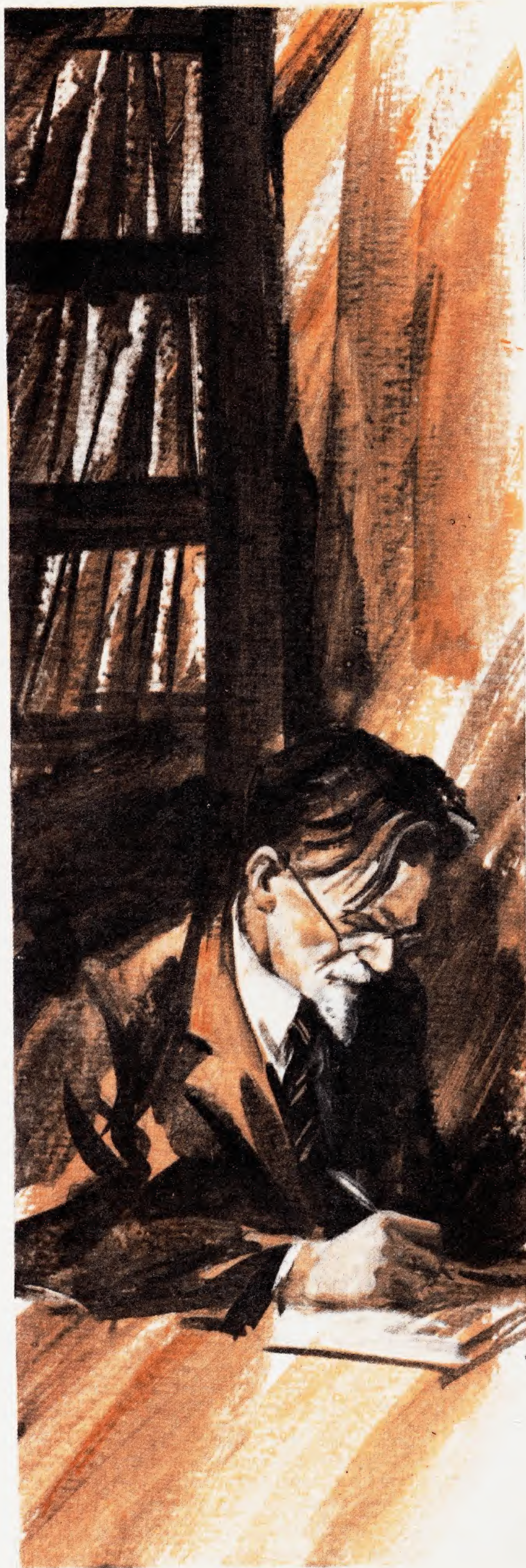
Отец принадлежал к людям, которые умеют выйти за пределы собственной судьбы. Жизнь таких людей не кончается.

Всеми своими помыслами он был устремлен в будущее, а будущее всегда связывается с тем поколением, которое только начинает свой путь. Дружба с ребятами, особое внимание к ним — это проходит красной нитью через всю его жизнь.

Ребята, с которыми он общался, уже давно стали взрослыми. Среди тех, кто прочтет этот журнал, возможно, будут их дети и даже внуки. Но в размышлениях, которыми делился он с детворой, с молодежью, есть много такого, что и сегодня важно.

Обращаясь к юношеству, отец говорил, что людей, лишенных высоких идеалов, можно только жалеть. Личное счастье человека очень хрупкое, оно зависит от тысячи «ковар-

Он принадлежал к тем людям, которые умеют выйти за пределы собственной судьбы.

ных случайностей и бессмысленных капризов судьбы». Он говорил: «Сегодня у меня день неприятностей, я совершенно разбит, упал духом, не знаю, куда деваться. Завтра у меня день удач, я забыл вчерашние невзгоды. Пока человек молод, все это так или иначе уравнивается, но уравнивается в нечто такое, что лишено всякого смысла. В молодости люди еще не ощущают этой пустоты, а когда они становятся взрослыми и постепенно подходят к моим годам, тогда они все больше и больше начинают понимать, что прожили свою жизнь впустую. Такие люди не знают подлинной радости жизни.

Другое дело — человек, жизнь которого озарена высокими идеалами, который поставил перед собой высокую цель...

...Только тот человек, по моему мнению, может быть счастлив, который ставит перед собой большие цели и борется за них всеми своими силами, хотя бы у него и были средние человеческие способности».

Коммунистическую идейность он понимал как высокую нравственность, как любовь и уважение к человеку: «Человек должен любить людей».

Ценил умение самостоятельно мыслить.

На встрече со старшеклассниками он говорил: «С этой трибуны сегодня выступали отличники учебы. Я должен сказать вам, товарищи отличники, что вы говорите хорошо, красиво, но — простите за откровенность — совсем неоригинально... Речь ваша построена грамотно, придраться в ней абсолютно не к чему... Но такая речь никого не взбудоражит... А лучше всего доходит речь, которая задевает за живое, вызывает одобрение или возражение. Это первый признак того, что оратор имеет какую-то самостоятельную живую мысль».

Недаром из всех школьных предметов самыми важными отец считал математику и русский язык: математика развивает мышление, знание языка помогает выражать свои мысли. На этом основано изучение и всех остальных предметов.

Не меньшее значение он придавал физической подготовке, воспитанию силы, ловкости, смелости, способности к физическому труду. Он ставил ребятам в пример Суворова, который рос слабым ребенком, но сумел так себя закалить, что стал одним из выносливейших людей своего времени.

Итак, человек, любящий людей, устремленный к большой цели, человек мыслящий, знающий и при этом физически крепкий, готовый к любому труду и к любым испытаниям,— вот человек, о котором мечтал отец.

Быть таким — значит быть счастливым.

Этого и хочется пожелать вам, ребята!

Литературная запись Ю. КАПУСТО.

УЧЕНИЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

Пишем сочинение

С. ГУРЕВИЧ,
заслуженный учитель школы РСФСР

«Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело»,—гласит народная мудрость. Сколько бы вы ни знали и ни умели, если вы не можете поделиться с другими, то зачем вам все это? Умение писать и говорить само не приходит. Ему учатся сначала в школе, а потом всю жизнь.

В школе вы пишете сочинения. Обычно вам предлагают несколько тем. Какую выбрать? Ту, которая вам ближе: больше нравится, по которой вы лучше знакомы с материалом, знаете, где достать дополнительные сведения.

Вас попросили рассказать о своем дне. Еще Горький советовал: «Взять, например, свой собственный день и рассказать о нем, о его наполнении жизнью. Человек проснулся, посмотрел в окошко, что-то увидел,— что же из этого последовало, какие явились мысли? Вот он куда-то пошел,— что видел на дороге, с кем встретился, о чем говорил? Что вообще дал ему день, чем обогатил его?»

Подумайте, чем заполнен ваш день? Что делали вы на уроках? Что принесли вам перемены? Как вы готовили домашнее задание? Что читали, видели, слышали? С кем встречались, о чем говорили и думали?

Или вы пишете сочинение «Мой любимый писатель». Сначала задайте себе вопросы: есть ли у вас любимый писатель? За что вы его любите? Что читали о нем? Делали ли выписки из его произведений? И только потом беритесь за эту тему.

Перед вами репродукция картины И. Е. Репина «Бурлаки». Сможете вы интересно рассказать о ней? Да, если знаете многое о художнике, понимаете, как к нему относитесь, читали его книгу «Далекое — близкое», помните стихи Некрасова, слышали бурлацкие песни.

А если одного из всех перечисленных слагаемых нет, значит, писать нельзя? Можно. Но если нет ни одного из слагаемых, берите другую тему.

На этих страницах рисунки художника Василия Дмитриевича Кардовского, сделанные для спектакля «Ревизор» в Малом театре в 1922 году. Вернее, это не рисунки, а эскизы костюмов, но посмотри, как точны и глубоки образы, созданные художником.

Мы показываем тебе только шесть рисунков из полной галереи действующих лиц «Ревизора». А есть еще и эскизы декораций к спектаклю, воссоздающие точную обстановку того времени. Посмотришь такие рисунки, и словно раздвинутся страницы пьесы — ты войдешь в захолустный, замшелый мир провинции, показанной Гоголем. Непременно постарайся перед сочинением пойти в библиотеку и посмотреть разные издания с иллюстрациями. Художники помогут тебе представить ярче и полнее далекий мир гоголевских, тургеневских, чеховских времен. Не пожалей лишний час — тебе легче и интереснее будет писать сочинение.

Давайте теперь попробуем составить план сочинения на тему «Люди и нравы уездного города» (по комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»).

I. Когда и как узнал Н. В. Гоголь жизнь заштатных городов?

II. Люди и нравы.

1. Городничий — хозяин города.
2. Суд.
3. Почта.
4. Просвещение.
5. Богоугодные заведения.
6. Чиновники.
7. Дамы и помещики.
8. Купцы.
9. Полиция.

III. Значение комедии Гоголя.

Каждый из пунктов плана можно выразить иначе. Например, шестой пункт: «Общие и индивидуальные черты чиновников». Можно ввести и другие пункты, помогающие полнее раскрыть тему. Допустим: «Каким увидел город Хлестаков?», «Чего испу-

гались чиновники?» Наконец, можно изменить последовательность пунктов.

Составив план, необходимо подготовить цитаты, которые могут понадобиться для раскрытия каждого его пункта. После цитаты обязательно нужно указать, откуда она взята. Пользоваться цитатами только для подтверждения своих мыслей.

Начинать сочинение можно со своих впечатлений от первого чтения комедии, просмотра спектакля или кинофильма, сопоставления иллюстраций Боклевского, Константиновского, Коровина. Можно кратко изложить историю создания комедии.

О том, как составлял план сочинения, а потом работал с этим планом, прежде чем писать сочинение, Владимир Ульянов, рассказывает его младший брат Дмитрий: «Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь... Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения, с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу: смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее, теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение».

Блестящие образцы плана — названия глав в прозе Пушкина, Тургенева, Толстого. Над этими планами — названиями глав писатели работали долго, переделывали их много раз, искали точное выражение содержания того или иного куска повести или романа.

Но вот вы начинаете писать сочинение.

Вы описываете внешность человека. Вспомните лучшие портреты кисти Крамского, Нестерова, Корина. В них все: выражение лица, поза, движение рук — раскрывает характер человека. Вчитайтесь в портретные зарисовки в произведениях Тургенева, Толстого, Чехова, Шолохова. Как полно раскрывают они внутренний мир человека, отношение к нему писателя.

Еще Пушкин издевался над тем, как мало дает подробный перечень признаков для опознания человека. Вот смотрите: «Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев: «...От роду 23 **года, роста** среднего, **лицом** чист, **бороду** бреет, **глаза** имеет карие, **волосы** русые, **нос** прямой. **Приметы особые:** таковых не оказалось». А тот, кого искали, Дубровский, «спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику». Значит, необходим тщательный отбор деталей, характерных штрихов.

Вот как работает над портретом Катюши Масловой Лев Толстой. В черновике он описывает лоб, нос, рот, губы, щеки, брови, ресницы героини «Воскресения». В окончательном тексте оставляет только глаза, волосы, цвет лица.

Ему долго не давались глаза. Они бесконечно изменялись: «прекрасные черные», «очень черные красивые», «агатовые», «черные блестящие», «подпухшие», «необыкновенно ярко черные», «черные», «узкие подпухшие и очень черные», «черные заплывшие агатовые», «несколько подпухшие и очень черные», «черные заплывшие агатовые», «глаза немного косили», «очень черные блестящие глаза, из которых один косил немного», «глянцевитые черные, улыбающиеся»...

Описание волос тоже не далось сразу: «вьющиеся черные», «черные», «темные», «черные курчавящиеся», «очень черные».

Мучительно долго искал Толстой и цвет лица: «желтое нездоровое», «чрезвычайно бело», «особенно румяно», «необыкновенно бело, как бывают белы люди, живущие в тюрьмах без солнца», «желтая пухлая белизна», «желтовато-бело, как бывают белы ростки картофеля, проросшего в погребе, и руки и лица людей, живущих в тюрьмах без солнца», «неестественно белое», «болезненная бледность», «чрезвычайно белое, как бывают белы лица людей, проведших долгое время взаперти», «неестественная белизна и бледность».

В окончательном тексте получилось так: «очень черные блестящие, несколько подпухшие, но очень оживленные глаза, из которых один косил немного, вьющиеся черные волосы и лицо той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, проведших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале».

Чтобы раскрыть характер человека, надо показать его в действии, в поступках.

Есть темы, которые требуют длительных и тщательных наблюдений. Советую вам записывать впрок свои наблюдения за природой. Какие сегодня облака, какой цвет неба, каким был дождь, снегопад, ветер? Летом записывайте звуки и запахи леса, описывайте форму и цвет ягод и цветов, голоса птиц — все, что попадает в поле вашего зрения. Вот как делал такие «заготовки» Лев Толстой:

«14 апреля. Вечер. Низкие, темные несплошные, разорванные на заре тучи. Тихо, глухо, сыро, тепло, пахуче-лиловатый оттенок... Скотина лохматая, из-под зимних лохмотьев светятся полянки перелинявших мест...

Лист на березе во весь рост, как платочек мягкий. Голубые пригорки незабудок, желтые поля свергибуса, пчела серо-черная гудит и вьется и впивается. Лопухи крапивы, рожь в трубку, лезет по часам. Примрозы желтые. На острых травках, на кончиках радуги в росе. Пашут под гречку. Черно, странно. Бабы треплют пеньку и стелют серые холсты. Песни соловьев, кукушки и баб по вечерам. Дороги не накатаны еще...».

Привычка наблюдать утончает наше ощущение красоты, проясняет взаимосвязь явлений в природе. Но перечень деталей — еще не пейзаж. Вспомните картины Левитана и Шишкина. Они волнуют нас, потому что нам передается настроение художника. Очень важно передать свое настроение.

О чем бы вы ни писали — о людях, о природе, о событиях, о самих себе — всюду необходимо выразить свое отношение к тому, о чем вы рассказываете, найти свой угол зрения, свои слова. В сочинениях ваших радует «лица необщее выражение», когда вы что-то видите, слышите и понимаете по-своему. Убивают сочинение всякие «красивости»: «глаза, опушенные длинными ресницами», «нежный девичий взгляд». Бойтесь излишних подробностей, стандартных фраз. Плохо, когда все сочинения в классе кончаются одной и той же фразой: «Усталые, но довольные мы вернулись домой». И уж совсем страшно, когда высокие слова растрачивают на пустяки: «Миша — настоящий человек, верный и преданный друг: когда я запнулся, он вовремя подсказал...» Любителям напыщенных и трескучих фраз хочется напомнить слова Пушкина: «...Что сказать об наших писателях, которые почитая за низость изъяснять просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут: «дружба», не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень...» Должно бы сказать «рано поутру», а они пишут: «Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба»... Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: «Сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой, да поставь: «Это молодая, хорошая актриса...» и продолжай,— будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет. Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Почаще вспоминайте эту мысль и следуйте ей: ведь вы пишете прозой...

Новости с Меркурия

Меркурий... Ты, наверное, знаешь, что эта маленькая планета расположена почти в самом центре Солнечной системы — рядом с вечно пылающим Солнцем.

Представь себе: солнечная громада и под боком у нее крохотный Меркурий, в тысячи раз меньше нашего светила. Казалось бы, солнечное притяжение должно просто содрать с Меркурия его атмосферу, а солнечный жар, в котором миллионы лет «обогревается» планета,— испепелить газовое покрывало!

Но, оказывается, есть у Меркурия атмосфера! Планета удерживает довольно толстый слой газов.

Как же это удалось установить? Меркурий ведь очень трудно наблюдать: планета не видна в лучах Солнца. Но астрономы знают: раз в семь лет с Земли можно наблюдать, как Меркурий проходит по солнечному диску. 10 ноября 1973 года был как раз такой день. Его ждал и к нему готовился известный советский астроном Н. А. Козырев. Утро 10 ноября застало его у телескопа Крымской обсерватории.

— 10 ноября 1973 года в Крыму был исключительно благоприятный день для наблюдений. Стояла прекрасная погода. Солнце было достаточно высоко над горизонтом. Все это обеспечивало наблюдения, продолжавшиеся более пяти часов. На одной из спектрограмм, составленных мною с помощью телескопа, отчетливо зафиксированы признаки светящегося ободка,— рассказывал ученый журналистам.

Ободок — это доказательство существования атмосферы. Если она есть на планете, то солнечные лучи преломляются в ней, и в момент входа планеты на диск Солнца на краю ее появляется светящийся ободок.

Двести лет назад М. В. Ломоносов подобным образом обнаружил атмосферу на Венере.

Измерения яркости ободка позволили установить, что высота меркурианской атмосферы около 600 километров. Удержаться такая высокая атмосфера может только потому, что состоит она из очень легкого газа, скорее всего водорода. Это доказано изучением спектра ободка Меркурия — отчетливо видны широкие линии поглощения водорода.

Конечно, многое еще неясно — изучение атмосферы Меркурия только начинается...

Идет второе десятилетие освоения космоса...

Советская страна посылает к звездам, в космические полеты своих отважных и мужественных сыновей.

Сложные приборы и установки, ответственнейшие научные задания были поручены и экипажу «Союза-13» — славным воспитанникам комсомола, космонавтам П. И. Климуку и В. В. Лебедеву. Весной этого года отважные космонавты были избраны делегатами XVII съезда ВЛКСМ.

Что мешает астрономам?

Издавна астрономы мечтают поднять свои телескопы выше земной атмосферы, туда, где практически нет воздуха. Чем же так досаждает ученым наша атмосфера?

Как ни чист и прозрачен воздух, астрономы от него вовсе не в восторге. Если надо поймать слабенький лучик далекой звезды, даже малая примесь пыли оказывается губительной. Иное дело в космосе, над атмосферой. По словам космонавтов, как бы пелена там спадает с глаз — так много звезд в черном небе!

Мешает наблюдениям и то, что на Земле все звезды... мерцают. Виноват в этом опять-таки воздух. Даже когда он кажется совершенно спокойным, в нем все же возникают струйки и завихрения. И это дрожание — нож острый для астрономов. Из-за него нечетким и размытым кажется все, что видно в телескоп.

«Ультрафиолетовая Вселенная»

Однако это еще не все. С точки зрения астрономов, у атмосферы есть еще один серьезный недостаток. Оказывается, она пропускает далеко не все виды излучения, которое рождается на небесных телах и пронизывает все космическое пространство.

А ведь это излучение — единственный источник информации для нас! По его характеру ученые судят о строении чебесных тел, их истории и развитии.

В глубинах космоса, на далеких звездах рождаются электромагнитные волны. Науке известен сейчас весь спектр электромагнитного излучения — от самых коротких до самых длинных. Меньше стомиллионной доли сантиметра длина волны у гамма-лучей, чуть больше у рентгеновых лучей, еще больше у ультрафиолетовых, у лучей видимого света, у инфракрасных и, наконец, у радиоволн. Здесь длина волны от нескольких сантиметров до нескольких километров!

Если бы все излучение достигало телескопа, как много оно рассказало бы ученому! Но астрономам приходится довольствоваться лишь малой долей всей информации, идущей от звезды. Через земную атмосферу проходят **только волны видимого света и радиоволны.**

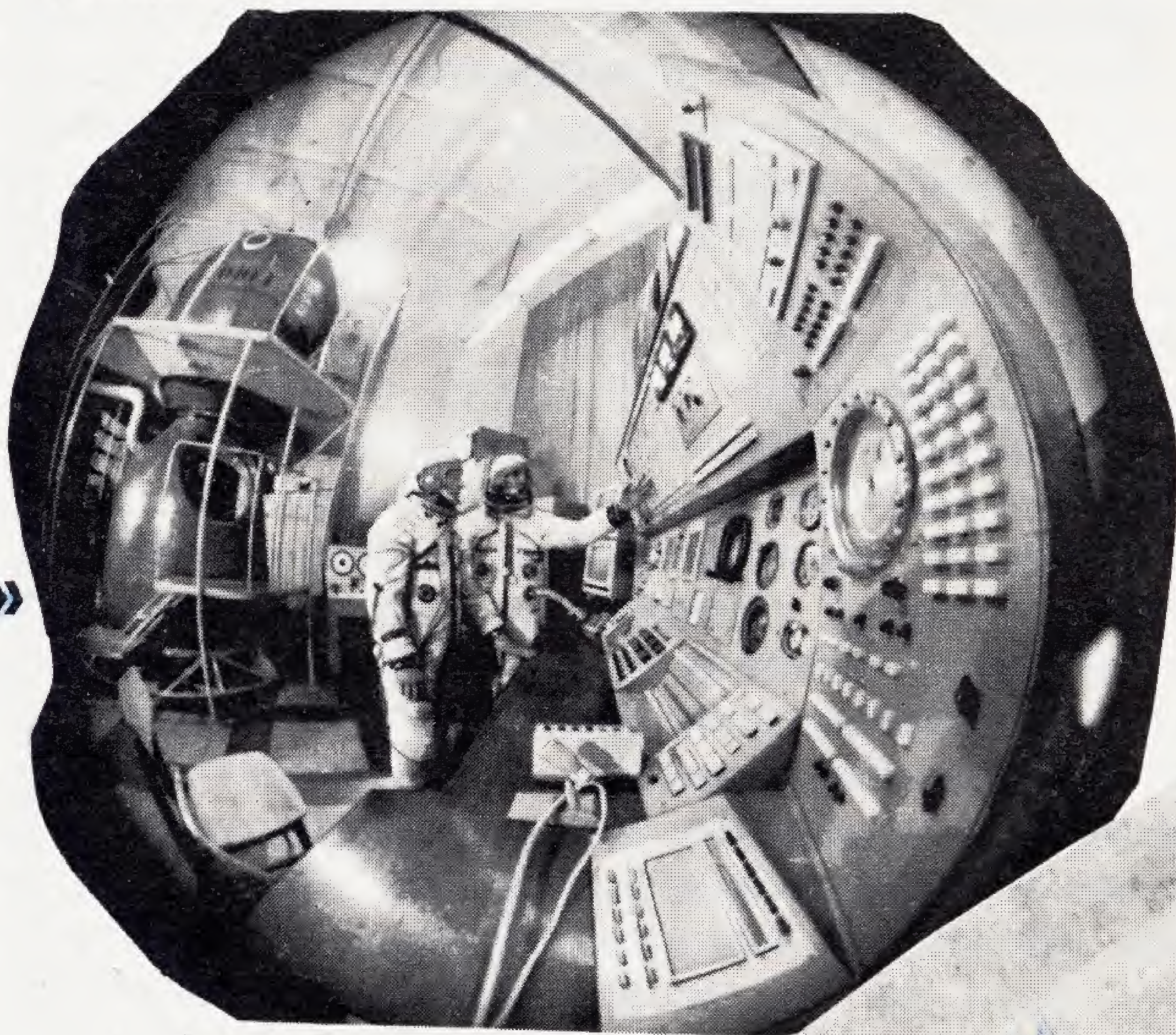
Какая все же обида! Многие годы мчится в космосе излучение от какой-нибудь звезды, несет с собой ценнейшую информацию о ней, пробегает триллионы километров и уже у самой цели, почти перед телескопом, гибнет, поглощается атмосферой! Астрофизики так и не получают долгожданной информации. Разве не ясно теперь, как важно, чтобы телескоп оказался вне атмосферы?

И вот телескоп на космическом корабле. Первыми в 1971 году принимали «звездную» информацию космонавты орбитальной станции «Салют».

На «Союзе-13» телескоп был особенный, работающий в ультрафиолетовом диапазоне волн. Что это значит?

Ультрафиолетовое излучение может много поведать астрофизику о Вселенной. Оно приходит нередко от «молодых» и потому особенно горячих звезд и несет в себе разгад-

В Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Космонавты-«астрономы», командир корабля П. И. Климук (слева) и бортинженер В. В. Лебедев на тренировке.

Телескоп

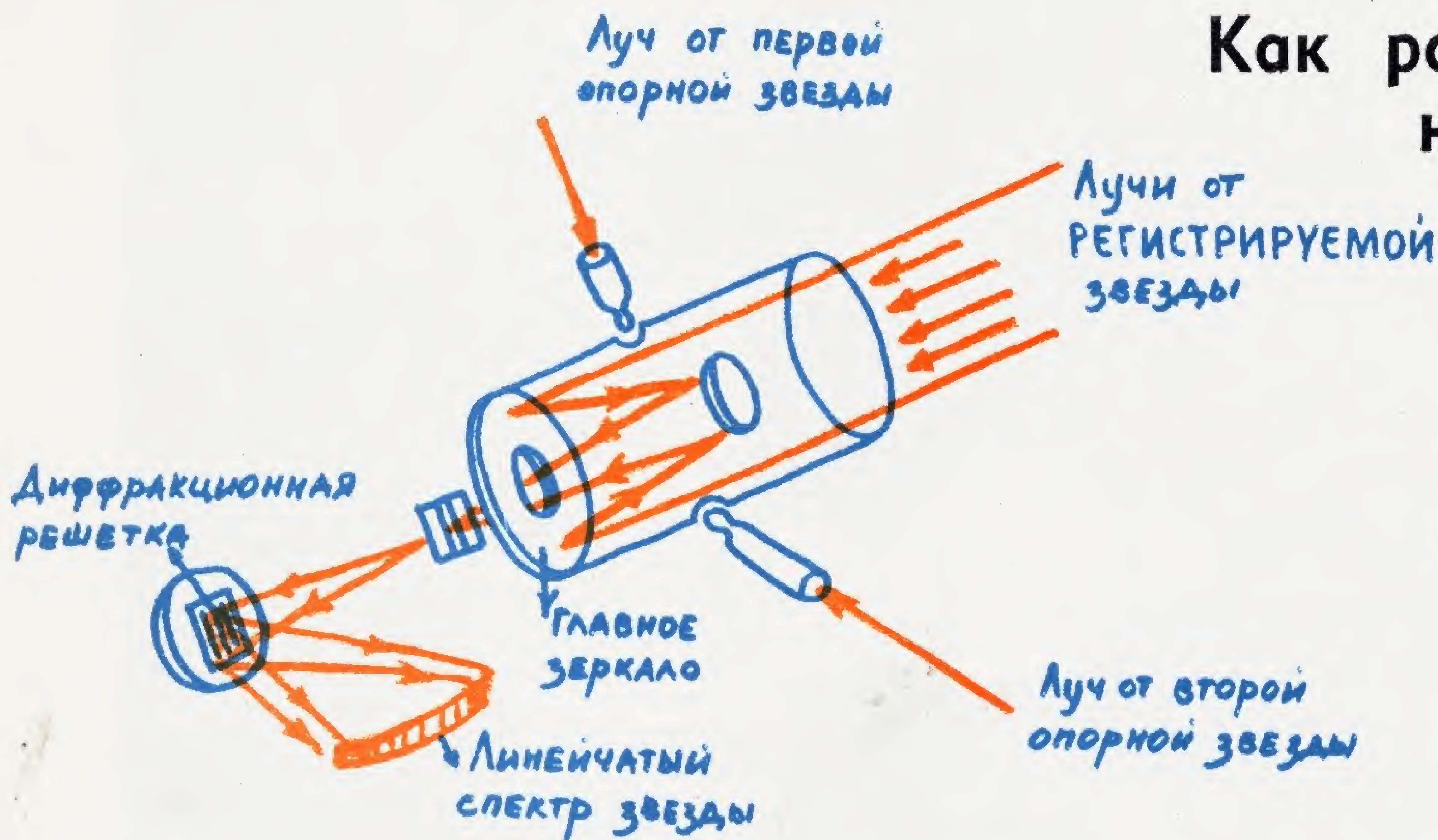
Рисунки А. ГРИШИНА.

ку их тайн. Может рассказать оно и о многих других загадочных процессах во Вселенной, связанных с выделением большого количества энергии.

Зеркало такого телескопа изготовлено из специального стекла или кварца. Обычное стекло ультрафиолетовых лучей не пропускает. Как известно, сидя в комнате у закрытого окна, даже под палящими лучами солнца, не загоришь. И наш глаз этих лучей не видит, но зато их «видит» фотопластинка! Серия фотоснимков создает портрет «ультрафиолетовой Вселенной». Оказывается, она не похожа на видимую!

Космонавты «Союза-13», конечно, не смотрели в свой телескоп на звезды — они фотографировали их ультрафиолетовый спектр. О том, что с помощью стеклянной призмы луч солнечного света можно разложить на составляющие его цвета и получить разноцветный спектр, знают все. Но для ученых важно, что спектр света от звезды может быть линейчатым: в нем есть узкие светлые и темные полоски. Атомы и молекулы звездного вещества обладают как бы собственными паспортами — полосками в спектре.

Фотопленка в фокусе такого телескопа запечатлевает ультрафиолетовый спектр излучения далекой звезды. Много сведений о звезде сообщит он астрофизику — о ее химическом составе, температуре и даже о скорости ее движения!

Телескоп движется по орбите — легко ли ему не упустить свою звезду! Помогают другие светила — по двум опорным звездам телескоп так ориентируют в пространстве, что он постоянно смотрит на ту звезду, чей спектр фотографируется.

Теперь, как бы ни раскачивался корабль, где бы он ни находился на орбите, телескоп всегда будет направлен на «свою» звезду.

Как работали космонавты на «Союзе-13»

Для корабля «Союз-13» ученые и инженеры сконструировали установку «Орион-2». Это телескоп с очень сложными оптическими, электронными и механическими устройствами. Весь комплекс в герметичной оболочке был укреплен вне кабины корабля, в открытом космосе. Управление установкой космонавты вели из корабля. Так действовала обсерватория на орбите.

Основной прибор установки — звездный телескоп.

Как работали с ним космонавты? Взгляни на рисунок. Командир корабля ориентировал «Союз-13» так, чтобы оптическая ось неподвижного телескопа была направлена в сторону яркой опорной звезды. Затем бортинженер с помощью оптического визира более точно наводил телескоп на опорную звезду, разворачивая телескоп относительно корпуса корабля.

Все остальное происходило автоматически: первый звездный датчик «захватывал» одну опорную звезду, второй датчик — другую, отстоящую далеко от первой. Как бы теперь ни раскачивался корабль, где бы ни находился он на орбите, автоматическая система постоянно нацеливала датчики на обе опорные звезды. Значит, и телескоп смотрел на ту область звездного неба, где находятся звезды, спектр которых регистрировался.

Космонавты так настойчиво и упорно тренировались перед полетом, что знали звездное небо наизусть и на корабле работали даже без звездных карт. Поиск первой опорной звезды отнимал всего 10—20 секунд. И затем по девять часов в сутки космонавты работали с «Орионом». По оценке ученых, их труд был четким, уверенным.

А ведь у космонавтов немало было и других исследований, заданий и забот. Героический труд космонавтов — всегда труд крайне напряженный и творческий.

К. ГИЛЬЗИН,
кандидат технических наук.

КОСМОЛЕТ СТАРТУЕТ ИЗ... ЯЛТЫ

Рисунки И. КРАСУЛИНА

Странный заголовок, верно? Что это: выдумка? Правда? Пожалуй, половина на половину. Потому что действительно из Москвы и из Ялты (там проводились съемки) на всесоюзный экран стартует новый приключенческий цветной фильм «Удивительные космические приключения».

Участие в постановке этого фильма принимал старый знакомый «Пионера» Игорь Красулин. В фильме он «исполнял роль» главного художника по костюмам. Мы попросили Игоря прокомментировать фотографии, которые вы видите на этом развороте. Вот что он рассказал:

Космолет огромен. Сейчас ребята в «комнате-сюрпризе»: хочешь — попадешь домой, к себе в квартиру, хочешь — на берег моря. Но кто-то нечаянно нажал сразу три клавиши, и вдруг... Едва-едва удалось сладить!

Погодите, а кто этот парень с такой симпатичной и... нагловатой физиономией? Это первый в мире космический заяц! Тайно пробрался он на корабль и теперь летит вместе со всеми...

Все предыдущие фотографии относятся к первой серии фильма, которая выходит

— Звездолет стартовал, планета Земля осталась «далеко внизу». Однако наши герои еще не вполне освоились с коварными шутками невесомости... Вы скажете: «Но ведь это только съемочная площадка, как же удалось достигнуть невесомости в нашей земной «весомости»? Вот на этот вопрос я, к сожалению, не могу ответить: секрет...

Зато я могу подробно рассказать о костюмах, в которые одеты наши герои. Они почти настоящие, недаром главным научным консультантом по костюмам был сам Г. Т. Береговой. Сделаны эти космические комбинезоны из металлизированного нейлона. В них можно смотреться как в зеркало, они отлично отражают солнечные лучи (создают внутри микроклимат). А эти высокие ботинки тоже не простые — они с магнитными присосками. На груди у космонавтов смыслоуловитель — переводит с любого языка Вселенной (вот бы такую штуку к нам на урок английского, да?).

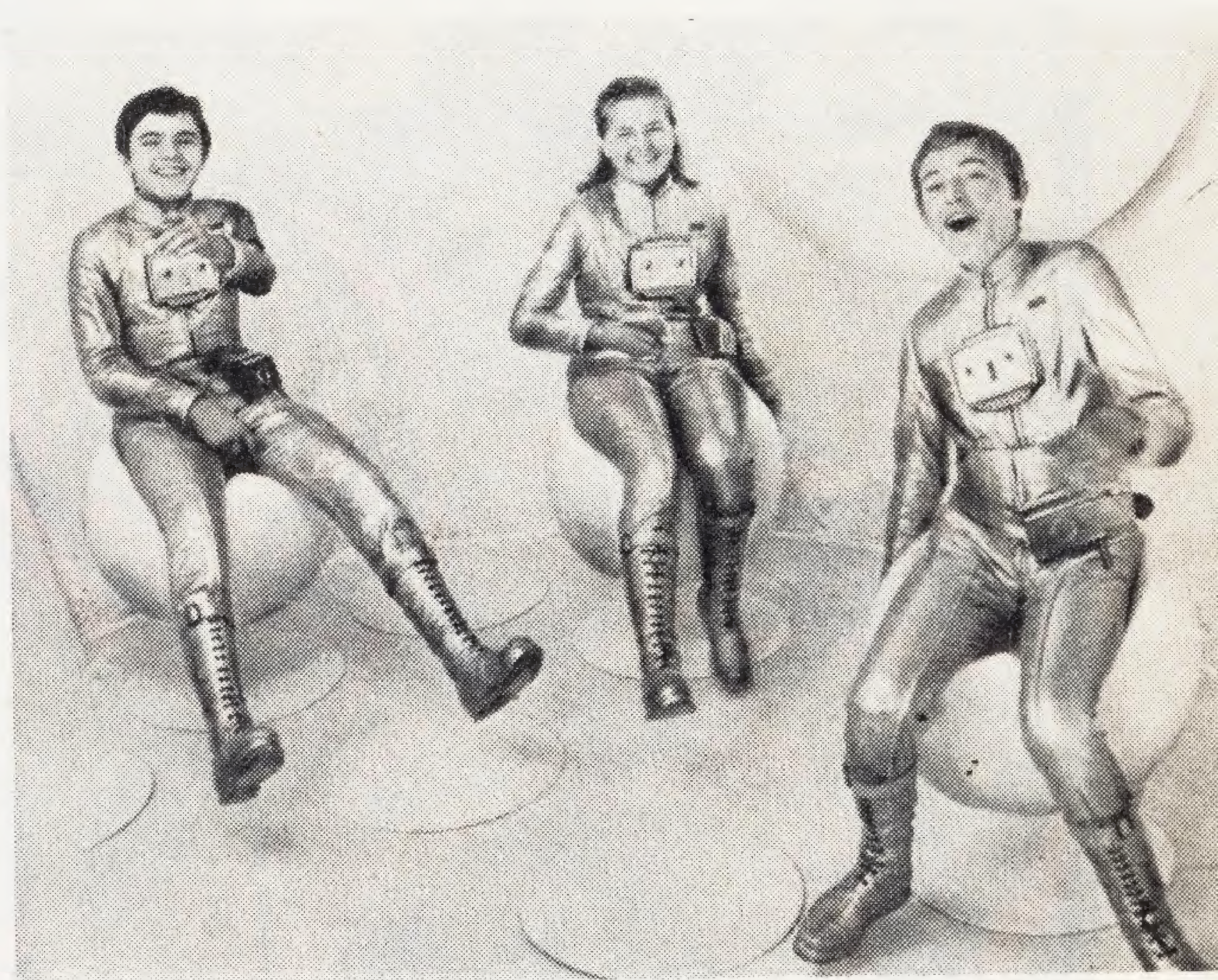

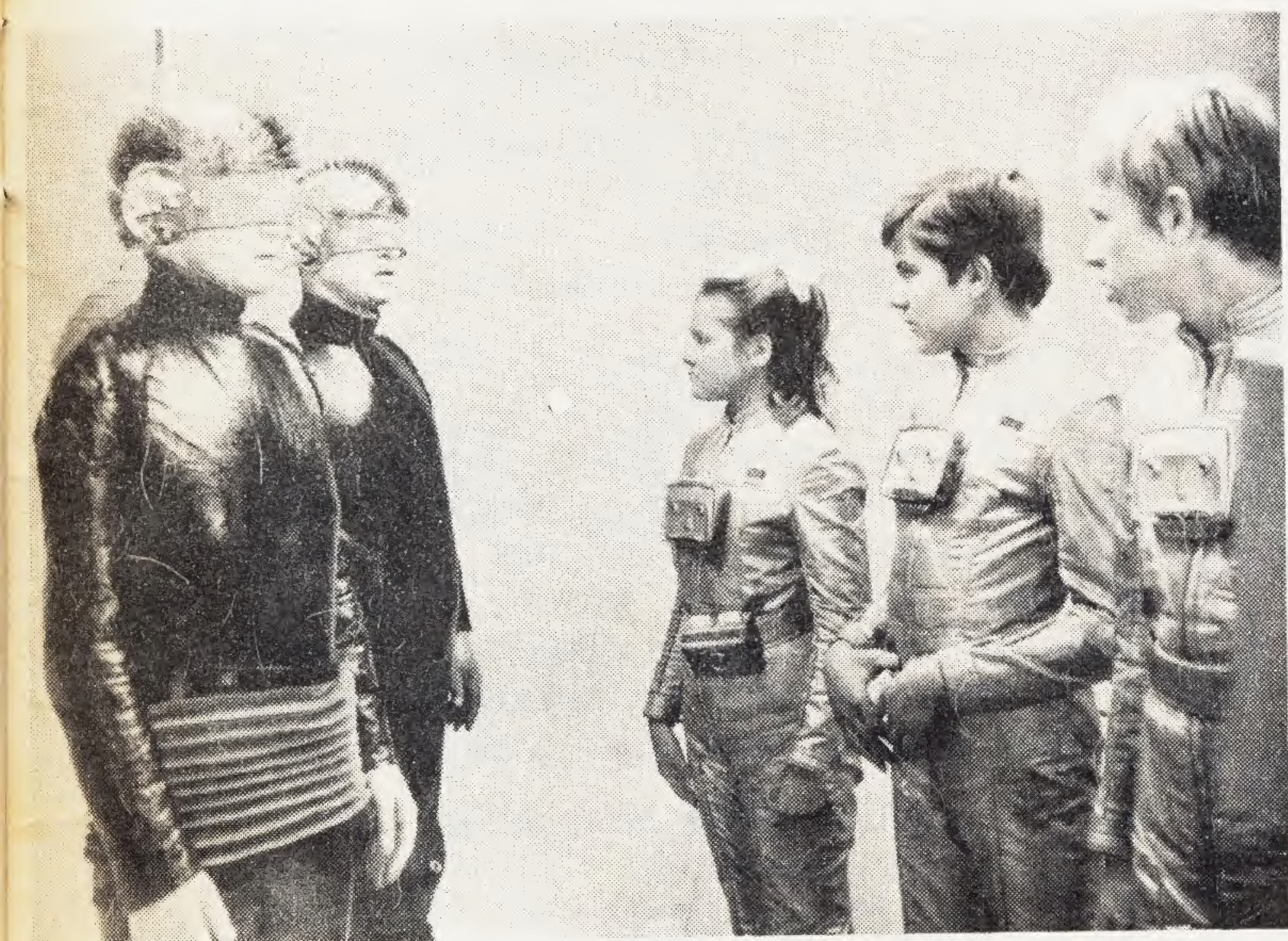
сейчас на экраны. А вот здесь вы видите, как снимают вторую серию. Так что я открываю глубокую кинематографическую тайну!..

Наш звездолет приближается к таинственной планете. Биороботы ждут гостей. Вокруг них хлопочут... вполне земные гримеры. А что это за странные сапоги-гармошки? С их помощью робот может «вырасти» на любую высоту. А что это за ежики на голове? Это стальные волосы-антенны. Вес их — более трех килограммов. Актеры Надежда Семенцова и Николай Погодин не раз вздыхали про себя: «Тяжела ты, шапка биоробота!» Поздней осенью в Ялте прохладно, И наши роботы сидят, накинув на плечи вполне обычные овчинные душегрейки.

А этот цветущий сад не сад вовсе, а одно из помещений звездолета. Космонавты принимают у себя разумных обитателей

планеты... случайно оставшихся в живых. Ведь власть на планете захватили взбунтовавшиеся роботы. Положение серьезное. Но будем надеяться, что все кончится хорошо!

Александр ЖАРОВ

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Александру Алексеевичу ЖАРОВУ, поэту комсомолии, исполняется 70 лет. Мы поздравляем поэта.

Комсомолец двадцатых годов, делегат III съезда РКСМ, слушавший В. И. Ленина, Александр Алексеевич через всю жизнь пронес в своем горячем сердце комсомольский задор, он всегда был с комсомолом.

Сегодня он рассказывает, как написал он свою самую первую пионерскую песню, которую поете и вы, «Взвейтесь кострами».

Это была моя самая первая, самая неожиданная и самая трудная песня.

В 1922 году я, восемнадцатилетний секретарь отдела печати ЦК РКСМ, заместитель редактора журнала «Юный коммунист», был уже начинающим поэтом. И вот однажды меня пригласили на совещание в ЦК комсомола, где шел деловой разговор о создании пионерской организации. Когда были обсуждены вопросы о пионерских отрядах, о летних пионерских лагерях, о задачах юных ленинцев, Надежда Константиновна Крупская, присутствовавшая там, сказала:

— Такое дело нельзя без песни начинать. Позаботьтесь, товарищи, чтобы у первых пионеров своя песня была. Своя, советская!

Все, конечно, согласились: нужна ребятам боевая, маршевая песня. Вот только кто напишет ее? И тут председательствующий посмотрел на меня и сказал:

— А написать эту песню мы поручим Саше Жарову. Торопить не будем, дадим ему двухнедельный срок... Так и запишем в протоколе.

Это заявление меня совершенно ошеломило. Был я еще совсем неопытным поэтом, а песен и вовсе не писал никогда. В большом смятении пошел я за советом к своему старшему товарищу, бывшему комиссару чапаевской дивизии Дмитрию Фурманову. Жалуюсь ему:

— Безвыходное положение! Пойдем, как-нибудь поможешь мне отказаться от этого невыполнимого поручения.

— У коммунистов не бывает безвыходного положения,— рассердился Фурманов.— А ты — поэт. Кому же, как не тебе, сочинять первую пионерскую песню?!

Делать было нечего: через две недели я должен был принести готовую песню. Самым невероятным казалось найти музыку, к которой подошли бы слова будущего марша.

И вот со своими друзьями братьями Брюхановыми, Андреем и Артемием, стал я ходить по концертам, операм и музыкальным театрам. На оперу Гуно «Фауст» пошли даже во второй раз, потому что музыка знаменитого «Марша солдат» из нее показалась всем троим подходящей. Оперный хор пел:

Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!

Я слушал задорную музыку и представлял себе красные галстуки пионеров, жаркие костры, вокруг которых соберутся мальчишки и девчонки. Ночью мне приснились поющие пионеры, костры, галстуки, а вместе с ними — «башни с зубцами» из «Фауста». А наутро я уже сочинял. Вспоминаю начало марша, и сами приходят слова:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.

Все остальное писалось уже легче. Так и родилась песня.

Правда, точной мелодии у нее не было, все пели, по-своему упрощая музыку Гуно. И, чтобы как-то привести это в порядок, попросили мы одного нашего товарища, Сергея Дешкина, ученика музыкального техникума, помочь нам. Мы ему спели, а он записал на нотную бумагу все, как полагается в песне. Так он и стал композитором песни «Взвейтесь кострами». Некоторое время Андрей, Артемий, я и Сережа Дешкин ездили по первым пионерским отрядам и помогали разучивать песню.

Первый костер, на котором была спета песня «Взвейтесь кострами», состоялся в Москве, в Сокольниках. Песня исполнялась специально организованным детским хором, а припев подхватили все присутствовавшие, маленькие и взрослые.

С тех пор я написал много песен, у каждой из них своя история и судьба, но ни одна из них не дорога мне так, как та, первая, написанная с помощью товарищей моей юности и великого композитора Гуно.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Взвейтесь кострами

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом...
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело — за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

ТРЕХЛЕТКА ГТО

Мальчишкой, помнится, я знал все или почти все. О чем пишут обычно в книжках и журналах, тоже, конечно знал. Проще простого — надо быть честным, трудолюбивым, смелым. Я не любил читать о том, каким надо быть, и выискивал книги, где сразу виден герой, смелый и отчаянный, в решительном деле, а не в ожидании дела.

В глубокой тайне от всех я, лежа в постели, мечтал: будь в нашем городе не маленький, а большой трамплин для прыжков на лыжах, я прыгнул бы далеко-далеко, а если бы попал в тыл противника, раздобыл бы самые секретные сведения из-под десяти замков...

Я предлагаю вместе со мной пойти в разведку. Куда? В тыл. В тыл к ребятам, которые уже сейчас готовятся бить рекорды в спорте, к вашим возможным соперникам на беговых дорожках, в бассейне и тире.

Только прошу соблюдать полную секретность!..

Итак, в разведку. В тыл к ребятам молдавского села Пересечино.

Операция «Пересечинские секреты»

Знакомлю с обстановкой. С полей спортивных сражений в районе города Кишинева приходят известия о победах неизвестных ранее пересечинских полков. Ходят упорные слухи, что пересечинцы применяют какое-то новое тактическое оружие, используют новые формы подготовки бойцов к сражениям на огневых спортивных рубежах, к преодолению водных преград. Нам известно, что село Пересечино занимает первое место в районе по количеству значкистов ГТО. Вот данные об одном из пересечинских молодых бойцов: Семен Ляху пробегает шестьдесят метров за семь секунд, прыгает в длину на пять метров пятьдесят сантиметров, а в высоту — на один метр пятьдесят сантиметров. Он награжден за отвагу и решительность золотым орденом ГТО. Сообщают, что вполне возможны еще более поразительные спортивные достижения.

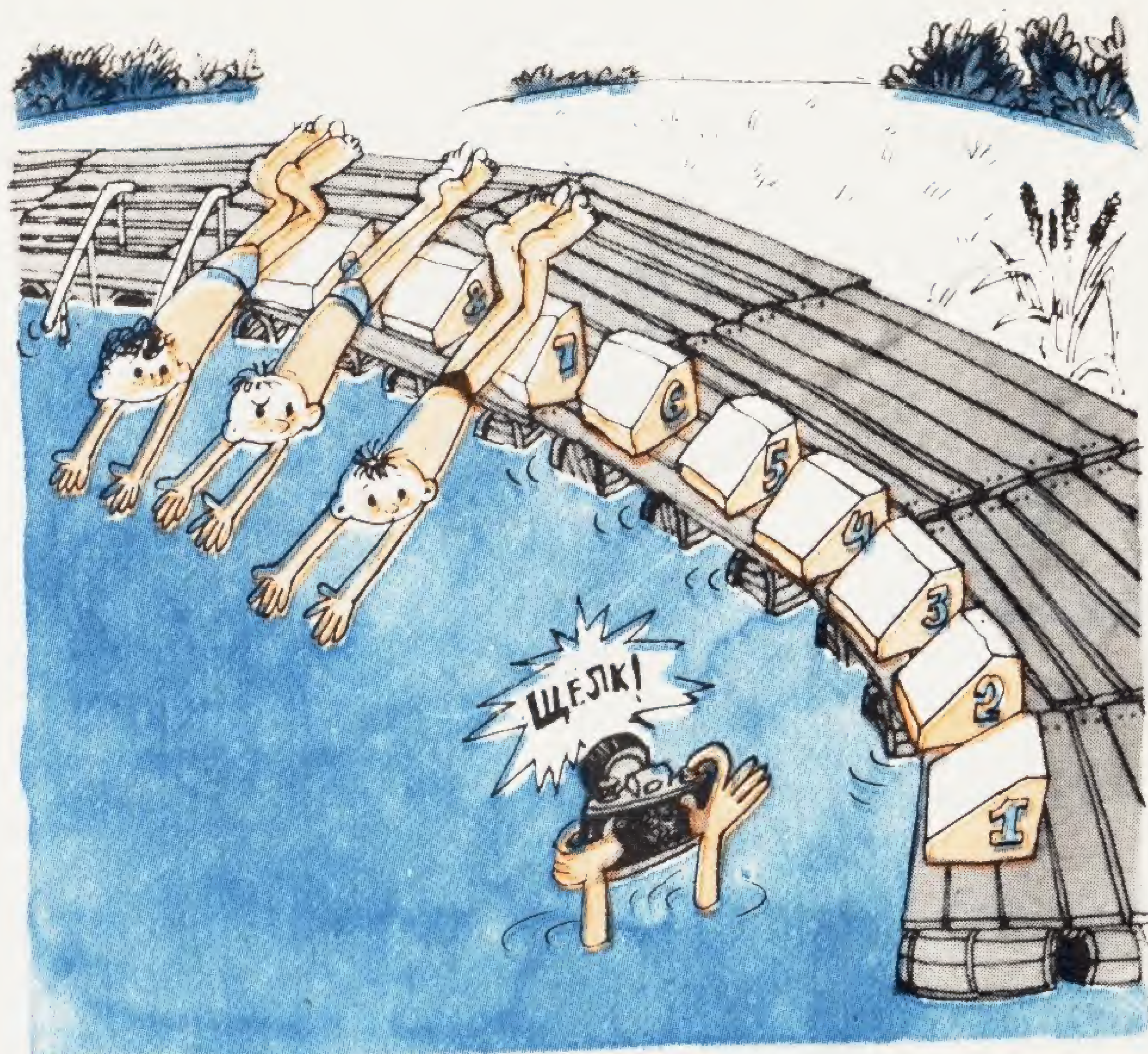
Ставлю задачу. Выяснить условия пересечинцев, раздобыть секретные документы, схемы, чертежи плацдармов. Взять «языка». Наладить тайную связь подразделения с местным населением и лично с директором совхоза Ревазом Калеевичем Ламтадзе. Похоже, именно от него надо распутывать клубок.

Радисту по прибытии десанта связаться с Центром. Задача ясна? Действуйте.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Агенты благополучно десантировались на холмы близ живописного села Пересечино. Только агент № 13 попал на виноградные плантации и долго оттуда не выходил. Появился через час, весь измазанный липким соком, и, подозрительно облизываясь, сказал, что заблудился. Десант замаскировался под туристов и двинулся в сторону села.

1-е донесение. В селе много машин и мотоциклов. Над каждым домом телевизионные антенны. Школа каменная. Рядом стадион. Недалеко от школы пруд. Похоже, что строится бассейн. Рядом в песчаном карьере тир. На десант не обращают внимания. Центр, прием, прием...

Указание Центра. Распределить агентов по точкам: школа, совхоз, стадион. На мелочи не отвлекаться, входить в доверие.

Агенты растворились в селе, как сахар в стакане чая. Агент-1 втерся в доверие к директору совхоза. Агент-2 проник в главный штаб. Несколько агентов добывали «языка». Агент-7 зарисовывал плацдарм. Остальные пытались проникнуть в школу. Только агент-13 опять улизнул куда-то.

Донесение агента-2. В Пересечине создана «Комиссия ГТО». Входят в нее одиннадцать человек. Командует директор школы Степан Иванович Миронов. Это главный штаб. Удалось выяснить, что год назад нормативы ГТО смогли выполнить только двести семьдесят два ученика из семисот шестнадцати боеспособных учащихся. Учитель физкультуры Борис Афанасьевич Берко сетовал, что места занятий плохо оборудованы, далеко от школы, к тому же негде плавать и стрелять. И тогда создали «Комиссию ГТО». Она разработала план действий: что нужно построить, как тренироваться, как привлечь к этому всех... Центр, прием, прием.

Указание Центра. Обратите внимание: комплекс ГТО — это не только бег, прыжки, плавание. Важно, что пересечинцы строят, как организуют, что планируют. Раздобыть документы.

Донесение агента-1. Завладел магнитной пленкой с записью разговора годичной давности. Речь идет о совещании в кабинете директора совхоза Р. К. Ламтадзе. Включаю запись:

«— Вы верно сделали, что пришли к нам. Конечно, мы поможем! Что и в какие сроки нужно школе... и нам?

— Директор прав. И взрослым и их детям нужен тир, стадион, бассейн. Материал и обо-

рудование для школьного стадиона совхоз дает. Что можете, сделаете сами. А тир и бассейн комсомольцы на воскресниках будут строить.

— На спортивный инвентарь ежегодно расходуется шестьсот рублей. Какой суммой располагает школа?

— Рублей двести...

— Две трети расходов, выходит, падает на нашу долю? (Пауза.) Что ж, согласен.

Из этого ясно: директор совхоза — одно из главных лиц. Продолжаю наблюдение за ним. Центр, прием, прием...

Донесение агента-2. Обнаружил старый документ «Инженерные расчеты». Сверил с тем, что построено. Все совпадает. Летом прошлого года был готов спортгородок. Высылаю документацию и схемы стрелкового полузакрытого тира и летнего плавательного бассейна. Интересная деталь: стартовые тумбочки в бассейне предложено сделать на плоту — на восьмидесяти пустых бочках... Центр, прием, прием...

Агенты вжились в обстановку. Кажется, уже ничто не должно было волновать Центр — все секретные данные плыли прямо в руки. Но что-то все-таки не давало покоя Центру. И потом куда исчез агент-13?

Указание Центра. Срочно найти агента-13. Он мог заболеть, объевшись виноградом...

Донесение командира десанта. Пересечинские ребята все свободное время проводят на спортивных площадках. Вечно что-то выдумывают, сооружают. Случайно обнаружили агента-13. Он примкнул к пересечинцам. Был вместе с ними на спортивном празднике, потом играл в ручной мяч. Сейчас выпускает фотомонтаж о последних стартах. Центр, прием, прием...

Донесение агента-1. С помощью аппарата «Увасвголове», читающего чужие мысли, выяснил: директор совхоза мечтает о том дне, когда к нему в совхоз придут работать парни, сегодняшние мальчишки, грудь колесом, гренадеры. И на груди у каждого значки ГТО и спортивных разрядов. «Надо же, парни выросли! — обрадуется директор. — Правильно я тогда поступил, что помог школе...» Центр, прием...

Указание Центра. Командир, ваши агенты увлеклись. Рассматривают какие-то рисунки, читают мысли директора. Осторожнее! Срочно взять «языка».

Донесение командира десанта. Взяли «языка». Повезло. Им оказался известный Центру Семен Ляху. Молчит. Ведет себя геройски. Применили аппарат «Увасвголове». Семен думает так: «Если кругом преображается село, почему мы должны играть на плохом стадионе, мы не на Луне живем, по асфальту в школу ходим, видим, как лучше...» Семен — всесторонний спортсмен: и легкой атлетикой занимается,

и в баскетбол играет, и стреляет хорошо. Летом в ученической производственной бригаде работал, селу помогал, по вечерам — на школьный стадион. Школа и летом работает, потому что ГТО — для всех дело общее, всем интересное. Думаем, что в Центр Семена доставить не удастся. Подозреваем, что наш «язык» сам через несколько лет приедет на крупные соревнования... Центр, прием, прием...

Агенты работают и по ночам. Проникли в школу. Один из них случайно включил магнитофон. Школьное радио громко принялось рассказывать о том, как живут спортсмены школы. Агенты, забыв обо всем на свете, слушали передачу.

Потом они разбрелись по коридорам и классам. Свет их фонариков выхватывал из темноты стенды, плакаты. Агент-8 оторваться не мог от стенда «Уголок ГТО». Агент-9 застрял в музее спорта, через полчаса он узнал столько интересных историй и биографий чемпионов, что ему тут же захотелось совершить что-нибудь необыкновенное. Он побежал в спортзал, прыгал там в темноте через «козла» и кувыркался на брусьях. Агент-10 разложил на полу краски

и на большом листе ватмана стал писать плакат: «Все — на стадион».

Донесение командира десанта. В школу попали легко. Здесь никто и не из чего не делает секретов. ГТО объединяет всех, помогает сплотиться, найти интересное дело. В школе все знают, каковы планы на будущее, что уже сделано. Лучшие спортсмены — на почетной доске. В каждом классе — график сдачи норм ГТО. Отставать ребята не хотят, поэтому на стадионе пусто не бывает. Для каждого возраста своя группа. Дела идут неплохо. На специальном стенде расписаны все секреты «Трехлетки ГТО». Нам очень понравилось. Высылаем рисунки агента-7. Остаемся здесь. Остаемся здесь. Центр, прием, прием...

Указание Центра. Допускаете ошибку! Возвращайтесь. Помогите своим однополчанам подготовиться к спортивным сражениям, как это делают пересечинцы. Не ищите радости на стороне, сделайте интересной жизнь у себя. Может быть, у вас это получится еще лучше, вы же не знаете пока своих возможностей. Недаром говорится: глаза боятся — руки делают. Прием, прием...

Представитель Центра Е. КРЫЛОВ.

Схемы пересечинских плацдармов

На школьном участке можно разместить:
а) четыре стометровые дорожки;
б) полосу препятствий длиной 80 метров;
в) гимнастический городок, в котором предусмотрены: два шеста для лазания, два подвесных каната, гимнастические кольца, вертикальные и наклонные лестницы, три перекладины различной высоты, гимнастическая скамейка, брусья;
г) комбинированную яму для прыжков в длину и высоту;
д) сектор для метания гранаты и теннисного мяча;

е) баскетбольную площадку;
з) поле для ручного мяча;
и) волейбольную площадку.

Пояснения агента-7. Соревнования ГТО проходят как открытые старты школы. Приходит много молодежи, и начинается настоящий праздник. Вместе строили, вместе и соревнуются.

Кстати, на стадионе мне удалось «поймать» Семена Ляху за несколько минут до того, как он станет «языком» наших агентов. Семен разговаривает с учителем физкультуры Борисом Афанасьевичем Берко. Разговор, кажется, идет о том, что надо лучше готовить судей и инструкторов. Сейчас их много, все из старшеклассников. К концу «трехлетки» будет 230 человек.

Планета чудес

Е. ШАБЕЛЬНИК

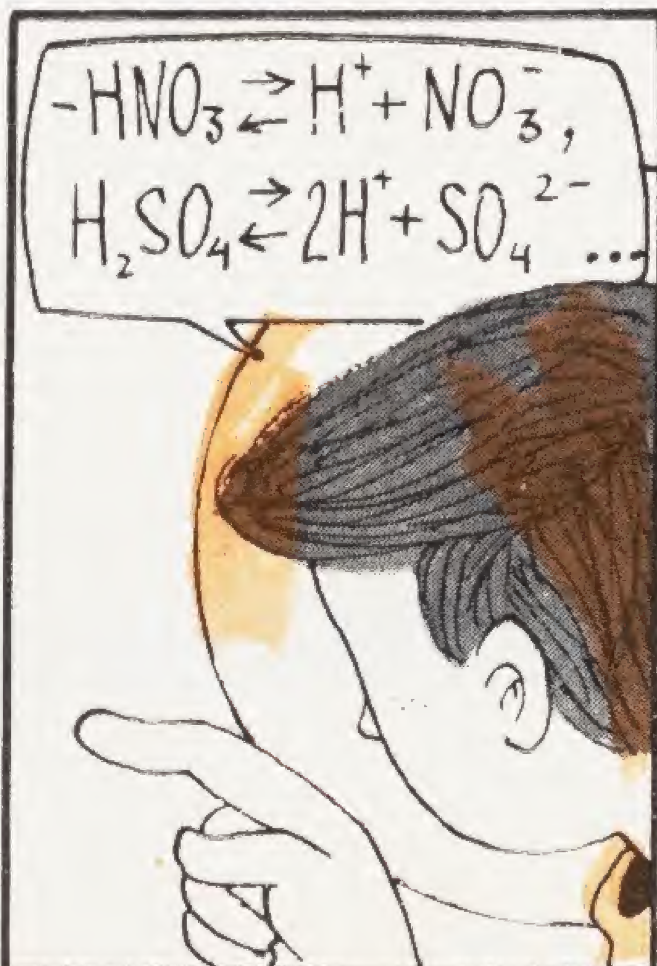

-Спасибо, Андрюша! Выдать ему из царских кладовых мороженого!

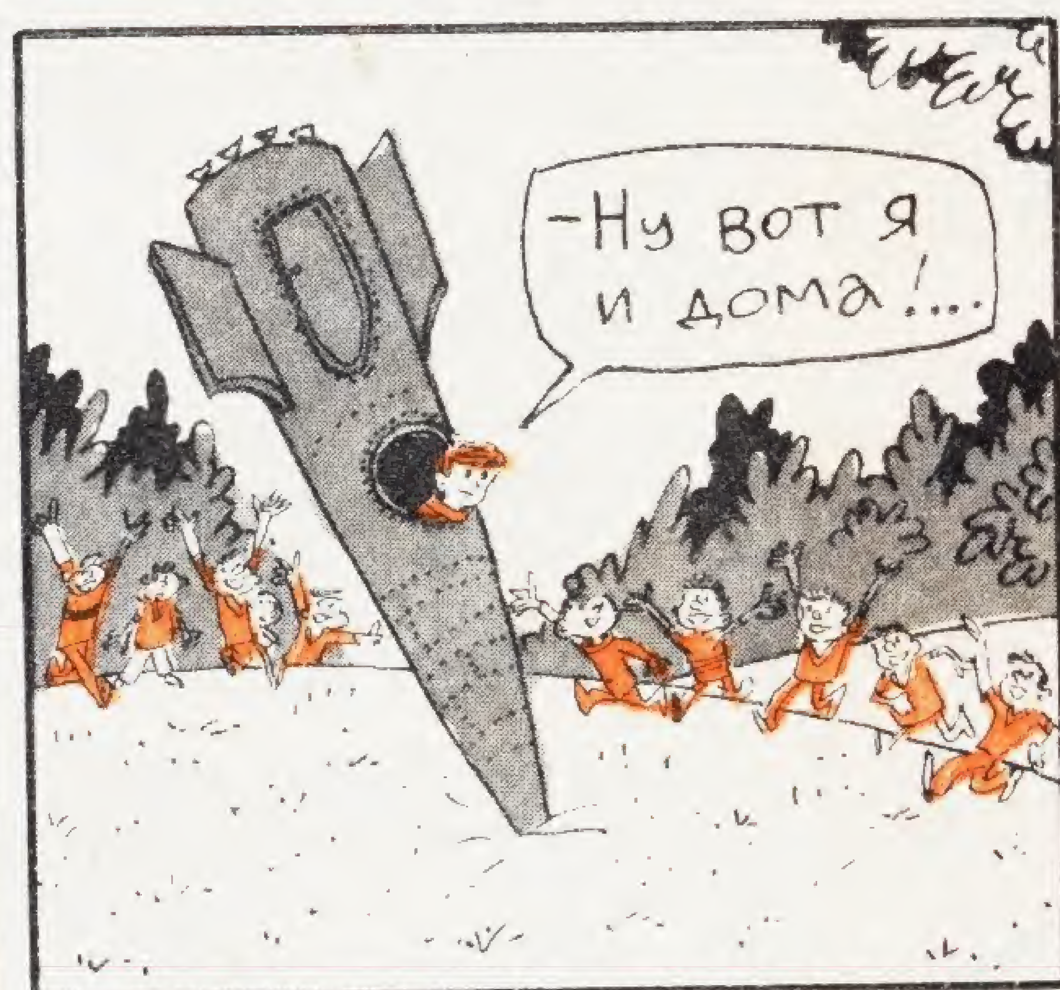

-Благодарю, благодарю,- я тороплюсь...

-Ну что ж, прощай! Не смеем задерживать...

-Яьзурд, етйащ- орп!

СТАРТ!

-Ну вот я и дома!...

-Молодец, Андрюша! Наземный экзамен ты выдержал на „отлично"!

...Как это „наземный"?...

-Да ведь ты же никуда не летал! Мы даже засняли твой „старт" на киноплёнку...
-Толик! Включи кинопроектор!

-Вот ты нажимаешь на кнопку „старт"...

СТАРТ!
-Вот под ракетой взрываются хлопушки и пистоны...

-Вот Гриша под шумок усыпляет тебя хлороформом...

-Мы перевернули ракету, и ты проснулся уже „на „Деметре", где показал себя настоящим героем...

-А змеи, ящеры, туземцы?...
-Карнавальные костюмы!...

-И теперь мы знаем, что лучшего командира, чем ты, Андрюша, нам не найти!

-Спасибо, ребята! Значит, главные старты впереди!

— Здесь,— сказала Калинка, ставя маленький серый магнитофон на Лёкин письменный стол,— здесь, на пленке, записано интервью. С кем бы вы думали?

— С космонавтом! — улыбнулся Алеша.

— С артистами! — предположила Марина.

Толстенькая черная Калинкина косичка качнулась влево—вправо: нет-нет.

— С самим Змеем Горынычем! — выпалил Боб Сухарев.

Калинка поморщилась и повернулась к Лёке:

— А ты что скажешь?

Лёка подумала и засмеялась:

— Какой месяц сейчас? Март. Весна. Все девчонки бегают, и шепчутся, и вздыхают: «Ой, какие-такие платья будут носить, ой, какое-такое пальто шить? И мальчики, между прочим, тоже. Угадала?

— Угадала. Сегодня я взяла интервью у Татьяны Ивановны Пироговой, одной из самых молодых московских модельеров.

И Калинка включила магнитофон.

...Уверенный, решительный Калинкин голосок сказал:

— Раз, два, три...

Все засмеялись. И Калинка тоже.

— Я проверяла звук! — сказала она.

Потом послышалась далекая музыка.

— Это идет показ моделей 1974 года. Очень интересно.

А потом снова возник Калинкин голосок.

— Полтора миллиона девочек и мальчиков — читателей «Пионера» хотят знать о современной моде. О чем говорят, Татьяна Ивановна, модельеры на своих встречах и обсуждениях? Что сейчас самое главное в моде?

И совсем другой голос ответил:

— Комплект — самая удобная, современная и практичная одежда, — говорят модельеры. — В комплект входят несколько основных вещей, таких, как юбка, жакет, жилет, брюки, блуза, джемпер, куртка. Все эти вещи, конечно, обязательно должны сочетаться по цвету и материалу.

Какие преимущества у комплекта?

Проще сшить два-три платья и ходить в них год, но из платья быстро вырастаешь, да и надоедает носить одно и то же.

Комплект позволяет сделать свою одежду разнообразной: сегодня одна комбинация вещей, завтра другая, послезавтра третья.

Из комплекта не вырастешь так быстро, как из платья. Юбки носятся дольше, в брюках можно сделать запас в манжетах. Комплект можно обновлять постепенно, по частям, и он весь сразу не износится, не устареет и не надоест.

Комплект выручит девочек и в будни и в праздник. В будни вы носите, скажем, юбку в складку из тонкой шерсти и трикотажную кофточку или джемпер, а в праздник к этой юбке наденете белую блузку с оборочками, украшенную маленьким букетиком искусственных цветов, и сразу будете выглядеть нарядно.

Комплект можно надевать утром и вечером, в любую погоду и в любое время года.

Составлять комплекты нелегко, особенно вначале.

Главное тут — желание, предприимчивость и терпение, потому что придется придумывать новые и новые варианты дополнений, отделок и аксессуаров, кое-что переделывать из старого (из своего и маминого), придется много шить и вязать. И помнить, что у вас не сразу все получится.

Самое сложное — решить комплект в цвете. Не нужно делать все

вещи одного цвета — такой комплект быстро надоест. Но они должны сочетаться по цвету и фактуре материала. Можно использовать клетку, полоску, горошек, набивные и гладкокрашеные ткани, пестроткань. **Вот один из вариантов:** белый жакет из льна с лавсаном или шерсти с лавсаном будет сочетаться с летним платьем любого цвета в белый горошек, с юбкой в красно-сине-белую клетку из шотландки и с брюками из яркого вельвета. Части комплекта можно объединить броскими джемперами, яркими полосатыми трикотажными блузками или жилетами, цветными гольфами или носками, шарфами, шейными платками, декоративными поясами, шапочками и прочими аксессуарами.

И, наконец, что сделать основой комплекта? Какую-нибудь большую вещь: брючный костюм или распространенный костюм-тройку, в который входит юбка, жакет и блузка.

Предположим, что после долгих колебаний и сомнений вы решили попробовать сделать модный комплект. Но какими будут пальто, костюмы, платья, жилеты и юбки в 1974 году?

В пальто остается модным полуприлегающий и приталенный силуэты. Приталенные пальто делают отрезными и расклешенными книзу. Линию талии подчеркивают свободно завязывающимся поясом. Такие пальто пойдут девочкам с тонкой талией, а девочкам с более плотной фигурой подойдет полуприлегающий силует, скользящие линии рельефов зрительно делают талию тоньше, а фигуру — стройнее. Отделывают пальто строчкой и декоративными швами, накладными карманами и кокетками, патами и хлястиками, погонами и пелеринками.

По-прежнему модны брючные комплекты: куртки с брюками, мини-пальто и пелерины с брюками.

Брючный комплект во взрослой моде вызвал споры, но в девичьей

одежде он пришелся сразу «ко двору». Девочкам не приходится сомневаться, пойдет или не пойдет им брючный комплект, он идет всем. Для теплых комплектов годится вельвет, плотная хлопчатобумажная ткань или дешевая шерсть, пестроткань. Брюки модно носить с пальто, курткой, жакетом, жилетом, джемпером, блузой.

Несколько слов о форме брюк. **Они должны быть длинные, до каблука.** Если с манжетом, то ширина манжета 3,5—4 см, ширина

брюк внизу зависит от вашего роста (20—24 сантиметра), расклешиваются брюки от середины бедра.

Мы все привыкли к такой комбинации: блузка с юбкой. **В 1974 году самыми модными будут юбки из шотландки, тонкой шерсти или льна с лавсаном в складку.** Складки, большие и маленькие — от семи — десяти сантиметров до плиссировки в один сантиметр — бантовые, встречные или односторонние могут быть расположены по всей юбке или на одном ее участке. По-прежнему будут модны юбки из плотной шерсти, искусственной замши или кожи со сквозной застежкой на пуговицах или «молнии».

К юбкам девочки носят декоративные пояса. Такой пояс можно сделать из обрезков яркой шерсти, сукна, кожи, замши, пряжи. Главное, побольше фантазии.

Блузки спортивного характера из ситца и поплина, из тонких, нежной расцветки хлопчатобумажных тканей: маркизета, батиста, шелка, отделанные шитьем,

кружевом, оборками, вышивкой, защипами и складочками.

Жилеты носят с брюками и юбками. Длинные отделывают вышивкой, аппликацией из сукна, бахромой, блочками и шнуровкой. Короткие, типа «болеро», делают из толстой ткани. **Самый модный — маленький вязаный жилетик типа маечки.** Гладкие, с ярким вывязанным кантом, полосатые, узорные с широкой резинкой на талии, они надеваются на платье, блузки, джемперы.

Девочки не откажутся, конечно, от платьев. Особенно от нарядных и летних из хлопчатобумажного бархата, тонкой шерсти, шелка. Украшают их воротничками и манжетами из отделочных тканей, бутоньерками, рюшами и кантами, складочками и защипами. **Отделки можно менять: сделайте два-три варианта воротничков и манжетов, нарядные и более скромные, и у вас каждый праздник будет новое платье.** Полюбились девочкам и комбинированные платья. Для них можно использовать старую одежду. Если старого маминого платья не хватит на новое платье для дочери, можно докупить ткань, которая будет сочетаться с цветом маминого платья. Само собой разумеется, что комбинировать можно и новые ткани. Для зимних платьев подойдут плотные ткани: штапельная шотландка хорошо сочетается с гладкокрашеной костюмной тканью, клетчатая костюмная ткань или пестроткань — с искусственной кожей или замшей. Две яркие, контрастные по цвету ткани могут дать интересный цветовой эффект.

Мода, безусловно, интересует и мальчиков. Как и вообще в мужской одежде, мода меняется довольно медленно, но все же меняется. Основное внимание — деталям.

Модельеры считают наиболее удобными и практичными для мальчиков комбинезоны, куртки и полупальто. Куртки из болоньи,

отделанные вставками из трикотажа, и куртки, комбинированные из ткани и кожи. Появились маленькие вязаные жилеты, гладкие и в полоску, жилеты длинные, спортивного характера по-прежнему в моде.

Брюки — прямые по всей длине или чуть-чуть расширенные книзу с манжетами или без манжет.

Модны комплекты: брюки с цветными набивными хлопчатобумажными рубашками или рубашками-поло (водолазками), а вместо пиджака декоративные жилеты.

Конечно, не каждая новинка годится для всех без исключения. И еще не забывайте: неряшливость зачеркнет все ваши попытки одеться модно.

Голос замолк. Снова послышалась музыка. Потом что-то щелкнуло, и Калинка нажала на зеленую кнопку, останавливая ленту.

— Все. Интервью окончено. Татьяна Ивановна передала мне четыре картинки с эскизами костюмов. Они дополнят ее рассказ. Смотрите!

— Ах, ах, какой полосатый жилетик!

— Ах, ах, какая накидка,— заверещали девочки.

— Вот так всегда,— возмутился Боб Сухарев,— девчонкам три картинки, а нам одну!

— Между прочим,— тихо сказал Алеша, дергая Боба за рукав куртки,— мы с тобой мужчины. Слышал, что сказала Татьяна Ивановна? Мужская мода меняется медленно.

— Слышал, слышал. Ну и что!

— Алеша хочет сказать,— вмешалась Калинка,— что мужчины— народ суровый, строгий, деловой, им не к лицу много заниматься модой. Чистота, аккуратность костюма, свежесть рубашки—вот что необходимо. Посмотри, Боб, внимательно на эту единственную картинку.

— Смотрю, смотрю,— упрямился Боб.

— Куртки и жилет,— спокойно продолжала Калинка, словно не замечая возмущения Боба,— заменили в большей степени, чем раньше, традиционные пиджаки. Рубашки стали более разнообразны. Шьют их из различных тканей—пестрых, полосатых; украшают вышивкой, комбинируют гладкокрашеную ткань (воротник, планка, карманы, манжеты) с пестрой. Фантазируйте, говорят современные модельеры. Но... не так, как пытался делать ты, Боб, нашив на брюки бубенчики.

Боб покраснел и отвернулся.

— Это было в прошлом году... Я был совсем глупый.

— А сейчас... попросил маму сшить брюки неимоверной ширины, напоминающие рясу. Не мудрено в них запутаться да и нос разбить.

— Так ведь и Татьяна Ивановна говорит: расклешенные!

— Слегка. Клеш не должен перекрывать носок ботинка. И такая грива, как у тебя, тоже не очень привлекательна.

— Вот,— сказал Боб, побренчав в кармане монетами.— Иду в парикмахерскую. Стричься. Самому надоело.

— А ты, Калинка, не могла бы взять интервью у парикмахеров?— попросил Алеша.— Многие мальчики хотели бы постричься модно, да не знают как.

— Пожалуй, надо это сделать в следующих номерах журнала,— сказала Калинка.

СПАСИТЕ ЖИВЖИВКУ!

Волны вышвырнули лодку Живживки на высокий утес. Видите обломки руля на одном из его уступов? Вскоре буря улеглась. Но как измученному путешественнику взобраться по скале к вершине? Помогите ему — прорубите ступеньки на склоне утеса. Для этого распределите на горизонтальных строчках восемь написанных на утесе слов так, чтобы в вертикальных строчках можно было прочитать семь слов, состоящих из четырех букв.

Капитан Перо-86 ищет помощника

НАЙДИТЕ ПАРОЛЬ!

— Что ты скажешь об этой записке? — спросил я у Циркуля. Ее написали Резинки.

— Здесь написано, что, собирая грибы в лесу, можно аукаться, а когда удишь рыбу на лесном озере, этого делать не следует.

— Мне сейчас не до шуток,— перебил я друга.— Я уверен, что здесь зашифрован новый пароль Карандашей. Одинаковые буквы означают одинаковые цифры! И наоборот! Надо немедленно расшифровать записку!

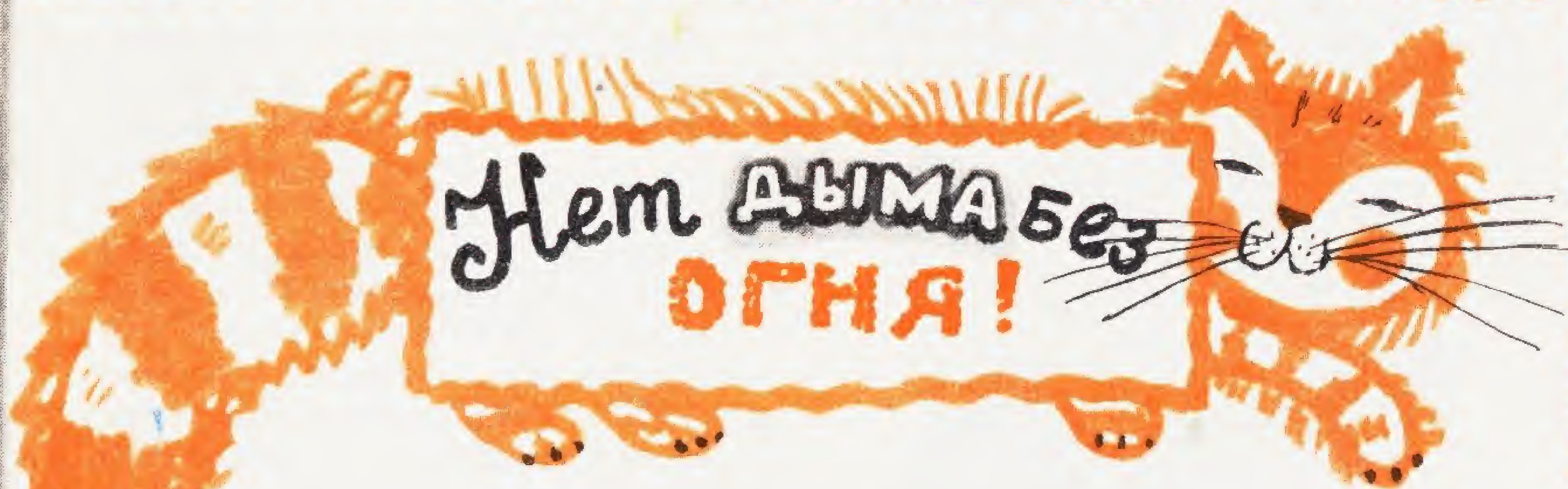
Не займетесь ли и вы этим?

+ ЛЕС
АУ
ГРИБ

ЛЕС
- АУ
УХА

ПАРОЛЬ 2107

Печь топить собрался кот.
Разберитесь сами,
Из какой трубы начнет
Дым валить клубами.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Игры Лупы и Пинцета.
Нужно сделать следующие ходы: Мали 5—4. Нигер 8—5. Мали 4—5. Алжир 9—8 и дальше двигаться против часовой стрелки вокруг Нигера. На 30-м ходу Верхняя Вольта окажется в седьмом квадрате.

Игры Деда Буквоеда.
Кто это?
Витязь, акробат, арифметика, бумеранг, сигара, глухарь, речушка, варежка, бурьян, пуговица.

Капитан Перо ищет помощника.
На столбах стояли цифры: 16, 61, 106. Машина шла со скоростью 45 километров в час.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Ядовитая задача

В альбоме Пинцета наклеено восемь марок: четыре румынских с изображением гадюки, четыре из республики Руанда. На них изображена кобра. Эти восемь змей помогли Пинцету составить очень ядовитую задачу. Вот она: разделите лист на четыре одинаковых по форме части так, чтобы в каждой из них было по одной гадюке и по одной кобре.

В самом деле ядовитая задача! Особенно, если учесть, что деление можно производить только по сторонам квадратиков.

Что советует ворона?

Раз, два, три, четыре, пять!
Гномы учатся летать!
Но дубовые листочки —
Как об этом не жалеть!—
Лишь до самой ближней
кочки
Помогают долететь!
И советует ворона:
Карприкарвякражикарте
Карликрастья карклекарна!

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Сдано в набор 25/I 1974 г. А 00743. Подписано к печати 2/III 1974 г. Формат 84×60. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 712. Заказ № 1835.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КТО ПОЧЁТНЫЙ ПРИЗ ЗАВОЮЕТ

Помните, в прошлом году Пешкин рассказывал о финальном турнире сборных команд Дворцов и Домов пионеров, которые сражались за почетный приз «Комсомольской правды»? Первое место заняла тогда команда Московского Дворца пионеров. Ее возглавлял экс-чемпион мира Василий Смыслов. Во главе каждой команды были гроссмейстеры и мастера, воспитанники шахматных пионерских клубов.

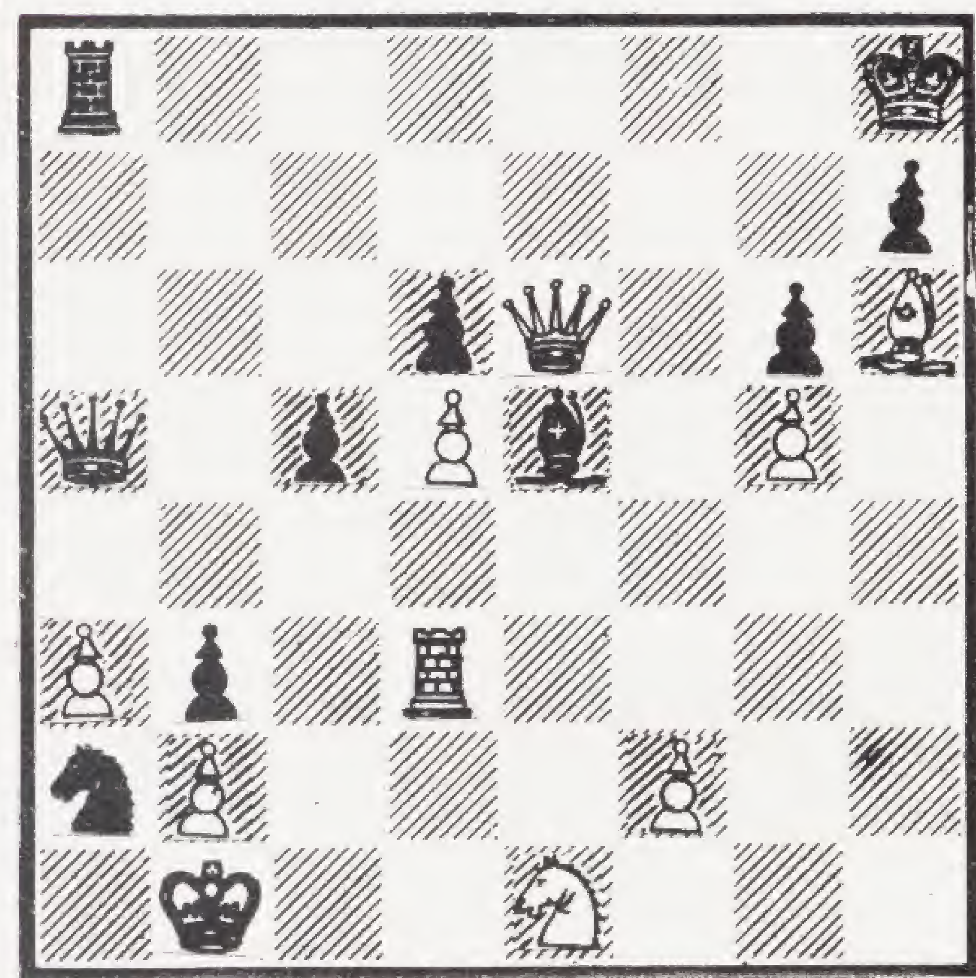
Сейчас юные шахматисты снова завершили борьбу за эту почетную награду. По всей стране прошли отборочные встречи команд пионерских дружин.

В Кировской области играли команды шести Домов пионеров, и первое место заняли ребята из города Кирова. За лучшие личные результаты грамотами отдела народного образования награждены **Саша Кононов, Вова Халилин, Олег Редькин, Таня Тугаринова** и другие ребята.

Пешкин был там. Ему понравилась игра **Иры Араслановой** из Кирово-Чепецка, **Васи Бердинских** и **Толи Лучникова** из города Слободского, **Андрея** и **Миши Ворониных** из Вятских Полян.

На областных соревнованиях в Чите отличились ребята из поселка Агинского. Их опередила только одна команда — шахматисты Читинского Дома пионеров.

Столичные пионеры тоже провели много интересных матчей. Посмотрите, как закончилась одна из партий, сыгранных в Московском Дворце пионеров. Белыми сражался **Алеша Григорьев,** черными — **Таня Надысева.**

Позиция очень острая. И белые и черные штурмуют королевские крепости. Чья атака опасней?

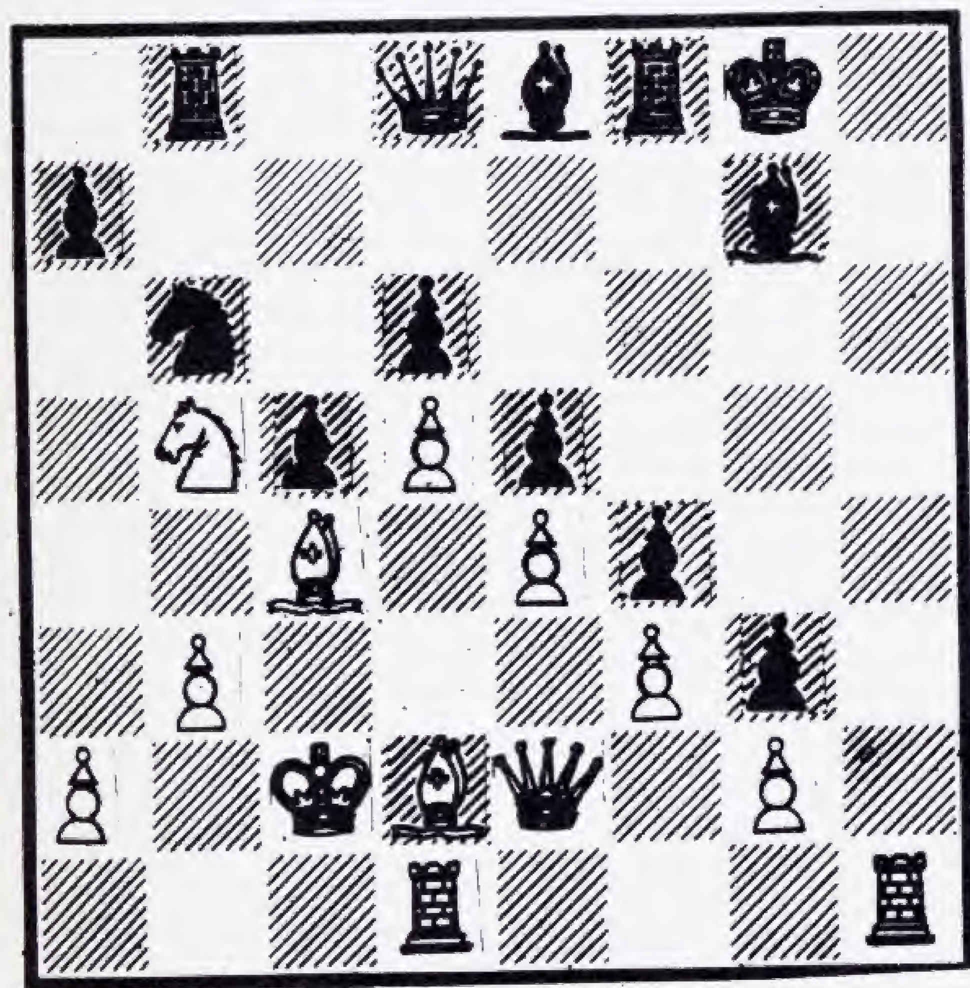
Игра продолжалась так: 1. Лd3—e3? (Алеша не оценил угрозу черных, нельзя было допускать вторжение ферзя. Лучше всего 1. Kf3) 1... Фа5 — d2 (Теперь белые не успевают взять слона е5 — им грозит мат на d1) 2. Ле3 : b3 Фd2 — c1 + ! 3. Крb1 : a2 Ла8 : a3 +!

Отлично! Таня нашла красивое завершение атаки. Черная ладья смело бросилась под три удара белых фигур, но если бы белые и взяли эту ладью, они все равно следующим ходом получают мат.

УСПЕХ МАЙИ ЧИБУРДАНИДЗЕ

Мы знакомили вас с этой тринадцатилетней тбилисской шахматисткой. Майя уже выступает в международных и всесоюзных соревнованиях, на ее счету немало побед над лучшими шахматистками мира. Майе присвоено звание мастера спорта.

Недавно в Тбилиси проводился дружеский матч команд СССР и Югославии. Майя была в составе нашей сборной, встретилась с чемпионкой Югославии Калхбренер и в хорошем стиле выиграла все четыре партии. Посмотрите, как завершилась одна из этих встреч. Майя играла черными.

Югославская шахматистка неосторожно взяла пешку а7. Лучше было 1. Кс3. Перед вами — окончание партии. Проанализируйте внимательно эту позицию. Итак:

1. Kb5 : a7 Лb8—a8 2. Ka7—c6 Ла8 : a2 + 3. Крс2 — c3 Се8 : c6 4. d5 : c6 + d6—d5 5. Сс4 : d5 + Kb6 : d5 6. e4 : d5 e5 — e4 + 7. Крс3 — c4 Ла2 — c2 + 8. Крс4 — b5 Фd8 — b8 + 9. Крb5 — a6 Лс2 — a2 + **Белые сдались.**

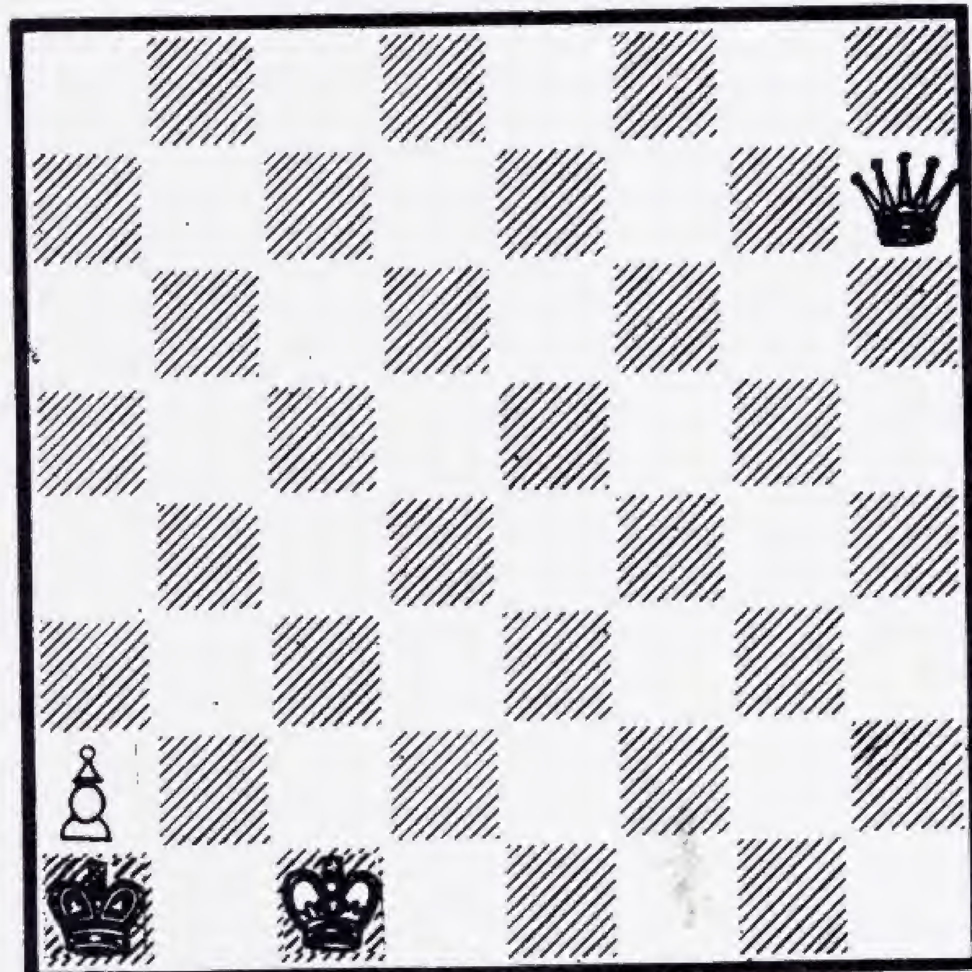

ЧЕЙ ХОД?

Однажды Пешкин услышал, как спорят два шахматиста.

— Я даю тебе мат ферзем на b1! — горячился один.

— Сейчас не твой ход! — возражал другой.

Увидев Пешкина, они бросились к нему:

— А ты как считаешь, Пешкин? Кто из нас прав?

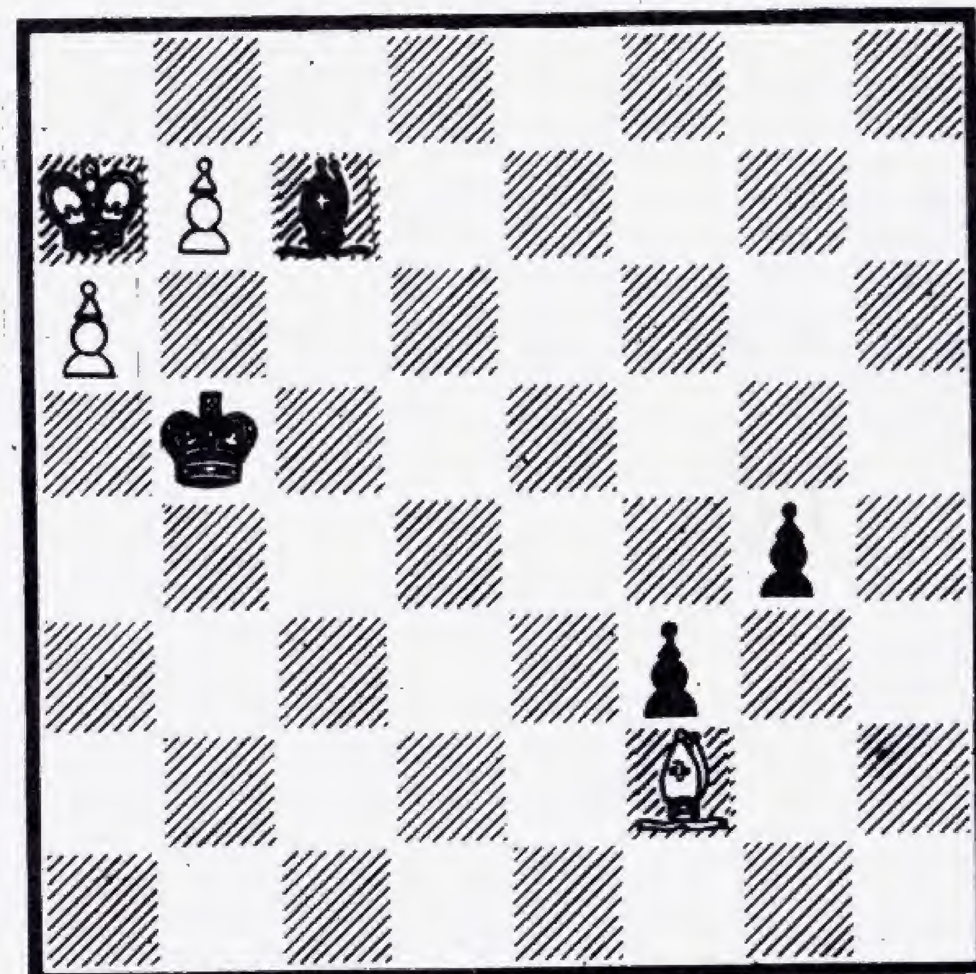
— Сейчас ход черных,— спокойно ответил Пешкин.— После того, как черные заберут пешку а2, белые дают мат в два хода.

Как Пешкин разгадал тайну этой позиции? Мы уверены, что большинство из вас сами найдут правильное решение. Кто не сумеет решить, ответ будет напечатан в журнале.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Как ваши дела, участники «Конкурса-74»? Пешкин надеется, что многие из вас получат в этом году спортивный разряд. Он ждет ваших писем с решениями конкурсных заданий.

Новое задание Пешкина: остроумный и красивый этюд, составленный известным чехословацким гроссмейстером Ольджихом Дурасом.

В этом положении ход белых. Как они добиваются победы?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ №№ 11 и 12

Задача Вити Ведиборенко. 1. Ла7, С : а7 2. Лb8.

НОВОГОДНИЙ КОНКУРС

Трехходовка — 1. Лf4 Кр : g3 2. 0—0.

Четырехходовка — 1. Крf7. Теперь у черного короля четыре хода, и на каждый белые заготовили точный ответ: 1... Крf5 2. h3; 1... Кр : f4 2. h3; 1... Крh5 Лg3 и 1... Кр: h4 2. h3.

Среди приславших правильные ответы **Владимир Лубкин** (с. Н. Пени, Белгородской обл.), братья **Владислав и Сергей Берлинские** (г. Бобринец, Кировоградской обл.), москвич **Александр Лесохин, Люда Поварницына** из г. Гремячинска, Пермской области, Вахтанг **Рожава** (Тбилиси).

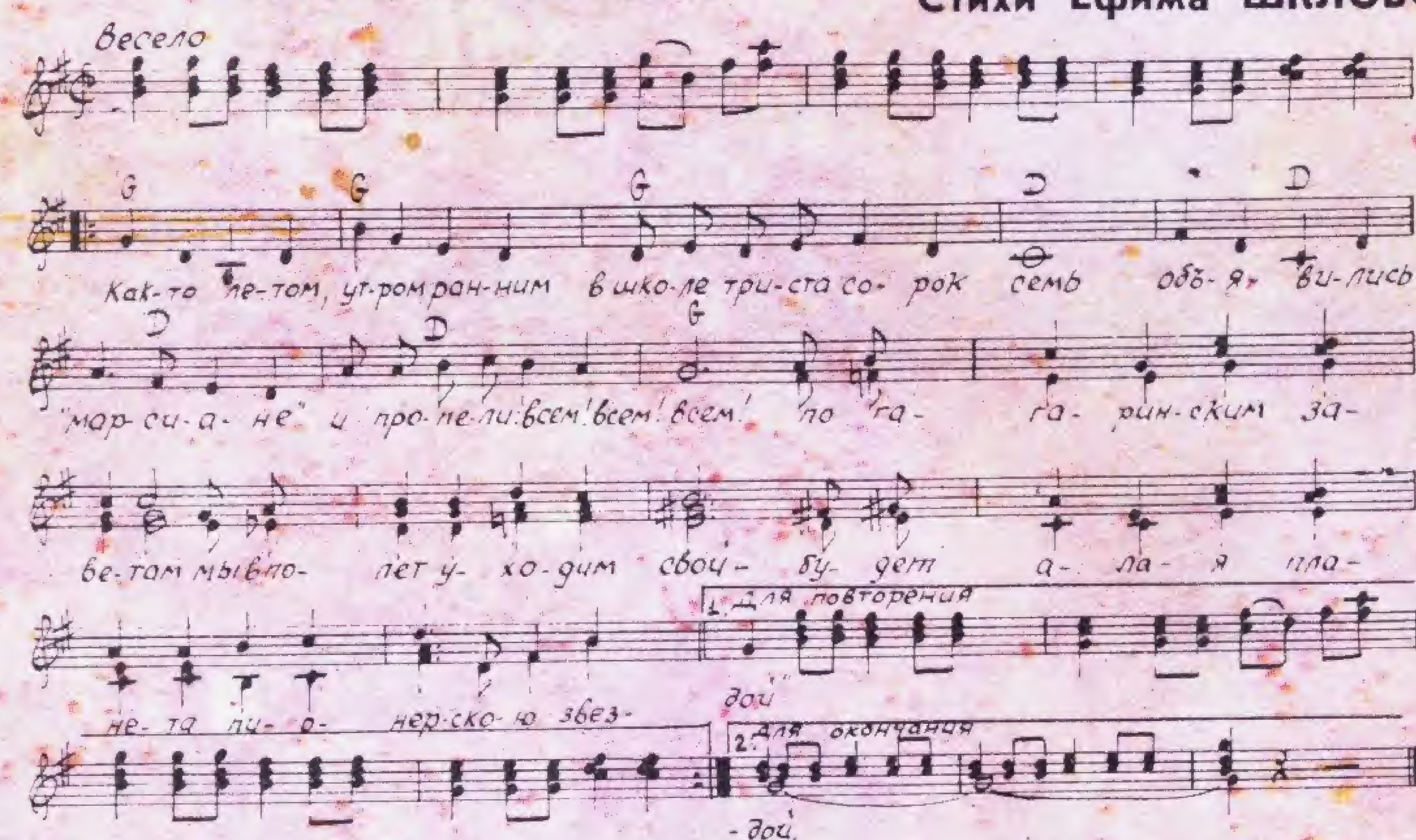

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Марсианский экипаж

Музыка Михаила ПРОТАСОВА.
Стихи Ефима ШКЛОВСКОГО.

Как-то летом, утром ранним
В школе триста сорок семь
Объявились марсиане
И пропели: «Всем! Всем! Всем!
По гагаринским заветам
Мы откроем лагерь свой —
Будет алая планета
Пионерскою звездой!»

В этот день дорогой дерзкой
Улетал отважный наш
Самый первый пионерский,
Марсианский экипаж.
Обгоняя скорость света
Дивной скоростью мечты,
В тот же день его ракета
Долетела до звезды.

И прямою связью с Марса,
По программе ровно в час,
Ваня, Таня, Коля, Вася
Сообщили в пятый класс:
«Все в порядке, все в порядке.
Школа может быть горда —
Зарисована в тетрадке
Пионерская звезда.
Место выбрано под лагерь,
Рядом горы и моря.
И над ними наши флаги
Алым пламенем горят.
Собирайтесь к нам, ребята!
Призывает вас сюда,
На линейку, всем отрядом
Пионерская звезда».
Как-то летом утром ранним
В школу триста сорок семь
Возвратились марсиане
И пропели: «Всем! Всем! Всем!
По гагаринским заветам
Мы открыли лагерь свой —
Стала алая планета
Пионерскою звездой».

Рисунки И. КРАСУЛИНА.